

СЕВЕРНЫЕ ДРЕВНОСТИ:

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

I (I7) / 2026

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ЮГРЫ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

БУ ВО ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
SURGUT STATE UNIVERSITY

ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ – 1»
LLC "SCIENTIFIC PRODUCTION ASSOCIATION "NORTHERN ARCHAEOLOGY – 1"

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»
ANO "INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE NORTH"

БУ ВО ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ – 1»
АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

СЕВЕРНЫЕ ДРЕВНОСТИ: АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

№ 1 (17) 2026

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮГРЫ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ
(МАТЕРИАЛЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ, Г. СУРГУТ 15-18.04.2025 Г.)

НЕФТЕЮГАНСК – СУРГУТ

SURGUT STATE UNIVERSITY

LLC "SCIENTIFIC PRODUCTION ASSOCIATION "NORTHERN ARCHAEOLOGY – 1"

ANO "INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE NORTH"

NORTHERN ANTIQUITIES: ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY, HISTORY

№ 1 (17) 2026

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮГРЫ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ
(МАТЕРИАЛЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ, Г. СУРГУТ 15-18.04.2025 Г.)

NEFTEYUGANSK – SURGUT

Учредители:

БУ ВО ХМАО-Югры «Сургутский государственный университет»
ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология – 1»
АНО «Институт археологии Севера»

Издатель:

АНО «Институт археологии Севера»
628306 Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нефтеюганск,
Промышленная зона Пионерная, ул. Набережная, стр. 16, офис 202

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № ФС77-83139 от 12 мая 2022 г.

Издается с мая 2022 года.

Выпускается 4 раза в год.

Главный редактор:

А. В. Курбатов, д-р ист. наук

Редакционная коллегия:

С. М. Косенок, д-р пед. наук, профессор

Е.М. Главацкая, д-р ист. наук, профессор

О. В. Кардаш, д-р ист. наук

Г. П. Визгалов, канд. ист. наук

Н. М. Чаиркина, д-р ист. наук

И. В. Побережников, д-р ист. наук

В. С. Мыглан, д-р ист. наук

Выпускающий редактор:

Е. А. Гирченко

Полные тексты статей размещаются в базе данных Научной электронной библиотеки на сайте elibrary.ru и включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Журнал выходит в свет в рамках реализации проекта № 2023-227-18 «Югорская археология и этнография: сохранение и изучение культурного наследия в условиях нефтегазового освоения Севера» (Департамент образования и науки ХМАО-Югры) по госзаданию СурГУ на 2024–2026 гг.

Адрес редакции:

628306, РФ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нефтеюганск,
Промышленная зона Пионерная, ул. Набережная, стр. 16, офис 202
E-mail: archeonord.journal@yandex.ru
www.nordarcheo.ru

12+

ISSN 2949-3609

© БУ ВО «Сургутский государственный университет», 2026

© ООО «НПО «Северная археология – 1», 2026

© АНО «Институт археологии Севера», 2026

© Оформление.

АНО «Институт археологии Севера», 2026

Founders:

Surgut State University
LLC “Scientific Production Association “Northern Archaeology – 1”
ANO “Institute of Archaeology of the North”

Publisher:

ANO “Institute of Archaeology of the North”
628306, Russian Federation, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Nefteyugansk,
Pionernaya Industrial Zone, Naberezhnaya street, 16, office 202

The publication is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere
of Communications, information technology and mass communications
Certificate PI No. FS77-83139 dated May 12, 2022

Published since May 2022.
Issued 4 times a year.

Chief Editor:

A.V. Kurbatov, Doctor of Historical Sciences

Editorial team:

S. M. Kosenok, Doctor of Pedagogical Sciences, professor
E.M. Glavatskaya, Doctor of Historical Sciences, professor
O. V. Kardash, Doctor of Historical Sciences
G. P. Vizgalov, Candidate of Historical Sciences
N. M. Chairkina, Doctor of Historical Sciences
I. V. Poberezhnikov, Doctor of Historical Sciences
V. S. Myglan, Doctor of Historical Sciences

Commissioning Editor:

Ekaterina A. Girchenko

Full texts of articles are placed in the database of the Scientific Electronic Library on the website elibrary.ru and are included in the Russian Science Citation Index (RSCI). The journal is published within the framework of the project № 2023-227-18 «Yugra archeology and ethnography: preservation and study of cultural heritage in the conditions of oil and gas development of the North» (Department of Education and Science of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra) under the state order of Surgut State University for 2024–2026.

Editorial office address:

628306, Russian Federation, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra,
Nefteyugansk, Pionernaya Industrial Zone, Naberezhnaya street, 16, office 202
E-mail: archeonord.journal@yandex.ru
www.nordarcheo.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	8
АРХЕОЛОГИЯ	
Круземент С. А., Турянский А. И., Трунова Н. Е. Опыт комплексного анализа результатов разведочного обследования и археологических раскопок на примере исследования грунтовых промыслово-охотничьих сооружений эпохи неолита – позднего бронзового века в бассейне верхнего течения реки Большой Салым	10
Гнатив В. О., Трунова Н. Е., Миронов П. В. Предварительные результаты археологических полевых исследований, проведенных разведочными отрядами ООО НЦ «Топос» (в рамках работ по обследованию технического состояния и установлению границ территорий объектов археологического наследия в бассейне реки Конды в 2020, 2022–2024 гг.).....	36
Горбатенко Е. А. Нательные кресты и иконки XVI–XVIII вв. в археологических коллекциях Югры и Подонцовья.....	102
Тупахина О. С., Понкратова И. Ю., Лебедева Л. С. Объект культурного наследия «Город Гижигинск»: итоги полевых работ в 2024 году.....	124
ИСТОРИЯ	
Вербовский А. В. Опыт создания графических реконструкций оборонных сооружений города Берёзова	142
Список сокращений	158

CONTENTS

Foreword	8
 ARCHAEOLOGY	
Kruzement S. A., Turyanskiy A. I., Trunova N. Ye. Experience in the comprehensive analysis of the results of exploratory surveys and archaeological excavations, using the example of the study of ground trapping and hunting structures from the Neolithic to the Late Bronze Age in the upper reaches of the Bolshoy Salym River basin	10
Gnativ V. O., Trunova N. E., Mironov P. V. Preliminary results of archaeological field investigations conducted by the survey teams of “Topos” Research Center LLC as part of the assessment of the technical condition and delineation of boundaries of archaeological heritage sites in the Konda river basin in 2020 and 2022–2024	36
Gorbatenko. E. A. Body crosses and icons of the XVI–XVIII centuries in the archaeological collections of Yugra and Podontsovye	102
Tupakhina O. S., Ponkratova I. Y., Lebedeva L. S. Cultural heritage site «Gizhiginsk City»: results of field work in 2024.....	124
 HISTORY	
Verbovskiy A. V. The experience of creating graphic reconstructions of defense structures of the city of Berezov	142
Abbreviation list	158

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В этом номере журнала мы публикуем материалы первой Региональной научно-практической конференции «Актуальные вопросы сохранения историко-культурного наследия Югры и сопредельных территорий», которая состоялась в г. Сургуте 15–18 апреля 2025 года.

Историко-культурное наследие Югры – уникальный и многослойный пласт, требующий постоянного научного осмысления, актуальных методов фиксации и грамотной популяризации. Именно эти задачи объединили на одной площадке специалистов в области археологии, истории, музееведения, правового регулирования и информационных технологий. Первая конференция показала высокий интерес профессионального сообщества к системному диалогу и обмену опытом.

Важно отметить, что конференция с самого начала была задумана как максимально открытая площадка. Мероприятие объединило представителей академической науки, университетского сообщества, музеев, государственного органа охраны объектов культурного наследия и некоммерческих организаций.

Учитывая высокую востребованность такой коммуникационной площадки и живой интерес со стороны профессионального сообщества, организаторы приняли решение придать конференции регулярный характер. И уже в 2026 году в Музее Природы и Человека в Ханты-Мансийске состоится вторая конференция. Планируется, что отныне она станет ежегодной. Это значит, что у археологов, историков, реставраторов, музейщиков и всех, кто неравнодушен к судьбе историко-культурного наследия региона, появится постоянное место для встреч, обсуждения насущных проблем и презентации результатов исследований. А мы, в свою очередь, надеемся, что все материалы состоявшихся и будущих конференций будут введены в научный и публичный оборот.

Тематика представленных в этом номере работ охватывает широкий спектр направлений – от новых полевых открытий до вопросов сохранения объектов культурного наследия в современном пространстве.

Главным содержательным блоком стали статьи, посвященные археологическим исследованиям. Так, статья С. А. Круземента, А. И. Турянского и Н. Е. Труновой «Опыт комплексного анализа результатов разведочного обследования и археологических раскопок на примере исследования грунтовых промыслово-охотничьих сооружений эпохи неолита – позднего бронзового века в бассейне верхнего течения р. Большой Салым»

демонстрирует возможности междисциплинарного подхода при изучении сложных объектов, имеющих большое значение для понимания хозяйственных стратегий древнего населения региона.

Материал об охранно-спасательных раскопках представлен В. О. Гнативом, Н. Е. Труновой и П. В. Мироновым в работе «Предварительные результаты археологических полевых исследований, проведенных разведочными отрядами ООО НЦ «Топос» в рамках работ по обследованию технического состояния и установлению границ территорий объектов археологического наследия в бассейне реки Конда в 2020, 2022–2024 годах».

Особого внимания заслуживает исследование Е. А. Горбатенко «Нательные кресты и иконки XVI–XVIII вв. в археологических коллекциях Югры и Подонцовья». Эта работа выходит за рамки региональной проблематики, предлагая интересные параллели между христианской археологией двух удаленных территорий. Анализ находок предметов благочестия позволяет автору сделать выводы не только о хронологии и типологии предметов, но и о культурных связях и повседневной жизни населения Югры в позднем Средневековье и в эпоху Нового времени.

Публикация О. С. Тупахиной, И. Ю. Понкратовой и Л. С. Лебедевой «Объект культурного наследия «Город Гижигинск» (конец XVII – начало XX века): итоги полевых работ в 2024 году» вводит в научный оборот свежие полевые материалы по одному из интереснейших памятников русской колонизации на Дальнем Востоке.

Историческое направление представлено в сборнике статьей А. В. Вербовского «Опыт создания графических реконструкций оборонных сооружений города Берёзова конца XVI – середины XVIII века». Автор рассказывает, как на основе комплекса письменных и археологических источников воссоздается облик деревянных крепостных сооружений одного из первых русских городов Югры. Такие графические реконструкции имеют не только научную ценность, но и огромный популяризаторский потенциал, позволяя сделать региональную историю наглядной и доступной для широкой аудитории.

Уверены, что размещенные в номере новейшие научные материалы будут интересны тем, чьи исследования и практическая работа связаны с сохранением, изучением и популяризацией историко-культурного наследия.

АРХЕОЛОГИЯ
ARCHAEOLOGY

The image features a detailed archaeological site plan in the background, showing various structures, trenches, and elevation points. Overlaid on the plan are several photographs of archaeological artifacts. On the left, there is a collection of small, irregular fragments of pottery or stone, some with decorative patterns. In the center, a large, shallow, bowl-shaped artifact is shown, featuring a wide rim with a distinct ribbed or beaded pattern. To the right, there is a large, rounded, bowl-shaped artifact with a textured surface, and below it, a smaller, rounded object with a similar texture. The entire composition is set against a dark blue background with a subtle grid pattern.

УДК: 902.2 (571.122), 930

DOI 10.31630/2949-3609-2026-1-10-35

С. А. Круземент¹, А. И. Турянский¹, Н. Е. Трунова¹¹ООО НЦ «Топос», Екатеринбург, Россия

ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА РЕЗУЛЬТАТОВ РАЗВЕДОЧНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРУНТОВЫХ ПРОМЫСЛОВО-ОХОТНИЧЬИХ СООРУЖЕНИЙ ЭПОХИ НЕОЛИТА – ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ БОЛЬШОЙ САЛЫМ

Аннотация. В статье проанализированы данные разведок и раскопок памятников археологии в верховьях р. Большой Салым (Север Западной Сибири), на которых обнаружены руинированные остатки ловчих ям. Данные об экологии целевых объектов охоты (лось, северный олень), растительности и ландшафте, сведения о местоположении выявленных ловчих ям позволили создать модель перемещения животных в регионе. Выявлены характерные черты и особенности ловчих ям, изученных раскопками в данном регионе. Приведены датировки сооружений, полученные на основании радиоуглеродного анализа.

Annotation. The data from the reconnaissance and excavations of archaeological sites in the upper reaches of the Bolshoy Salym River (Northwestern Siberia) have been analyzed, there the ruined remains of trapping pits were found. Information about the ecology of the target hunting objects (moose and reindeer), vegetation and landscape characteristics, as well as details regarding the location of the identified pitfall traps, allowed for the creation of a model of animal movement in the region. Distinctive features and characteristics of the pitfall traps studied through excavations in this area have been identified. Dates for the structures obtained through radiocarbon analysis are presented.

Ключевые слова: промысловые сооружения, ловчие ямы, Север Западной Сибири, эпоха неолита, бронзовый век, река Большой Салым

Keywords: hunting construction, pitfall trap, North of Western Siberia, Neolithic period, Bronze Age, Bolshoy Salym river

Введение. Промысловые объекты, интерпретируемые как «ямы-ловушки», «ловчие ямы» и т. п., известны по всему Северу Евразии – от западных окраин Фенноскандии [Hennius Andreas, 2020] до Японского архипелага [Hiroyuki Sato, 2012]. Север Западной Сибири в этом смысле не является исключением. Значительное (не менее 15 % от общей численности на 2023 г.) количество выявленных памятников археологии в пределах административных границ Ханты-Мансийского автономного округа – Югры предварительно отнесено к данному типу археологических объектов.

Несмотря на возрастающий объем найденных в ходе археологических разведок и изученных раскопками памятников данного типа, количество опубликованных результатов исследований и комплексных аналитических публикаций остается незначительным в сравнении со степенью изученности других типов памятников Севера Западной Сибири. Парадоксальное несоответствие исследовательского интереса и объема зафиксированных древних промысловых объектов может объясняться как относительной «свежестью» тематики – проблема древних ловчих ям была актуализирована сравнительно недавно,

в начале 90-х гг. XX века [Кокшаров, 1993. С. 162–169], так и нетривиальностью задач и исследовательских проблем, которые необходимо решать при изучении данного типа памятников.

В рамках краткого историографического обзора самых значительных публикаций по теме исследования отметим упомянутую выше статью С. Ф. Кокшарова, в которой автор выделил новый тип памятников – ямы-ловушки. Он описал особенности топографии археологических сооружений, внешний вид, указал на еще одну характерную черту – отсутствие или крайне малое количество находок археологических предметов, привел примеры данного типа памятников. В 2009 г. вышла аналитическая статья Л. Л. Косинской «О некоторых параллелях в археологии Севера Западной Сибири и Северо-Запада Европы: ловчие ямы каменного века» [Косинская, 2009], в которой проанализирован ареал распространения данного вида памятников в Российской Федерации, отмечен факт их сходства с подобными памятниками на территории Фенноскандии. Описан внешний вид ям до раскопок и их признаки по результатам раскопок, отмечена связь местоположения ловчих ям с элементами мезорельефа и широкие

хронологические рамки их существования: от эпохи камня до этнографической современности. В 2022 г. вышел выпуск № 2 (02) журнала «Северные древности. Археология, этнография, история», целиком посвященный использованию промысловых сооружений на территории Севера Западной Сибири. В нем не только введены в научный оборот результаты исследований конкретных объектов археологического наследия, но и присутствуют аналитические работы, посвященные изучению данного вида памятников и обобщению имеющихся сведений по ним.

Относительная «бедность» культурного слоя и «однозначность» конструктивных особенностей ям-ловушек создают иллюзию изученности данного типа памятников, однако требуется взглянуть на древние промысловые объекты как на памятники ландшафтной археологии, т. е. как комплекс взаимосвязанных субъектов-объектов – человек – коллектив – орудие – животное – ландшафт. Подобные идеи и концепции в отношении ям-ловушек некоторое время разрабатываются в зарубежной археологии, например, в регионе Фенноскандия [Solli Brit, 2018].

Цель настоящей публикации – ввести в научный оборот и комплексно проанализировать данные, полученные в ходе археологических разведок и раскопок древних грунтовых промысловых объектов эпохи неолита – позднего бронзового века на примере ряда памятников археологии в бассейне верхнего течения р. Большой Салым. Ранее эти данные нигде не публиковались.

Методология исследования. В ходе научного исследования мы ориентировались на междисциплинарный подход: историко-типологический и естественнонаучный методы. Например, использовалось радиоуглеродное датирование проб по изотопу ^{14}C . Также применялся инструментарий математической статистики для анализа массива данных. Производились вычисления модальных, медианных значений, коэффициентов линейной корреляции и детерминации. Привлечены данные смежных дисциплин – палеопочвоведения, геоморфологии, климатологии.

Территориальные рамки исследования – относительно небольшая однородная по ландшафтным характеристикам зона, ограниченная с севера р. Куимъега, с юго-запада – р. Большой Салым, с востока – верховьями р. Тапатъега, с юга – условной линией, соединяющей р. Ай-Тапатъега и р. Большой Салым (рис. 1, 2). Выбор района исследований обусловлен следующими факторами:

Во-первых, данная территория представляет собой относительно очерченную характерную экосистему, на которую можно взглянуть как на модель для понимания взаимодействия с ней охотничьих древних коллективов.

Во-вторых, на рассматриваемой территории за последние годы (с начала 2000-х) проведен ряд комплексных археологических исследований – археологических разведок и раскопок, в результате которых получен

связанный массив данных, требующий аналитического осмысления. В то же самое время есть потенциал к увеличению представленных данных как в экстенсивном плане – за счет выявления новых памятников археологии промыслового типа и расширения ареала исследуемой территории в рамках Салымо-Юганского междуречья, так и путем интенсификации и получения большей информации из выявленных на текущий момент объектов археологического наследия.

Ландшафтно-топографическая характеристика. Изучаемый район расположен на Севере Западно-Сибирской равнины, в пределах Салымо-Обской ландшафтной провинции [Москвина, Козин, 2001. С. 6]. Ландшафт равнинный. Тип местности – придолинно-дренированный, междуречья заболочены. Большая часть поверхности занята болотом, сухие участки встречаются в виде удлинённых узких грив, расположенных вдоль рек и озер. Чаще всего эти формы рельефа вытянуты в субширотном направлении – с юго-запада на северо-восток. Высоты поверхности колеблются в пределах отметок 47,2 м (система высот – Балтийская; в районе устья р. Тапатъега) и 63,3 м (вершина останца в левобережье Тапатъеги).

Гидрографическая сеть района представлена р. Большой Салым и ее правыми притоками: реками Куимъега, Тапатъега, Чупал, а также озерами. Район представляет собой типичную для среднетаежной подзоны территорию с общим уровнем заболоченности 40–50 %, слабоврезанными долинными комплексами рек второго и третьего порядков.

Основной водоток – Большой Салым, на данном отрезке протекает с юго-востока на северо-запад, затем поворачивает к западу. Долина водотока хорошо разработанная, с выраженным поясом меандрирования. На расстоянии от 0,3 до 1,7 км к западу от современного русла фиксируется прежняя долина водотока, из которой берут истоки малые притоки Большого Салыма. В долине водотока широко распространены пойменные останцы и останцы обтекания. К востоку от русла водотока располагается обширное болото, покрытое густой сетью озер, объединённых общим названием – озера Чупаллор. Их размеры колеблются от нескольких десятков метров до 2,6–3,0 км. Из этих озер берут истоки все водотоки описываемой территории. Наиболее крупные – реки Тапатъега, Чупал, Куимъега. Тапатъега вытекает из безымянного озера к востоку от озер Чупаллор, огибает их с севера. В верхнем и среднем течении водоток следует вдоль положительных структур. Собственные террасовые уровни водотока слабо выражены. Река Чупал вытекает из озера, расположенного в центральной части озерной системы Чупаллор, пересекает безымянное озеро, следует в направлении с востока на запад. Резкий поворот водоток делает в месте расположения крупного останца. Огибая эту положительную форму рельефа, водоток поворачивает на юго-запад.

Растительность и почвы. Весьма характерен для среднетаежной подзоны Западной Сибири и растительный покров исследуемого района. На гривах хвойная, с фрагментарной примесью мелко-лиственной лесная растительность в сочетании с травянистым моховым либо с кустарничково-лишайниковым напочвенным покровом предопределяет формирование достаточно мощной лесной подстилки. Это стимулирует развитие подзолистого процесса в условиях облегченного влагопереноса за счет легкого гранулометрического состава. Характерные почвы на дренированных участках местности – иллювиально-железистые карманистые подзолы.

Растительность болот – древесно-кустарничково-травяно-моховые, также кустарничково-моховые и осоково-моховые фитоценозы. Болотные торфяные верховые почвы являются одним из основных компонентов почвенного покрова всего Салым-Иртышского междуречья, занимая около 40 % территории. Эта величина соответствует усредненной степени заболоченности, установленной для подзоны средней тайги Западной Сибири.

Животный мир достаточно разнообразен. В Югре обитают практически все представители охотничьих животных и птиц, характерные для таежной зоны Западной Сибири. На основании «Доклада об экологической ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в 2020 году», на территории округа обитает 64 вида млекопитающих и 260 видов птиц [Доклад..., 2021. С. 74]. В рамках данной работы нас прежде всего интересуют промысловые животные, для ловли которых предназначались грунтовые промыслово-охотничьи сооружения (ловчие ямы). Судя по расположению и морфологическим характеристикам изученных ловчих ям, представляется наиболее вероятным, что северный олень (*rangifer tarandus*) и лось (*alces alces*) являлись ключевыми объектами охотничьего промысла на территории Салымо-Юганского междуречья [Головнев, 1993. С. 47; Косинцев, 2006. С. 76]. Соответственно, их образ жизни (пути миграции, кормовая база, жизненный цикл) влиял и на подходы древних коллективов к освоению территории.

По данным зимнего учета Службы по контролю и надзору в сфере охраны окружающей среды, объектов животного мира и лесных отношений ХМАО-Югры за 2020 г., в округе было зафиксировано 23 960 особей лося и 5644 особи северного оленя [Доклад..., 2021].

Лось распространен по территории округа повсеместно, но предпочитает смешанные леса, а также гари и вырубы, поймы рек и озер. Характерной особенностью биологии данного вида являются сезонные миграции, особенно в осенне-зимний период, связанные с поиском и доступностью кормов. Популяции лося на территории автономного округа находятся в фазе роста численности [Доклад..., 2021]. В связи

с тем, что у лося хорошо выражена сезонная смена кормов, наблюдаются миграции осенью (с первыми заморозками) и весной, с началом таяния снега. Еще одна из причин миграции – переход в места с меньшей высотой снежного покрова (для лося комфортен уровень снега до 0,5–0,8 м и отсутствие наста). Важную роль в миграции или ее отсутствии играет емкость зимних стадий: при увеличении популяции животных их миграционная активность возрастает. Летние стаи лося расположены на болоте, в заболоченных зарослях кустарников, по берегам рек, на лесных полянах. От кровососущих насекомых спасается на хорошо продуваемых участках местности. Осенью предпочитает вырубки, солнечные поляны. В начале зимы переключается в заболоченное мелколесье, на зарастающие вырубки, на берега рек. В конце зимы переходит в лес, где меньше глубина снежного покрова и еще сохранилась кормовая база (кора, ветви). Предпочитает смешанные леса, но может находиться и в сосновых, наименее предпочтительны темнохвойные леса. Ранней весной ищет вырубки, солнечные поляны. С приходом тепла переключается на болота в поисках более питательного корма. После отела самки лося прогоняют от себя годовалых телят, годовалые особи начинают беспорядочно перемещаться по окружающей территории – именно они чаще всего гибнут, забредая в опасные для них места.

Основное поголовье северного оленя сосредоточено в Березовском районе. В угодьях Кондинского, Октябрьского и Советского районов численность составляет несколько сотен особей. Внесен в Красную книгу ХМАО-Югры как редкий подвид. В Среднем Приобье распространение носит очаговый характер. Ареал представлен четырьмя локальными популяциями: сосвинской, кондинской, салымо-юганской и ваховской. В бассейне Конды средняя численность северного оленя в 2013–2018 гг. составляла 113 особей, а в 2019–2022 гг. – 264 особи (до 331 оленей в 2019 г.). При этом что ранее кондинская популяция была самой крупной среди популяций северного оленя в ХМАО-Югре: в 1970 г. ее численность составляла 12 тыс. особей.

В зимние сезоны предпочитает лишайниковые боры, заболоченные водоразделы с рьями и озерами, леса по окраинам болот, встречается на старых вырубках и гарях. В массивах темнохвойных лесов олени концентрируются при образовании настов в предвесенний период, что дает им возможность кормиться древесными лишайниками. В весенне-летний период олени выходят на открытые болота, обдуваемые от гнуса, в поймы рек и к озерам. В зимние сезоны ведут стадный образ жизни. При высокой численности размеры стад достигают 300 голов, при низкой – 15–17 голов. В летний период держатся поодиночке или небольшими группами в 3–5 голов. С падением численности миграционная активность затухает, и олени

совершают только местные перекочевки [Красная книга..., 2023. С. 27].

При сопоставлении ландшафта рассматриваемого региона (обширные болота, множество заболоченных пойм озер и рек, небольшие участки суши в виде отдельных гряд) и особенностей поведения лосей и северных оленей можно прийти к выводу, что данная местность идеально подходит для летних стаций указанных животных. Зимние кормовые ресурсы ограничены. Кроме того, высота снежного покрова достаточно большая (до 0,94 м). Таким образом, в малоснежную зиму небольшая по размеру популяция может здесь существовать. В многоснежную зиму большая популяция вынуждена мигрировать в лесистую местность с меньшей высотой снежного покрова и с большей кормовой базой.

Другие промысловые животные в настоящее время либо не встречаются, либо встречаются редко. Благородный олень (марал) – животное широколиственных лесов, в регион заходят единичные представители вида: в 2021 г. возле природного парка «Кондинские озера» были замечены две самки маралов [В ХМАО пришли маралы..., 2021]. Косуля также встречается крайне редко. Северная граница ареала обитания косули проходит между 61 и 65 градусами северной широты. Лимитирующим фактором для ее распространения является глубина снежного покрова (снег глубже 40 см косуля разрыть не в состоянии) и наличие наста, в котором она проваливается и застревает. Учитывая, что высота снежного покрова в изучаемом регионе составляет от 0,60 до 0,94 м, в настоящий момент он не пригоден для обитания косули. Кабан обитает постоянно, но численность его невелика. Так, по данным зимнего учета 2020 г., в округе было зафиксировано 769 особей [Доклад..., 2021]. При этом обитает преимущественно в северо-западной части округа.

Опираясь на собственный опыт разведочного обследования, беседы с местными жителями, авторы статьи могут утверждать, что наиболее часто на сегодняшний момент встречаются лоси. Лосиные следы были встречены вдоль всех крупных глив, обследованных в регионе.

В периоды с более теплым климатом, при распространении широколиственной растительности видовое разнообразие копытных на рассматриваемой территории могло быть больше. В периоды с климатом и растительностью, сходными с современными, – приблизительно такое же, как сейчас.

Результаты археологических разведок. Статистика по количественным и пространственным параметрам сооружений (форма в плане, ориентировка и размеры фиксируемых впадин, глубина впадин, наличие и распространение обваловки, расстояние до ближайших однотипных сооружений) получена из материалов научных отчетов по разведочным работам, проводимым начиная с 2004 г. – из текстов описаний и топографических планов территорий памятников археологии.

Важное допущение – часть топографических планов представлена полуинструментальными планами, имеющими погрешности в моделировании визуально фиксируемых археологических сооружений (селище Чупал 11, группа археологических сооружений Чупал 14, группа впадин Чупал 6) (табл. 1).

Из 21 памятника семь (Чупал 9, 10, 12, 13, 16, 17, 18) исключены из выборки, так как предварительно, на основании разведочного обследования, отнесены к памятникам поселенческого типа. Раскопки на этих памятниках не проводились.

Всего в исследуемом массиве данных представлены сведения о 14 памятниках археологии с грунтовыми промыслово-охотничьими сооружениями, состоящих из 77 археологизированных сооружений, предварительно идентифицированных как остатки древних промысловых сооружений (рис. 2).

Памятники археологии располагаются на пяти массивных грядах и сгруппированы кластерами:

I – самая северо-западная гряда, в левобережье р. Куимъега – «Одиночная впадина Куимъега 1», «Группа впадин Куимъега 2», «Группа впадин Куимъега 3», «Одиночная впадина Куимъега 4».

II – гряда в непосредственной близости от правого берега р. Чупал – «Селище Чупал 1», «Группа впадин Чупал 2», «Впадина Чупал 3», «Группа впадин Чупал 4», «Впадина Чупал 5».

III – гряда в центральной части исследуемого района, на правом берегу проточного озера (правобережье р. Чупал) – «Селище Чупал 11», «Группа археологических сооружений Чупал 14», «Группа археологических сооружений Чупал 15».

IV – гряда в центральной части исследуемого района, на левом берегу проточного озера (левобережье р. Чупал) – «Группа впадин Чупал 6».

V – самая восточная гряда, водораздельная равнина – «Селище Чупал 19».

Форма сооружений определялась в плане. Сооружения разделены на четыре группы: впадины округлой, овальной, квадратной и прямоугольной формы (табл. 2).

Преобладающими (75 % от общего количества) в выборке оказались сооружения, не имеющие визуально фиксируемых в современном рельефе углов, т. е. округлой и овальной формы. Причем округлых и овальных впадин в количественном соотношении почти равное количество (30 и 28 единиц соответственно).

Среди всех сооружений зафиксировано незначительное количество впадин, имеющих особенности. Обнаружены три впадины, имеющие внешние ямы, четыре впадины с выступами и одно археологизированное сооружение, представляющее собой «двойную» впадину – сооружение № 13 «Группа археологических сооружений Чупал 14».

Часть сооружений (34 единицы) имеют выраженную ориентировку вдоль осей сторон света. Из 34 единиц

Таблица 1. Перечень объектов археологического наследия, выявленных в исследуемом районе
Table 1. List of archaeological heritage sites identified in the study area

№ пп	Наименование памятника	Тип памятника	Автор	Год
1	Чупал 1	селище	Чибиряк В. Э.	2004
2	Чупал 2	группа впадин	Визгалов Г. П.	2015
3	Чупал 3	впадина		
4	Чупал 4	группа впадин		
5	Чупал 5	впадина		
6	Чупал 6	группа впадин	Пархимович С. Ю.	2019
7	Чупал 9	селище	Чарусова И. С.	2021
8	Чупал 10	селище		
9	Чупал 11	селище		
10	Чупал 12	селище		
11	Чупал 13	селище		
12	Чупал 14	группа археологических сооружений		
13	Чупал 15	группа археологических сооружений		
14	Чупал 16	селище		
15	Чупал 17	селище		
16	Чупал 18	селище		
17	Чупал 19	селище		
18	Куимъега 1	одиночная впадина	Визгалов В. Г.	2018
19	Куимъега 2	группа впадин		
20	Куимъега 3	группа впадин		
21	Куимъега 4	одиночная впадина		

Таблица 2. Распределение сооружений по форме в плане
Table 2. Distribution of structures by plan shape

Форма сооружений	Количество сооружений
Округлая	30
Овальная	28
Прямоугольная	10
Квадратная	9

сооружений – 20 ориентированы вдоль субширотного направления в диапазоне от 3 – В до ЮЮЗ – ССВ, что, вероятно, связано с общим направлением макроград, на которых находятся сооружения. Оставшиеся 14 сооружений ориентированы в субмеридиональном направлении от ЗСЗ – ВЮВ до С – Ю. Предположительно, это связано с особенностями локального ландшафта – расположение на гребнях и т. п.

Размерные параметры впадин сооружений определялись по длине/ширине визуально фиксируемой части, а также по глубине. По всему массиву данных были посчитаны модальные (т. е. часто встречающиеся в наборе значения) и медианные (срединные значения в наборе) показатели, а также наименьшие и наибольшие значения. По линейным размерам составлен точечный график (рис. 3).

Таблица 3. Распределение сооружений по пространственной ориентировке впадин
Table 3. Distribution of structures by the spatial orientation of depressions

Ориентировка	Количество
С – Ю	4
З – В	7
ЗСЗ – ВЮВ	4
ЗЮЗ – ВСВ	2
ССЗ – ЮЮВ	2
ЮЮЗ – ССВ	4
ЮЗ – СВ	7
СЗ – ЮВ	4

Таблица 4. Статистические данные по линейным параметрам визуально фиксируемых впадин
(три измерения)

Table 4. Statistical data on the linear parameters of visually recorded depressions (three dimensions)

	Длина, м	Ширина, м	Глубина, м
Мода	3,6	2,7	0,4
Медиана	3,6	3	0,4
Наименьшее	2,1	1,2	0,1
Наибольшее	8,9	4,8	1,3

Из представленных данных можно выделить следующие закономерности:

1) Наибольшее количество сооружений имеют размеры, варьирующие от 3×2 до 4×4 м – 34 сооружения.

2) Аномальные значения (впадины размером $8,9 \times 4,5$ м и т. д.) связаны с особенностями визуально фиксируемых в современном рельефе впадин – двойное сооружение, наличие выступов.

3) Округлые и квадратные впадины тяготеют к диапазону размеров $3 \times 3 - 4 \times 4$ м. Вытянутые вдоль длинных осей сооружения обнаруживают большую вариативность размеров (?).

4) Модельное промысловое сооружение, найденное в ходе археологической разведки в исследуемом регионе, предположительно, будет иметь следующие параметры – размеры $3,6 \times 2,7$, глубину – до 0,4 м (?).

У подавляющего большинства археологических сооружений в выборке зафиксировано наличие обваловки – 66 сооружений из 77.

В ходе анализа данных собраны сведения о пространственном положении выкида по отношению ко впадине. Данные разбиты на следующие группы:

Обваловка фиксируется со всех сторон – таких сооружений выявлено 27 единиц;

Обваловка с трех сторон – 9 сооружений;

Обваловка на две противоположные стороны – 28 сооружений;

Обваловка только с одной стороны – 2 сооружения;

Отсутствует обваловка – 11 сооружений.

Примечательно большое количество сооружений с обваловкой на две противоположные стороны – 36 % из всего массива данных. Предположительно, это связано с особенностями строительства данного типа сооружений, а также с расположением оных в пространстве. Часть выкида могла использоваться как элемент ограждения между ямами-ловушками или для создания вала вокруг с целью увеличить общую глубину ямы. Свободная от выкида часть окружающего яму пространства использовалась как проход между загородами. Подобные конструкции описываются в литературе и источниках [Силантьев, 1898. С. 154]. Конструктивные особенности ям и их соотношение с визуально фиксируемыми на поверхности остатками сооружения необходимо проследить на данных раскопок.

По ширине и высоте обваловки также определены модальные и медианные значения, а также наименьшее и наибольшее значение в выборке.

Таблица 5 . Статистические данные по линейным параметрам визуально фиксируемых обваловок сооружений
Table 5. Statistical data on the linear parameters of visually recorded embankments of structures

	Ширина	Высота
Мода	3,5	0,2
Медиана	2,9	0,2
Наименьшее	0,9	0,05
Наибольшее	5,5	0,4

В процессе анализа материалов по выборке были собраны данные по пространственному положению археологических сооружений в масштабе локального ландшафта. Определялось расстояние до ближайшего однотипного сооружения в пределах кластера (вне зависимости, является ли оно частью того же самого памятника археологии или нет). В кластере V, состоящем из памятника «Селище Чупал 19», данные отсутствуют,

т. к. в ходе разведки было зафиксировано одно археологическое сооружение.

При анализе расположения сооружений были выделены отдельные элементы ландшафта с учетом морфологии. Элементы локального ландшафта поделены на следующие подтипы: субгоризонтальная поверхность, склоновая поверхность, локальный гребень, мысовидный выступ, локальное понижение.

Таблица 6. Распределение сооружений по расположению сооружений в локальном ландшафте
Table 6. Distribution of structures by their location within the local landscape

Элемент локального ландшафта	Количество сооружений
Субгоризонтальная поверхность	36
Локальный гребень	27
Склоновая поверхность	12
Мысовидный выступ	1
Понижение	1

По расположению сооружений в пространстве относительно друг друга подсчитаны модальные, медианные, наименьшие и наибольшие значения.

Таблица 7. Статистические данные по расположению сооружений в пространстве относительно друг друга
Table 7. Statistical data on the spatial arrangement of structures relative to one another

	Расстояние, м
Мода	15,2
Медиана	38,25
Наименьшее	2,9
Наибольшее	368

Краткие результаты раскопок.

Таблица 8 . Список памятников, изученных раскопками
Table 8. List of monuments investigated by excavations

Название памятника	Количество сооружений	Автор	Год раскопок
Селище Чупал 1	2	Трунова Н. Е.	2018
Группа впадин Чупал 2	5	Трунова Н. Е.	2018
Впадина Чупал 3	1	Мызников С. А.	2018
Группа впадин Чупал 4	4	Липс С. А.	2018
Впадина Чупал 5	3	Липс С. А.	2018
Селище Чупал 19	3	Гнатив В. О.	2023

В 2018 г. были проведены спасательные археологические раскопки на всех памятниках, расположенные на локальной гряде в правобережье р. Чупал (кластер II в рамках данной статьи). На «Селище Чупал 1» изучены два археологических сооружения № 1 и 2, а также связанные с сооружением № 1 три ямы и две канавы (рис. 4 – 1, 3; рис. 10). На «Группе впадин Чупал 2» исследованы археологические сооружения № 1–4 и связанные с ними три канавы, одна яма, а также выявлено и исследовано археологическое сооружение № 5, не фиксировавшееся в современном рельефе (рис. 4 – 2, 4; рис. 5 – 1, 2; рис. 6; рис. 11 – 1, 2). В заполнении сооружения № 4 выявлен один археологический предмет – каменный отщеп (рис. 5 – 3). На «Впадине Чупал 3» изучено одно сооружение (рис. 7 – 1). На «Группе впадин Чупал 4» исследованы сооружения № 1–4 и связанная с сооружением № 4 канава (рис. 7 – 2, 5; рис. 8 – 1; рис. 11 – 3). На «Впадине Чупал 5» исследованы сооружения № 1–3 и связанная с сооружением № 3 канава (рис. 8 – 2, 3, 4; рис. 11 – 4).

В 2023 г. проведены раскопки на «Селище Чупал 19», где в рельефе фиксировалась одна впадина вытянутой формы, а в результате раскопок были выявлены три сооружения, расположенные рядом (рис. 9; рис. 11 – 5, 6).

По разведочным данным, проанализировано расположение выявленных 77 сооружений в пространстве.

При анализе расположения сооружений были выделены отдельные элементы ландшафта с учетом морфологии. Элементы локального ландшафта поделены на следующие подтипы: субгоризонтальная поверхность (36 сооружений), склоновая поверхность (27), локальный гребень (12), мысовидный выступ (1), локальное понижение (1).

Часть сооружений (34 единицы) имеют выраженную ориентировку вдоль осей сторон света. Из них 20 ориентированы вдоль субширотного направления в диапазоне от 3 – В до ЮЮЗ – ССВ, что, вероятно, связано с общим направлением макрогряд, на которых находятся сооружения. Оставшиеся 14 сооружений ориентированы в субмеридиональном направлении от ЗСЗ – ВЮВ до С – Ю.

Для сооружений, исследованных раскопками, есть данные о том, как соотносится ориентировка впадины, фиксируемая в рельефе современной поверхности, и ориентировка котлована сооружения, установленная в результате раскопок. Из 19 сооружений, исследованных раскопками, три не читались в рельефе современной поверхности. Из 16 – не поменяли ориентацию в пространстве только четыре, остальные изменили в диапазоне от незначительных 1–2 румбов (было ВСВ – ЗЮЗ, стало СВ – ЮЗ или было СЗ – ЮВ, стало С – Ю) до очень значительных 10 румбов (было ВСВ – ЗЮЗ, стало СЗ – ЮВ). Одной из гипотез было, что впадины ориентируются соосно основной форме мезо- или микрорельефа либо поперек нее. При анали-

зе материалов раскопок эта версия не подтвердилась: часть располагались на субгоризонтальной поверхности и не получилось определить, с какой формой рельефа соотнести ориентировку котлована («Селище Чупал 1», «Впадина Чупал 3», «Группа впадин Чупал 4», «Одиночная впадина Куимъега 1»); другие располагались на гребне гривы, но котлован был ориентирован не строго вдоль либо не строго поперек нее («Группа впадин Чупал 2», «Селище Чупал 19»); третьи – на склоновой поверхности, но не строго вдоль и не строго поперек линии склона («Впадина Чупал 5»).

Получены статистические сведения и проанализированы размеры (длина, ширина) сооружений на трех этапах фиксации: размеры впадины в современном рельефе до начала раскопок, размеры верхней части котлована на уровне погребенной поверхности, размеры нижней части котлована.

Из 15 сооружений, исследованных раскопками (три не фиксировались в рельефе современной поверхности и потому исключены из выборки), у трех сооружений размеры впадины и размеры верхней части котлована отличались незначительно («Селище Чупал 1», сооружение 1 – $4,9 \times 4,8$ и $4,5 \times 4,3$ м; «Группа впадин Чупал 2», сооружение 4 – $4,0 \times 3,8$ и $4,2 \times 3,2$ м; «Группа впадин Чупал 4», сооружение 1 – $6,0 \times 3,7$ и $6,0 \times 4,0$ м). У четырех сооружений размеры впадины больше размера верхней части котлована («Селище Чупал 1», сооружение 2, «Группа впадин Чупал 2», сооружения 2 и 3, «Впадина Чупал 5», сооружение 2), у остальных восьми – меньше.

В рамках анализа данных по массиву переменных {длина; ширина впадины}; {длина; ширина сооружения по верху фиксируемого котлована} вычислен коэффициент корреляции Пирсона $r=0,427$. На его основе был рассчитан коэффициент детерминации для вышеуказанного множества данных, который составил $r^2=0,182$. Полученные результаты указывают на наличие слабой положительной линейной парной корреляции линейных размеров сооружений [Орлов А. И., 2004. С. 277]. Предположительно, существует ряд нелинейных факторов, влияющих на взаимоотношения размеров визуально фиксируемых впадин сооружений и линейных размеров их котлованов.

Рабочая гипотеза заключалась в том, что разница обусловлена наличием или отсутствием крепежа стенок котлована: при отсутствии песчаные стенки легко осыпаются, впадина оказывается больше; при наличии стенки котлована остаются относительно прямыми, грунт при руинировании осыпается вовнутрь и впадина оказывается меньше исходного котлована. Мы проверили эту гипотезу по двум критериям. Первый – наличие или отсутствие археологически фиксируемых свидетельств существования крепежных элементов конструкции вдоль стенок котлована в виде остатков органических веществ (древесины либо углистых плашек, хотя бы

Таблица 9 . Статистические данные по линейным параметрам сооружений, исследованных археологическими раскопками
Table 9. Statistical data on the linear parameters of structures investigated by archaeological excavations

№ пп	ОАН	Сооружение	длина впадины	ширина впадины	длина по верху котлована	ширина по верху котлована	длина по дну	ширина по дну	глубина впадины	глубина котлована (от погребенной поверхности)
1	Селище Чупал 1	1	4,9	4,8	4,5	4,27	2,68	2,26	0,6	1,78
2	Селище Чупал 1	2	3,1	3	2,72	1,9	2,05	1,15	0,5	1,2
3	Группа впадин Чупал 2	1	4,4	2,7	4,21	3,81	2,63	2,1	0,4	1,84
4	Группа впадин Чупал 2	2	5,5	4,3	3,4	3,3	2,33	1,76	0,7	1,55
5	Группа впадин Чупал 2	3	2,7	2,2	2,7	1,34	1,88	1,16	0,3	1,13
6	Группа впадин Чупал 2	4	4	3,8	4,17	3,2	2,46	1,69	0,2	1,62
7	Группа впадин Чупал 2	5	0	0	4	3,25	2,06	1,34	0	1,58
8	Впадина Чупал 3	1	4,8	4	6,7	6	2,7	2,5	0,7	1,8
9	Группа впадин Чупал 4	1	6	3,7	6	4	2,4	1,7	0,3	1,9
10	Группа впадин Чупал 4	2	4,7	2,7	9,2	5	2,2	1,6	0,2	2
11	Группа впадин Чупал 4	3	3	2,7	5	3,8	2,9	2,5	0,3	1,4
12	Группа впадин Чупал 4	4	3	1,8	3,5	4,1	2,3	2,7	0,4	2,3
13	Впадина Чупал 5	1	3,3	3,2	4,5	3,5	4,1	1,7	0,4	2,3
14	Впадина Чупал 5	2	8,5	3,9	4,6	3,7	2,5	2,4	0,3	2
15	Впадина Чупал 5	3	3,9	3,8	6,3	4,1	2,8	1,9	0,3	2
16	Селище Чупал 19	1	2,4	2	3,4	2	2,03	1,05	0,4	0,86
17	Селище Чупал 19	2	0	0	4,3	2	2,94	1,24	0	0,67
18	Селище Чупал 19	3	0	0	4	1,8	1,66	0,94	0	0,84

угольков в составе слоя), в виде канавок или ямок от столбиков по периметру котлована. Второй – форма стенок котлована в профиле (вертикальная или наклонная, выгнутая или вогнутая). Гипотеза не подтвердилась. Для наглядности обрисовали контур сооружения в профиле и сравнили с размерами. У тех сооружений, где впадина меньше верхней части котлована, стенки были разной формы: почти отвесные, наклонные, одна наклонная, вторая прямая, выпуклая, вогнутая, неровная. То же самое – у тех сооружений, где впадина больше или примерно равна верхней части котлована. Устойчивой корреляции формы стенок котлована с вариативностью размеров впадины и верха котлована не обнаружено. Остатки деревянных конструкций обнаружены в семи сооружениях из 18. В одном случае («Селище Чупал 1», сооружение 2) выявлены косвенные свидетельства того, что элементы укрепления стенок присутствовали: сочетание крутизны стенок котлована с наличием небольшого канавообразного углубления по контуру дна.

Объяснение было найдено при анализе стратиграфии разрезов раскопанных сооружений. Напомним, все сооружения раскапывались по частям (так называемыми «секторами») с первоначальным исследованием либо половины, либо двух четвертей сооружения, расположенных диагонально, затем фиксировался профиль и раскапывалась оставшаяся часть сооружения. Благодаря этому есть профиль разреза (или двух разрезов) для каждого сооружения от современной поверхности до материка. И часто в профиле заметно, что центр впадины расположен не над центром котлована, а смещен к одной из стенок. Например: «Группа впадин Чупал 2», сооружения 2 и 3; «Группа впадин Чупал 4», сооружение 4; «Впадина Чупал 5», сооружения 1 и 3. Впадина котлована заполнялась грунтом в процессе археологизации неравномерно. Неукрепленные стенки котлована обрушались и оползали (или не обрушались и не оползали) неравномерно. В связи с этим форма, размер и ориентировка впадины не повторяют форму, размер и ориентировку котлована сооружения.

Таблица 10. Данные радиоуглеродного датирования
Table 10. Radiocarbon dating data

№	Лабораторный номер, лаборатория	Описание образца	Место отбора	Радиоуглеродный возраст (лет ВР)	Календарный возраст По 2 δ (95 %) ВС/AD
1	ИМКЭС-14C2882, (ИМКЭС СО РАН)	Песок с углем (глубина от поверхности 1,2–1,5 м)	«Селище Чупал 1», сооружение 1, участок И/7, глубина в Балтийской системе высот 58,99–58,94 м	3925 $\pm$ 100	2847–2060
2	ИМКЭС-14C2881, (ИМКЭС СО РАН)	Песок с углем (глубина от поверхности 0,8 м)	«Группа впадин Чупал 2», сооружение 1, участок Е/5, глубина в Балтийской системе высот 59,33 м	4200 $\pm$ 130	3323–2458
3	ИМКЭС-14C2884, (ИМКЭС СО РАН)	Песок с углем (глубина от поверхности 0,65–0,7 м)	«Группа впадин Чупал 2», сооружение 2, участок Н/22, глубина в Балтийской системе высот 59,48–59,43 м	4146 $\pm$ 120	3021–2348
4	ИМКЭС-14C2885, (ИМКЭС СО РАН)	Песок с углем (глубина от поверхности 1,2 м)	«Группа впадин Чупал 2», сооружение 4, участок М/7, глубина в Балтийской системе высот 59,47 м.	3988 $\pm$ 100	2868–2205
5	ИМКЭС-14C2883, (ИМКЭС СО РАН)	Уголь (глубина от поверхности 1,0–1,1 м)	«Группа впадин Чупал 2», сооружение 5, участок М/32, глубина в Балтийской системе высот 58,88–58,78 м	6085 $\pm$ 150	5364–4618
6	GV-5062, ЦКП «УМС НГУ-ННЦ»	Песок с углем (глубина от поверхности 0,94 м)	«Чупал 19, селище», сооружение № 2, уч. П/23, глубина в Балтийской системе высот 69,23 м	3696 $\pm$ 43	2201–1956
7	GV-5064, ЦКП «УМС НГУ-ННЦ»	Песок с углем (глубина от поверхности 0,78 м)	«Чупал 19, селище», сооружение № 1, уч. Р/21, глубина в Балтийской системе высот 69,22 м	2972 $\pm$ 42	1377–1049

Проанализированы массивы данных по глубине визуально фиксируемых впадин и глубине котлованов сооружений. Коэффициент корреляции Пирсона $r = -0,09$, коэффициент детерминации $r^2 = 0,008$. Можно предположить отсутствие линейной связи между этими двумя показателями. Глубина впадин варьирует от 0,2 до 0,7 м и, предположительно, зависит от длительности периода археологизации и от условий почвообразования данной местности. Вне зависимости от глубины впадины в рельефе современной поверхности глубина котлована ловчей ямы в изученной выборке составляет от 0,7 до 2,3 м и обусловлена функциональным назначением сооружения (глубина должна быть достаточной для удержания попавшего в яму животного) и от ограничивающих условий местности (например, дно ямы должно быть выше уровня стояния грунтовых вод либо увеличить глубину мешает плотный подстилающий грунт – глина, ортсанд).

Проанализировано распространение слоя выкида из котлована сооружения. Расстояние, на которое выкид распространялся от границ котлована, – от 2,6 до 8,9 м. Распространение неравномерное: с одной стороны или нескольких сторон больше слоя выкида, с других – меньше. На одном из памятников («Селище Чупал 19») зафиксирован факт использования слоя выкида для моделирования окружающего пространства, конкретно для засыпания впадины предшествующего сооружения, расположенной рядом, и для создания вала на краю впадины с целью увеличения перепада высот между дном котлована и окружающей его поверхностью.

На основании данных радиоуглеродного датирования образцов, взятых в котлованах археологических сооружений, предпринята попытка проанализировать природные условия, существовавшие в регионе в те периоды, когда функционировали изученные сооружения.

Датировано семь археологических сооружений. Эпохой неолита – сооружение № 5 «Группы впадин Чупал 2» (VI–V тыс. до н. э.), эпохой энеолита – сооружения № 1, 2 и 4 «Группы впадин Чупал 2» и сооружение № 1 «Селища Чупал 1» (III тыс. до н. э.). Ранним бронзовым веком датировано сооружение № 2 «Группы впадин Чупал 19» (рубеж III–II тыс. до н. э.). Поздним бронзовым веком – сооружение № 1 «Группы впадин Чупал 19» (последняя треть II тыс. до н. э.).

Климат и растительность в указанные временные периоды не были одинаковыми. При их оценке, помимо общих характеристик палеоклимата, установленных для болотной и лесной зон Российской Федерации [Влияние изменений климата..., 1996; Волкова, Бахарева, Левина, 1989], мы можем опираться на результаты почвоведческих исследований, проведенных в регионе. В частности, на данные палинологических разрезов в долине р. Мулымья (та же широта, что у рассматриваемого региона, но на 500 км западнее), а также в верховьях р. Большая Умытъя, рек Малый Ах, Олымья и Поптур, Арантур (в 500 км к западу – северо-

западу) [Голоцен среднетаежной подзоны..., 2023], а также на данные разреза торфяника, заложенного возле г. Сургут [Природно-климатические изменения..., 1994]. В 2024 г. в рамках реализации проекта «Проблема изучения археологических объектов в торфяных отложениях озера Большое Каюково (ХМАО-Югра) первой половины голоцена» в 20 км к северо-востоку от рассматриваемого региона также заложены палинологические разрезы, но данные по ним еще находятся в стадии обработки [Гирченко, 2024]. Возможно, полученные из этих разрезов сведения скорректируют наши представления об изменении климата и растительности региона во времени.

VI–V тыс. до н. э. (неолит) относится к среднему атлантическому периоду (AT2), предшествовавшему климатическому оптимуму атлантика и голоцена в целом. Уровень озер был низким, средняя температура июля 12–17° С. «Вторая половина атлантического периода отличается нестабильностью климата, реакция лесной растительности выражается в трансформации лесов в смене доминирующих позиций сосны, березы, ели, появлении широколиственных деревьев (вяза, липы, дуба). Сухой период и связанное с ним пересыхание болота привело к его зарастанию древесной растительностью и вересковыми кустарничками. Нестабильность климата отражена в пестроте стратиграфии торфяной залежи. Осоково-пушицевый торф сменяется древесным, затем опять осоково-пушицевым, пушицево-сфагновым. Такая частая смена может свидетельствовать о резкой смене влажностного режима поймы реки» [Голоцен среднетаежной подзоны..., 2023. С. 101].

III тыс. до н. э. (энеолит) относится к началу суббореального периода, характеризуется похолоданием климата после атлантического оптимума (4000–3000 л. до н. э.). Начало III тыс. до н. э. ознаменовалось так называемым Пиорским колебанием (3200–2900 л. до н. э.), сопровождаемым резким похолоданием, изменением влажностного режима: в одних регионах было отмечено увеличение влажности, в других – засуха. Остальная часть III тыс. до н. э. отличается прохладным стабильным климатом, средняя температура июля 16–17° С.

Рубеж III–II тыс. до н. э. (ранний бронзовый век) приходится на середину суббореального периода, характеризуется относительно сухим и теплым климатом, предшествовавшим похолоданию среднего бронзового века (1800–1500 л. до н. э.).

«Поздний голоцен с 4760–3670 л. н. / 2850–1650 л. до н. э. отличается относительной стабильностью климатической обстановки, на рассматриваемой территории произрастали елово-кедрово-сосновые леса. Пойменные сообщества представлены осоково-пушицевыми фитоценозами» [Голоцен среднетаежной подзоны..., 2023. С. 101].

Последняя треть II тыс. до н. э. (поздний бронзовый век) пришелся на окончание суббореального периода, на так называемый «оптимум позднего бронзового века»

(1500–900 л. до н. э.), однако в рассматриваемом регионе потепление не наблюдалось: «с 3670 до 2900 л. н. / 1650–1100 л. до н. э. наблюдается очередная трансформация лесных сообществ: сокращаются площади сосняков, их замещают березняки, увеличивается доля кедра и ели, заметным становится участие пихты. На пойменных болотах на смену осокам и пушице приходят сфагновые мхи. Верхние слои торфяной залежи содержат остатки древесины, что может указывать на падение уровня болотных вод и частичное облесение поймы» [Полоцен среднетаежной подзоны..., 2023. С. 101]. Формируются леса среднетаежного облика.

Таким образом, климат во все рассмотренные периоды можно охарактеризовать как сухой, чаще прохладный либо близкий по температуре к современному. Для сравнения, средняя температура июля в настоящее время в городах Сургут и Нефтеюганск составляет 18° С.

При сравнении влажности современного климата с влажностью климата, к которому относится исследованное в раскопе сооружение, показательным является соотношение уровня дна грунтового сооружения (ямы-ловушки) и уровня грунтовых вод. Дно ямы-ловушки должно было располагаться выше уровня стояния грунтовых вод – во избежание подмывания стенок и их обрушения.

Так, при раскопках «Селища Чупал 1», «Группы впадин Чупал 2», «Впадины Чупал 3», «Группы впадин Чупал 4» и «Впадины Чупал 5» – группы сооружений, расположенных на одной гриве, уровень дна всех исследованных сооружений был зафиксирован выше современного уровня стояния грунтовых вод. При раскопках «Селища Чупал 19» дно сооружений 1–3 было расположено чуть ниже современного уровня стояния грунтовых вод, для фиксации дна приходилось проводить на раскопе мероприятия по осушению грунта.

Можно сделать вывод, что в периоды раннего бронзового и позднего бронзового веков в данной местности уровень стояния грунтовых вод располагался ниже и климат был несколько суше современного.

Выявлены характерные особенности изученных раскопками сооружений. Форма дна котлована – прямоугольная или близкая к ней (вытянутый 5- и 6-угольник, овальная, трапецевидная). Площадь котлована на уровне дна – от 1,4 до 6,1 кв. м, длина от 1,7 до 4,1 м, ширина от 0,8 до 2,7 м. Глубина котлована от 0,7 до 2,3 м.

В семи сооружениях из 18 зафиксированы остатки деревянных конструкций. В большинстве случаев – в виде углистого песка, прокаленного песка или углистых плашек, расположенных в центральной части котлована. В одном случае, во «Впадине Чупал 3», автором раскопок высказано предположение о том, что выступы, примыкающие к котловану и перпендикулярные его стенкам, являлись остатками верхнего перекрытия.

У части сооружений зафиксированы дополнительные элементы, связанные с основным котлованом: ямы, канавы, выступы: «Селище Чупал 1», сооружение

1 (две канавы, три ямы), «Группа впадин Чупал 2», сооружение 4 (канавы и выступ), «Группа впадин Чупал 4», сооружение 4 (канавы и яма), «Впадина Чупал 5», сооружение 3 (канавы). В одном случае («Селище Чупал 1», сооружение 1) одна из ям, соединенная канавой с основным котлованом, сопоставима по размерам с котлованами ловчих ям (2,7 × 2,1 м, глубиной не менее 1,5 м), при этом зафиксировано заполнение ее котлована выкидом из котлована основного сооружения. Скорее всего, также являлась котлованом предшествовавшей ловчей ямы. Остальные ямы относительно небольшие, располагались на конце канав либо на конце выступов. Назначение канав не до конца понятно: часть исследователей считает данные канавы выходом из сооружений. При этом преднамеренное сооружение выхода из ямы-ловушки представляется темой для отдельного исследования.

Еще одна интересная особенность ловчих ям, исследованных раскопками в рассматриваемом регионе, – расположение ям-ловушек вплотную друг к другу. Древние коллективы охотников намеренно не использовали существующие впадины руинированных ям-ловушек, но выкапывали новые рядом, используя выкид грунта для выравнивания поверхности. Примеры: «Группа впадин Чупал 2», сооружение 3, прорезавшее край котлована сооружения 5; «Селище Чупал 19» – три последовательно сооруженные ямы-ловушки, расположенные рядом, выкид грунта второй использовался для засыпания впадины первой, выкид из третьей – для засыпания второй. Факт использования впадин от древних жилых углубленных сооружений при строительстве новых широко известен, таких случаев – сотни, данная практика широко распространена как географически, так и хронологически. При этом по каким-то неясным для нас причинам для ям-ловушек целенаправленно выкапывались новые котлованы, старые не использовались. Для нас как для исследователей этот факт представляется крайне интересным и требует дополнительного изучения.

Заключение. Археологические сооружения – руинированные остатки грунтовых промыслово-охотничьих конструкций, выявленные разведками и частично изученные раскопками в верховьях р. Большой Салым, представляются информативным объектом исследования. Они охватывают широкий хронологический период (по данным на настоящий момент – от неолита до позднего бронзового века). Их особенности (расположение в ландшафте, количество, особенности конструкции) помогают реконструировать промысловые практики древнего населения региона. Направление дальнейших исследований – расширение источниковой базы, анализ данных об исследовании грунтовых промыслово-охотничьих сооружений в соседних регионах с целью выявления региональных особенностей, изучение сооружений подобного типа, относящихся к другим хронологическим периодам.

Литература и источники

Влияние изменений климата на болотные и лесные экосистемы России / Кобак К. И., Борзенкова И. И., Жильцова Е. Л., Кондрашева Н. Ю., Лугина К. М., Монахова Ю. Б., Торопова А. А., Турчинович И. Е // Информационный бюллетень РФФИ, 4 (1996). URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_229703_51015756.htm (дата обращения: 18.05.2025).

Волкова В. С., Бахарева В. А., Левина Т. П. Растительность и климат голоцена Западной Сибири // Палеоклиматы позднеледникового и голоцена. М., 1989. С. 90–95.

В ХМАО пришли маралы // Национальное информационное агентство. URL : <https://nia.eco/2021/07/01/17234/> (дата обращения: 18.05.2023).

Гирченко Е. А., Кардаш О. В. Памятники каюковской культуры в контексте изучения археологических объектов в торфяных отложениях ХМАО-Югры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том XXX(2024). Новосибирск, 2024. С. 79–85.

Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1993. 204 с.

Голоцен среднетаежной подзоны Западной Сибири по палинологическим данным разреза в долине р. Мудымы / Антипина Т. Г., Райнхольд С., Чаиркина Н. М., Зорина А. А. // Уральский исторический вестник. № 3 (80), 2023. С. 93–106.

Доклад об экологической ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в 2020 году. Ханты-Мансийск, 2021.

Кокшаров С. Ф. Охотничьи ямы-ловушки на Северо-Западе Сибири // Знания и навыки Уральского населения в древности. Екатеринбург : УрО РАН, 1993. С. 162–169.

Косинская Л. Л. О некоторых параллелях в археологии Севера Западной Сибири и Северо-Запада Европы: ловчие ямы каменного века // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Н. Н. Гуриной, Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2009 года / Институт истории материальной культуры РАН, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера). Санкт-Петербург : Изд-во «Лема», 2009. С. 181–183.

Косинцев П. А. Экология средневекового населения Севера Западной Сибири. Источники. Екатеринбург ; Салехард : Изд-во Уральского университета, 2006. 272 с.

Красная книга Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Ханты-Мансийск, 2024.

Москвина Н. Н., Козин В. В. Ландшафтное районирование Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2001. 44 с.

Орлов А. И. Прикладная статистика : учебник. М. : Издательство «Экзамен», 2004. 656 с.

Природно-климатические изменения в Западной Сибири к 2000 г. / Архипов С. А., Волкова В. С., Бахарева В. А., Вотах М. Р., Левина Т. П., Кривоногов С. К., Орлова Л. А. // Геология и геофизика. Вып. 1. Том 35, 1994. С. 3–21.

Силантьев А. А. Обзор промысловых охот в России. СПб, 1898.

Hennius A. (2020) Towards a refined chronology of prehistoric pitfall hunting in Sweden. *European Journal of Archaeology* 2020. DOI:10.1017/ear.2020.8.

Hiroyuki S. (2012) Late Pleistocene trap-pit hunting in the Japanese Archipelago. *Quaternary International* Volume 248, 18 January 2012, Pages 43–55. DOI:10.1016/j.quaint.2010.11.026.

Solli B. (2018) Reindeer Hunting, Materiality, Entanglement and Society in Norway. *Journal of Glacial Archaeology*, June 2018. DOI: <http://dx.doi.org/10.1558/jga.32444>.

Сведения об авторах:

Круземент Сергей Алексеевич – директор, Общество с ограниченной ответственностью Научный Центр «Топос», г. Екатеринбург, Российская Федерация

E-mail: kruzement82@gmail.com

Турянский Антон Игоревич – специалист-археолог, Общество с ограниченной ответственностью Научный Центр «Топос», г. Екатеринбург, Российская Федерация

E-mail: anton@turyanskiy.ru

Трунова Наталья Евгеньевна – специалист-археолог, Общество с ограниченной ответственностью Научный Центр «Топос», г. Екатеринбург, Российская Федерация

E-mail: trunovane@mail.ru

S. A. Kruzement¹, A. I. Turyanskiy¹, N. E. Trunova¹

¹Limited liability company the Research Centre «Topos», Yekaterinburg, the Russian Federation

EXPERIENCE IN THE COMPREHENSIVE ANALYSIS OF THE RESULTS OF EXPLORATORY SURVEYS AND ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS, USING THE EXAMPLE OF THE STUDY OF GROUND TRAPPING AND HUNTING STRUCTURES FROM THE NEOLITHIC TO THE LATE BRONZE AGE IN THE UPPER REACHES OF THE B. SALYM RIVER BASIN

Summary

The territorial scope of the study is a relatively small zone with uniform landscape characteristics, bounded by the Kuimyega River in the north, the Bolshoy Salym River in the southwest, the upper reaches of the Tapatyega River in the east, and an imaginary line connecting the Ai-Tapatyega and Bolshoy Salym Rivers in the south. It is located in the north of Western Siberia. The chronological scope of the study is from the Neolithic to the Late Bronze Age. It is determined by the dating of the structures obtained by radiocarbon analysis: The purpose of the publication is to introduce into scientific circulation and comprehensively analyze the data obtained in the course of archaeological exploration and excavations of ancient ground fishing sites of the Neolithic – Late Bronze Age using the example of a number of archaeological sites in the upper reaches of the B. Salym River basin. The data were obtained on the basis of exploration and excavations of archaeological sites in the named region, where ruined remains of pit traps were discovered. These data have not been published anywhere before. The research methodology is an interdisciplinary approach. The dating of the structures obtained on the basis of radiocarbon analysis is given. Data on the ecology of the target hunting objects (moose, reindeer), vegetation and landscape, information on the location of the identified trapping pits made it possible to create a model of animal movement in the region. The characteristic features and characteristics of the trapping pits studied by excavations in this region were revealed. Their characteristics (location in the landscape, quantity, design features) help to reconstruct the fishing practices of the ancient population of the region.

References

Doklad ob ekologicheskoy situatsii v Hanty-Mansijskom avtonomnom okruge – Yugre v 2020 godu [Report on the environmental situation in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra in 2020]. Hanty-Mansiysk, 2021.

Girchenko E. A., Kardash O. V. Pamyatniki kayukovskoy kul'tury v kontekste izucheniya arheologicheskikh ob'ektov v torfyanykh otlozheniyakh HMAO-Yugry [Monuments of the Kayukov's culture in the context of studying archaeological sites in the peat deposits of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra] // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorij. Tom XXX(2024). Novosibirsk, 2024. S. 79–85.

Golocen srednetaezhnoj podzony Zapadnoj Sibiri po palinologicheskim dannym razreza v doline r. Mulym'i [The Holocene of the middle taiga subzone of Western Siberia based on palynological data from the section in the valley of the Mulymya River] / Antipina T. G., Rajnhol'd S., Chairkina N. M., Zorina A. A. // Ural'skij istoricheskij vestnik. № 3 (80), 2023. S. 93–106.

Golovnev A. V. Istoricheskaya tipologiya hozyajstva narodov Severo-Zapadnoj Sibiri [Historical Typology of the Economy of the Peoples of Northwestern Siberia]. Novosibirsk : Izd-vo NGU, 1993. 204 s.

Hennius A. (2020) Towards a refined chronology of prehistoric pitfall hunting in Sweden. Europeand Journal of Archaeology 2020. DOI:10.1017/ea.2020.8.

Hiroyuki S. (2012) Late Pleistocene trap-pit hunting in the Japanese Archipelago. Quaternary International Volume 248, 18 January 2012, Pages 43–55. DOI:10.1016/j.quaint.2010.11.026

Koksharov S. F. Ohotnich'i yamy-lovushki na Severo-Zapade Sibiri [Hunting pit traps in North-West Siberia] // Znaniya i navyki Ural'skogo naseleniya v drevnosti. Ekaterinburg : UrO RAN, 1993. S. 162–169.

Kosincev P. A. Ekologiya srednevekovogo naseleniya Severa Zapadnoj Sibiri [Ecology of the Medieval Population of the North of Western Siberia. Istochniki]. Ekaterinburg ; Salekhard : Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2006. 272 s.

Kosinskaya L. L. O nekotorykh parallel'yah v arheologii Severa Zapadnoj Sibiri i Severo-Zapada Evropy: lovchie yamy kamennogo veka [On some parallels in the archaeology of the North of Western Siberia and North-West Europe: Stone Age pitfalls] // Vzaimodejstvie i hronologiya kul'tur mezolita i neolita Vostochnoj Evropy : materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 100-letiyu N. N. Gurinoj, Sankt-Peterburg, 23–25 noyabrya 2009 goda / Institut istorii

material'noj kul'tury RAN, Muzej antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo (Kunstkamera). Sankt-Peterburg : Izd-vo «Lema», 2009. S. 181–183.

Krasnaya kniga Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry [Red Book of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra]. Hanty-Mansijsk, 2024.

Moskvina N. N., Kozin V. V. Landshaftnoe rajonirovanie Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga [Landscape zoning of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug]. Hanty-Mansijsk, 2001. 44 s.

Orlov A. I. Prikladnaya statistika : uchebnik [Applied Statistics. Textbook]. M. : Izdatel'stvo «Ekzamen», 2004. 656 s.

Prirodno-klimaticheskie izmeneniya v Zapadnoj Sibiri k 2000 g. [Natural and climatic changes in Western Siberia by 2000] / Arhipov S. A., Volkova V. S., Bahareva V. A., Votah M. R., Levina T. P., Krivonogov S. K., Orlova L. A. // Geologiya i geofizika. Vyp. 1. Tom 35, 1994. S. 3–21.

Silant'ev A. A. Obzor promyslovyyh ohot v Rossii [Review of commercial hunting in Russia]. SPb, 1898.

Solli B. (2018) Reindeer Hunting, Materiality, Entanglement and Society in Norway. Journal of Glacial Archaeology, June 2018. DOI: <http://dx.doi.org/10.1558/jga.32444>.

V HMAO prishli maraly [The marals have arrived in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug] // Nacional'noe informacionnoe agentstvo. URL : <https://nia.eco/2021/07/01/17234/> (data obrashcheniya: 18.05.2023)

Vliyanie izmenenij klimata na bolotnye i lesnye ekosistemy Rossii [The impact of climate change on the wetland and forest ecosystems of Russia (1996)] / Kobak K. I., Borzenkova I. I., Zhil'cova E. L., Kondrasheva N. Yu., Lugina K. M., Monahova Yu. B., Toropova A. A., Turchinovich I. E // Informacionnyj byulleten' RFFI, 4 (1996). URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_229703_51015756.htm (data obrashcheniya: 18.05.2025).

Volkova V. S., Bahareva V. A., Levina T. P. Rastitel'nost' i klimat golocena Zapadnoj Sibiri [Vegetation and climate of the Holocene in Western Siberia] // Paleoklimaty pozdnelednikov'ya i golocena. M., 1989. S. 90–95.

Information about the authors:

Kruzement Sergei Alekseevich – Director, Limited liability company the Research Centre «Topos», Yekaterinburg, the Russian Federation

E-mail: kruzement82@gmail.com

Turyanskiy Anton Igorevich – specialist-archaeologist, Limited liability company the Research Centre «Topos», Yekaterinburg, the Russian Federation

E-mail: anton@turyanskiy.ru

Trunova Natalia Evgenievna – specialist-archaeologist, Limited liability company the Research Centre «Topos», Yekaterinburg, the Russian Federation

E-mail: trunovane@mail.ru

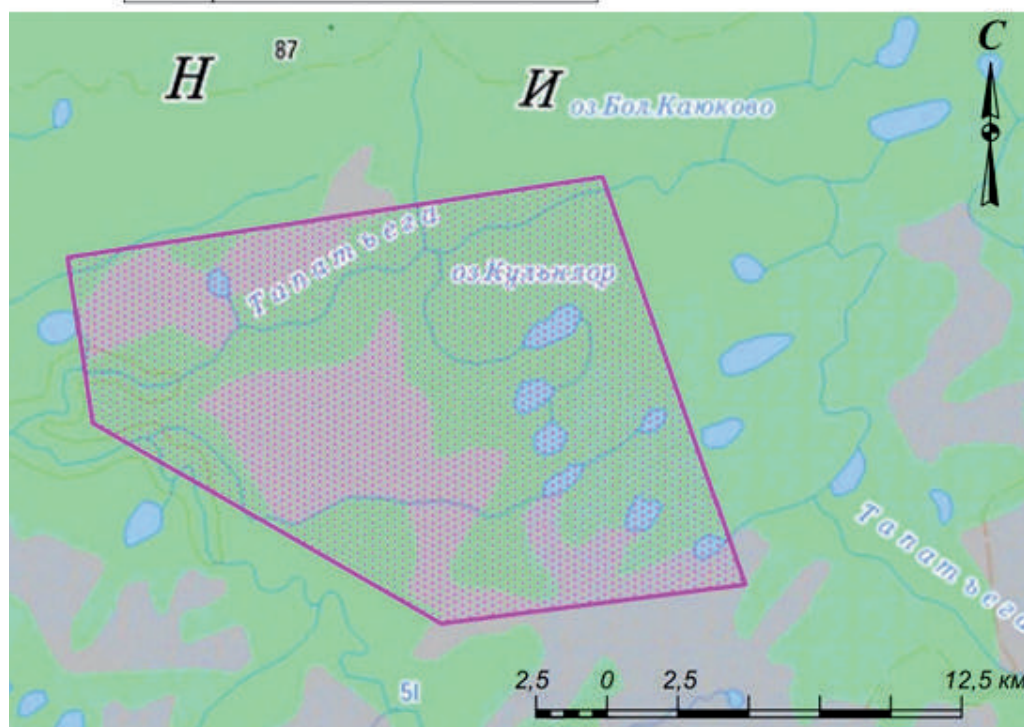
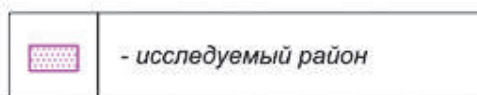
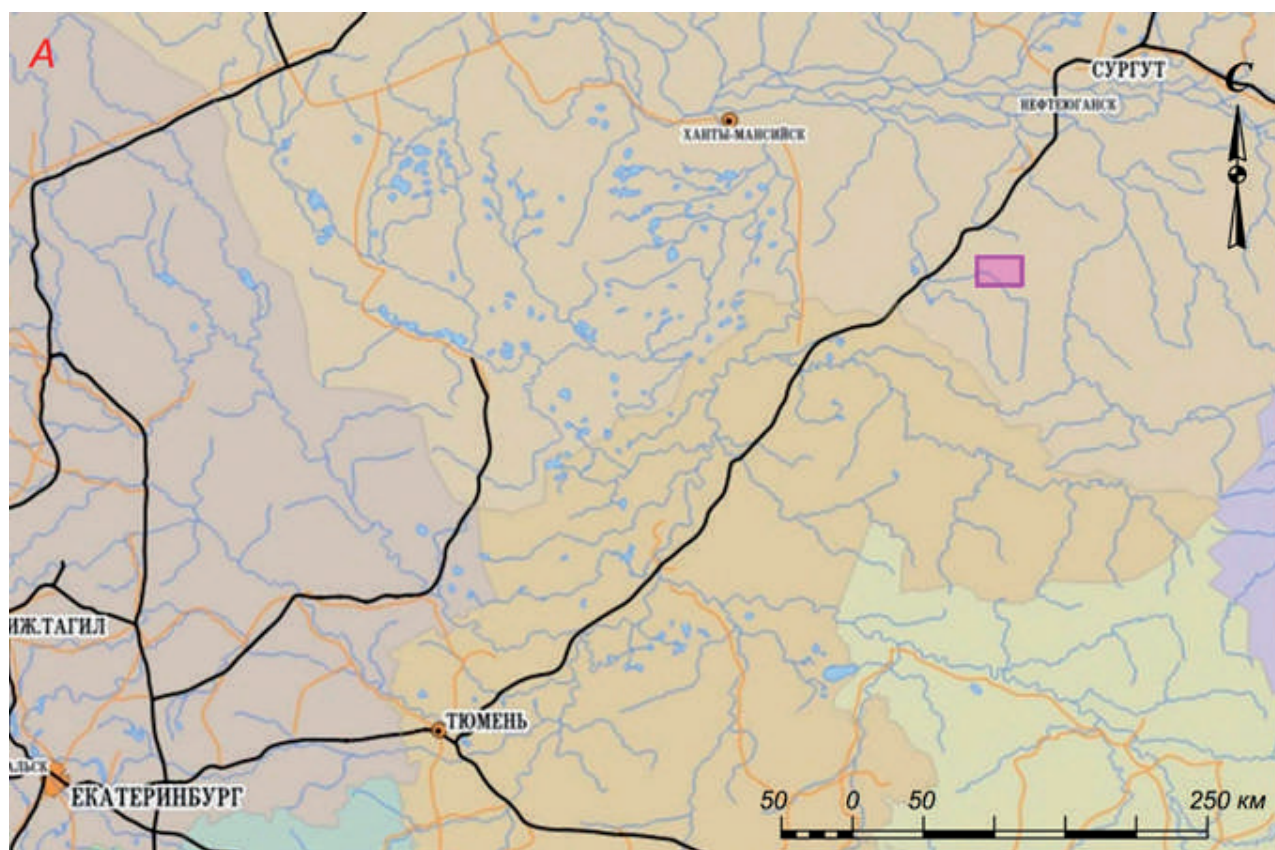

Рис. 1. Территориальные рамки исследования
Fig. 1. Territorial scope of the study

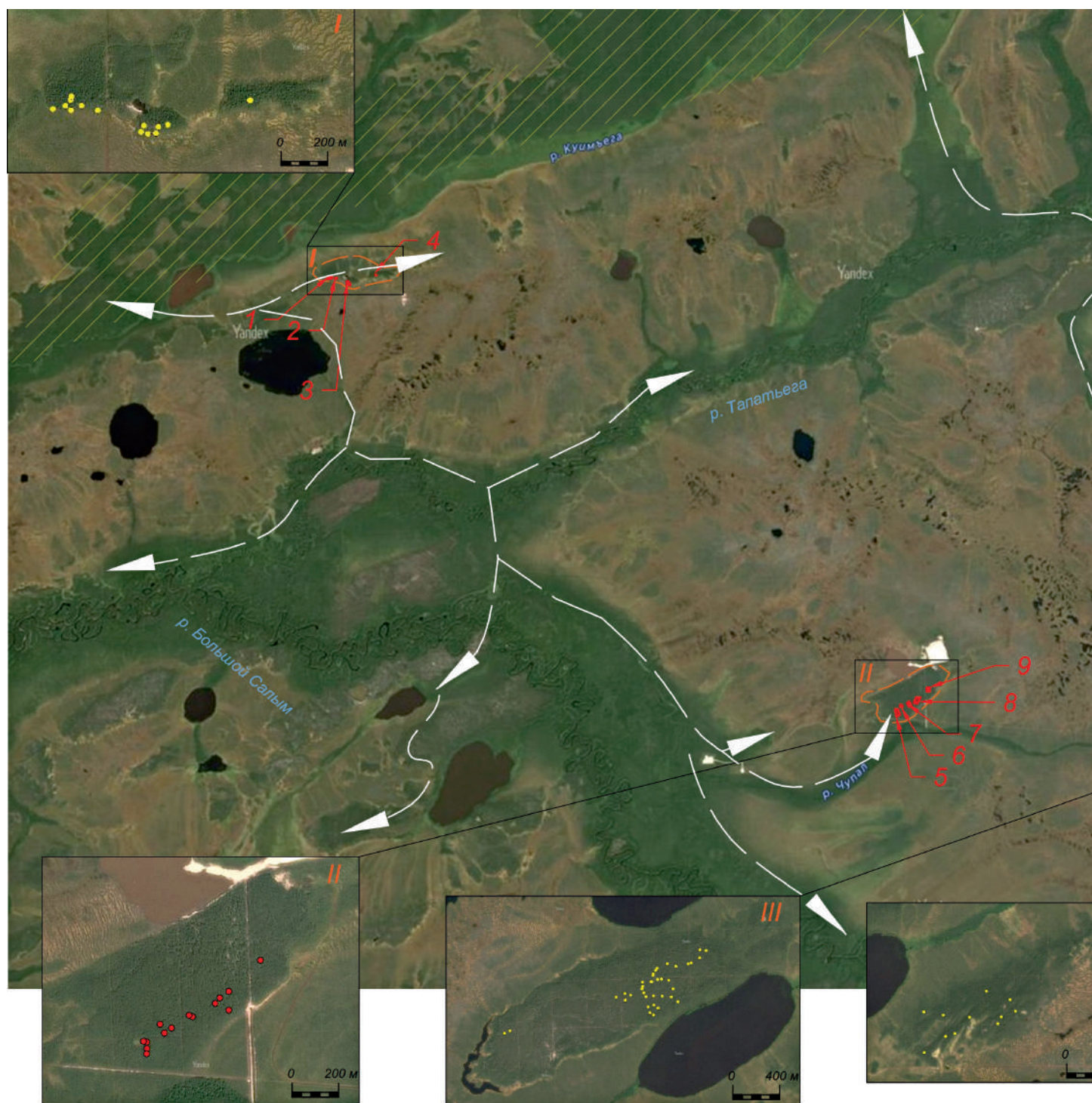

Рис. 2. Исследуемый район в верхнем течении р. Большой Салым на космоснимке сервиса «Яндекс Карты» (снимок предоставлен Astrium Services от 07.2013). На космоснимке-схеме отмечены кластеры археологических памятников, предположительные сезонные пути миграции промысловых копытных животных. На врезках указаны археологические сооружения, в том числе изученные в ходе археологических раскопок

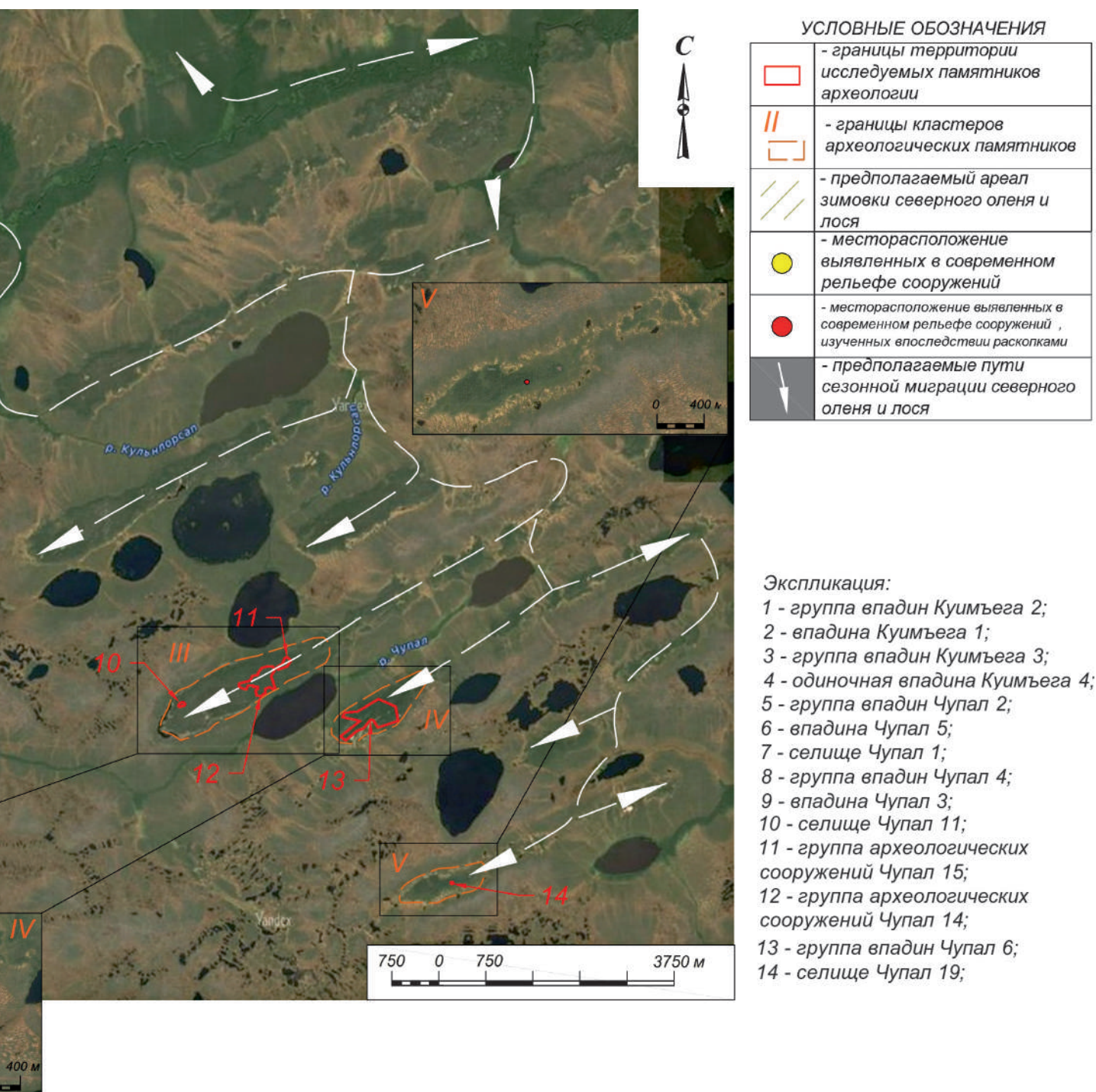

Fig. 2. The area under study in the upper reaches of the Bolshoy Salym River on a Yandex Maps satellite image (provided by Astrum Services on 07.2013). The satellite image-scheme shows clusters of archaeological sites, presumable seasonal migration routes of commercial ungulates. The insets show archaeological structures, including those studied during archaeological excavations

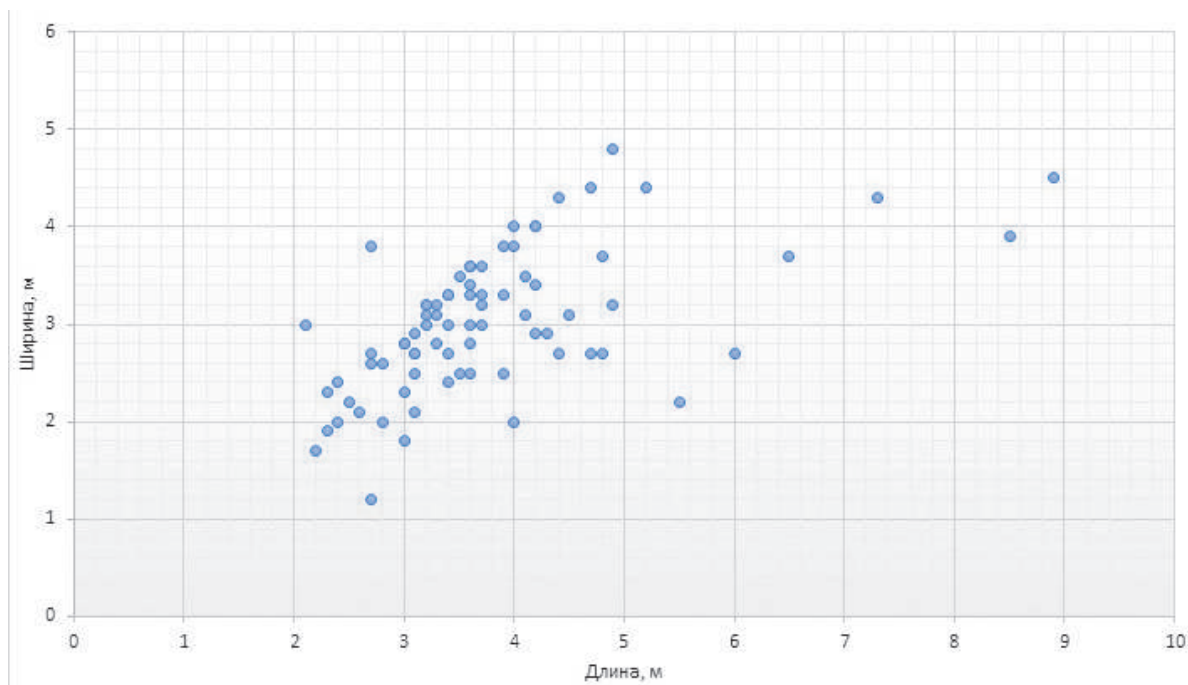

Рис. 3. Дисперсное распределение археологических сооружений по линейным параметрам впадин
Fig. 3. Dispersed distribution of archaeological structures according to the linear parameters of depressions

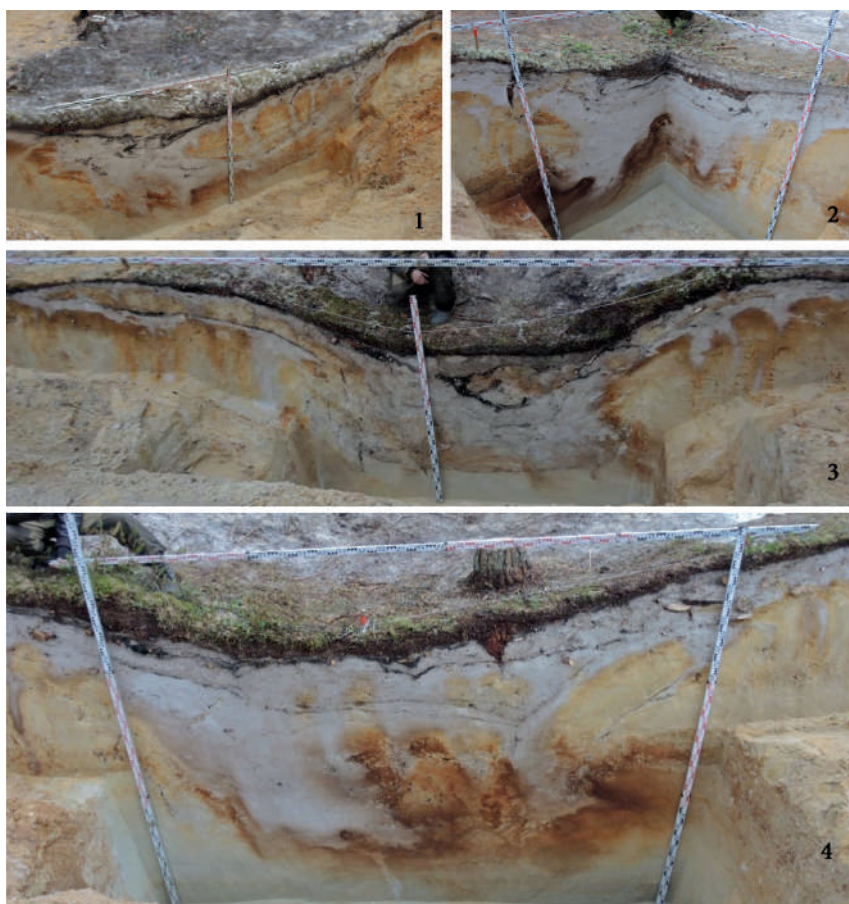

Рис. 4. Фотографии археологических сооружений: 1 – «Селище Чупал 1», сооружение 1; 2 – «группа впадин Чупал 2», сооружение 2; 3 – «Селище Чупал 1», сооружение 2; 4 – «Группа впадин Чупал 2», сооружение 1
Fig. 4. Photographs of archaeological structures: 1 – «Chupal 1 settlement», structure 1; 2 – «Chupal 2 depression group», structure 2; 3 – «Chupal 1 settlement», structure 2; 4 – «Chupal 2 depression group», structure 1

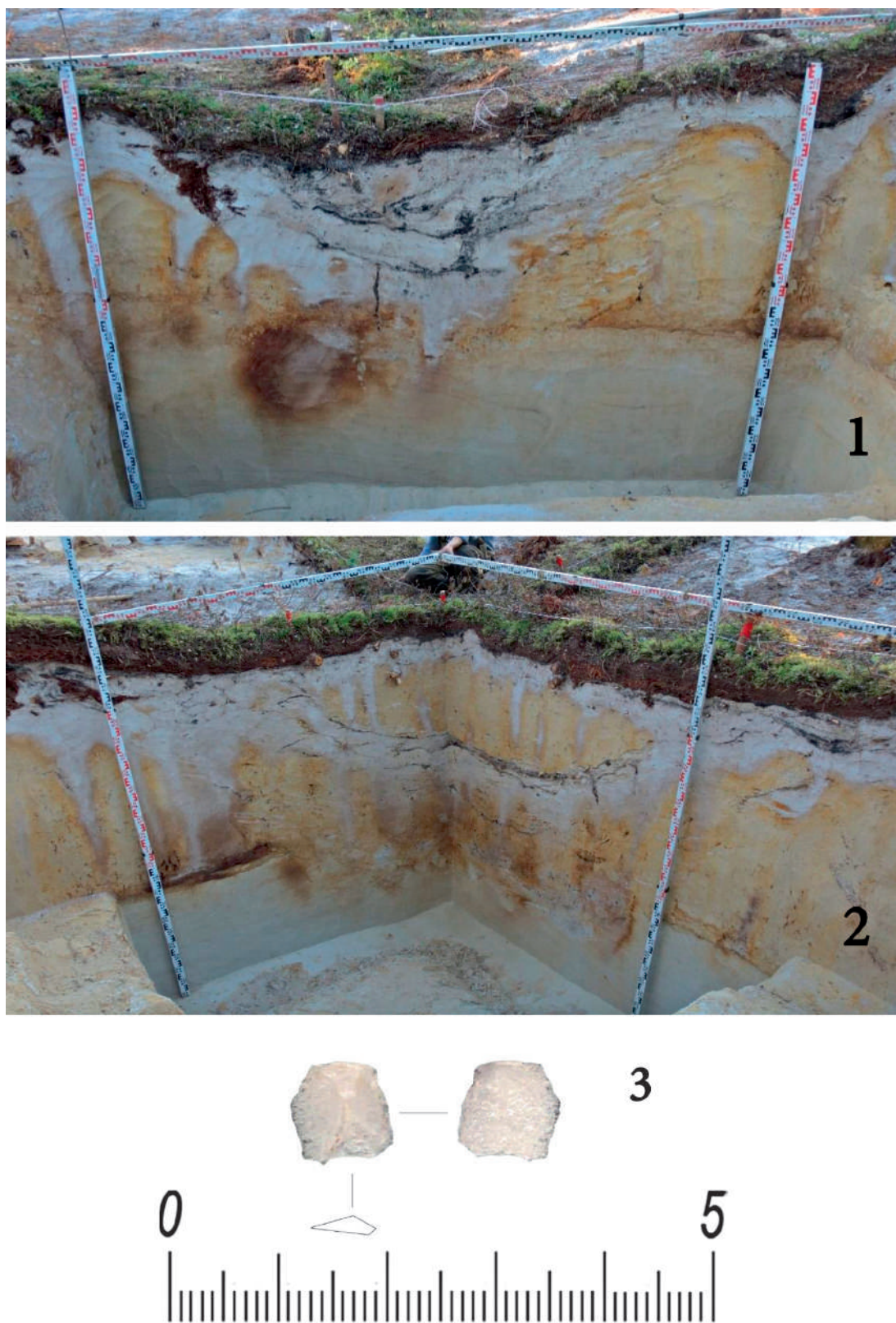

Рис. 5. Фотографии археологических сооружений и предмета: 1 – «Группа впадин Чупал 2», сооружение 3; 2 – «Группа впадин Чупал 2», сооружение 4; 3 – «Группа впадин Чупал 2», кварцевый отщеп из придонной части заполнения сооружения 4

Fig. 5. Photographs of archaeological structures and objects: 1 – «Chupal 2 depression group», structure 3; 2 – «Chupal 2 depression group», structure 4; 3 – «Chupal 2 depression group», quartz flake from the bottom part of the filling of structure 4

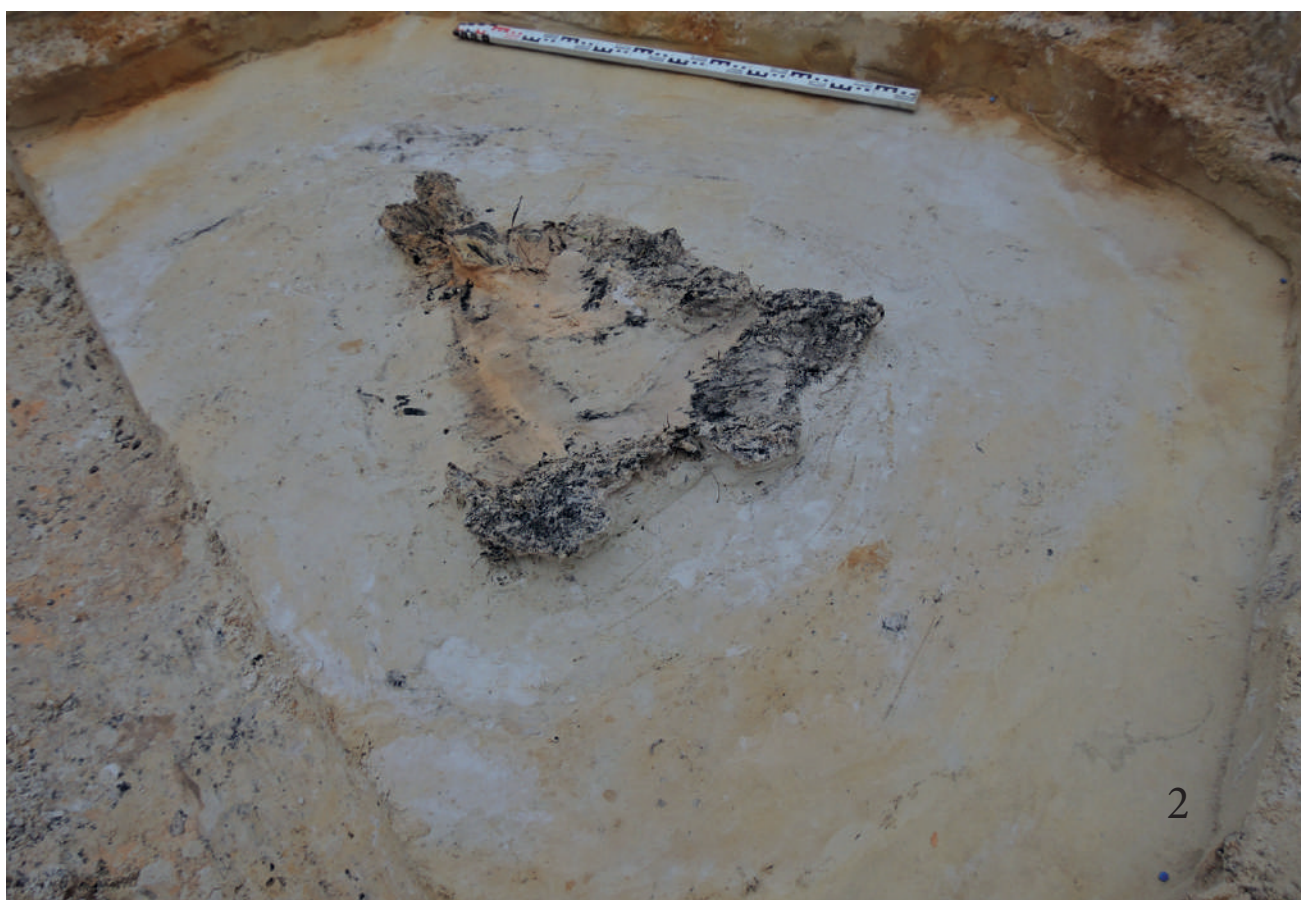

Рис. 6. Фотографии археологического сооружения 5 на «Группе впадин Чупал 2»: 1 – профиль сооружения; 2 – остатки углистых плашек на дне сооружения

Fig. 6. Photographs of archaeological structure 5 in the “Chupal 2 depression group”: 1 – structure profile; 2 – remains of carbonaceous slabs on the bottom of the structure

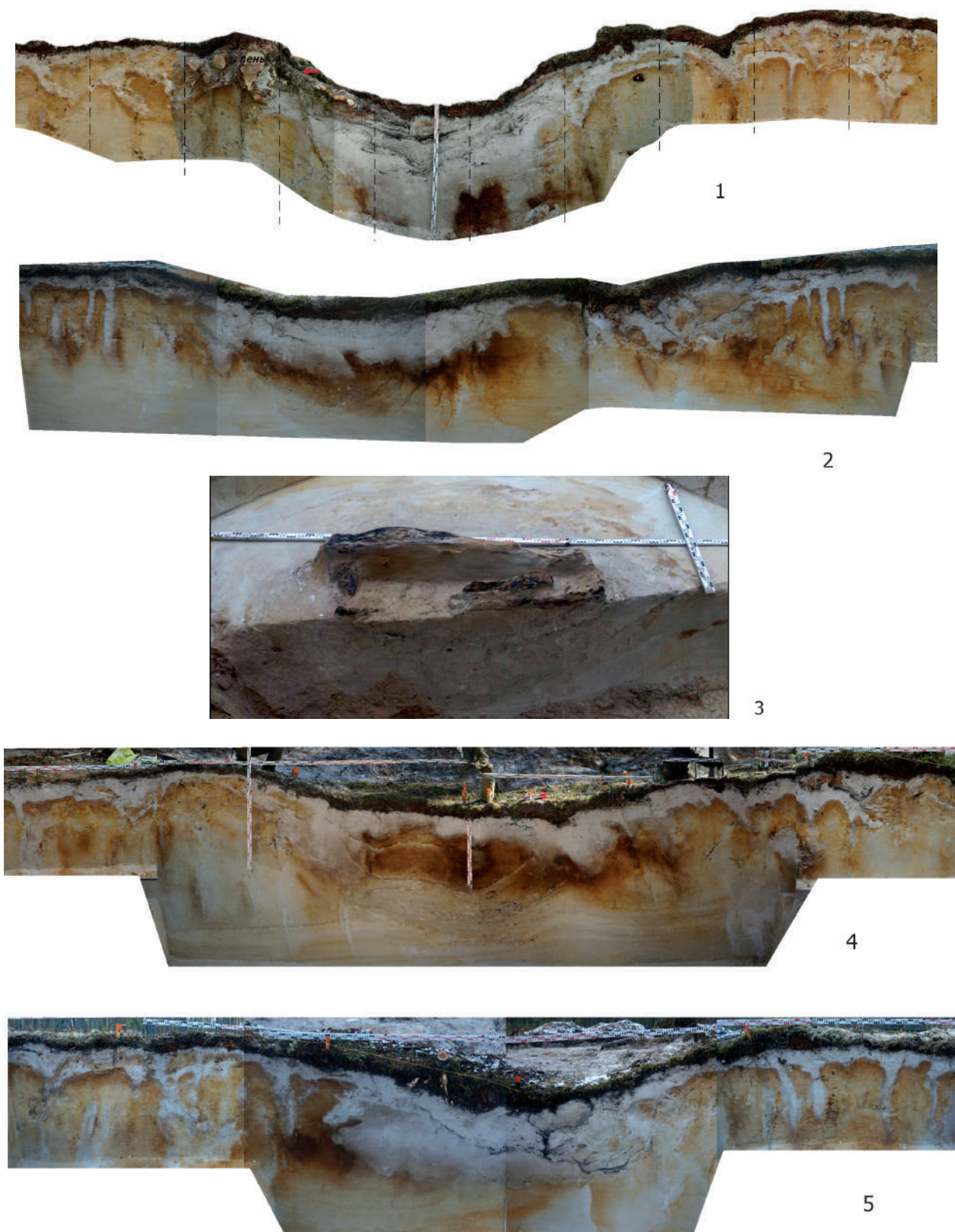

Рис. 7. Фотографии и фотопрофили археологических сооружений: 1 – «Впадина Чупал 3», сооружение 1; 2 – «Группа впадин Чупал 4», сооружение 1; 3 – «Группа впадин Чупал 4», сооружение 1, углистые плашки в нижней части заполнения; 4 – «Группа впадин Чупал 4», сооружение 2; 5 – «Группа впадин Чупал 4», сооружение 3

Fig. 7. Photographs and photo profiles of archaeological structures: 1 – “Chupal 3 depression”, structure 1; 2 – “Chupal 4 depression group”, structure 1; 3 – “Chupal 4 depression group”, structure 1, carbonaceous slabs in the lower part of the fill; 4 – “Chupal 4 depression group”, structure 2; 5 – “Chupal 4 depression group”, structure 3

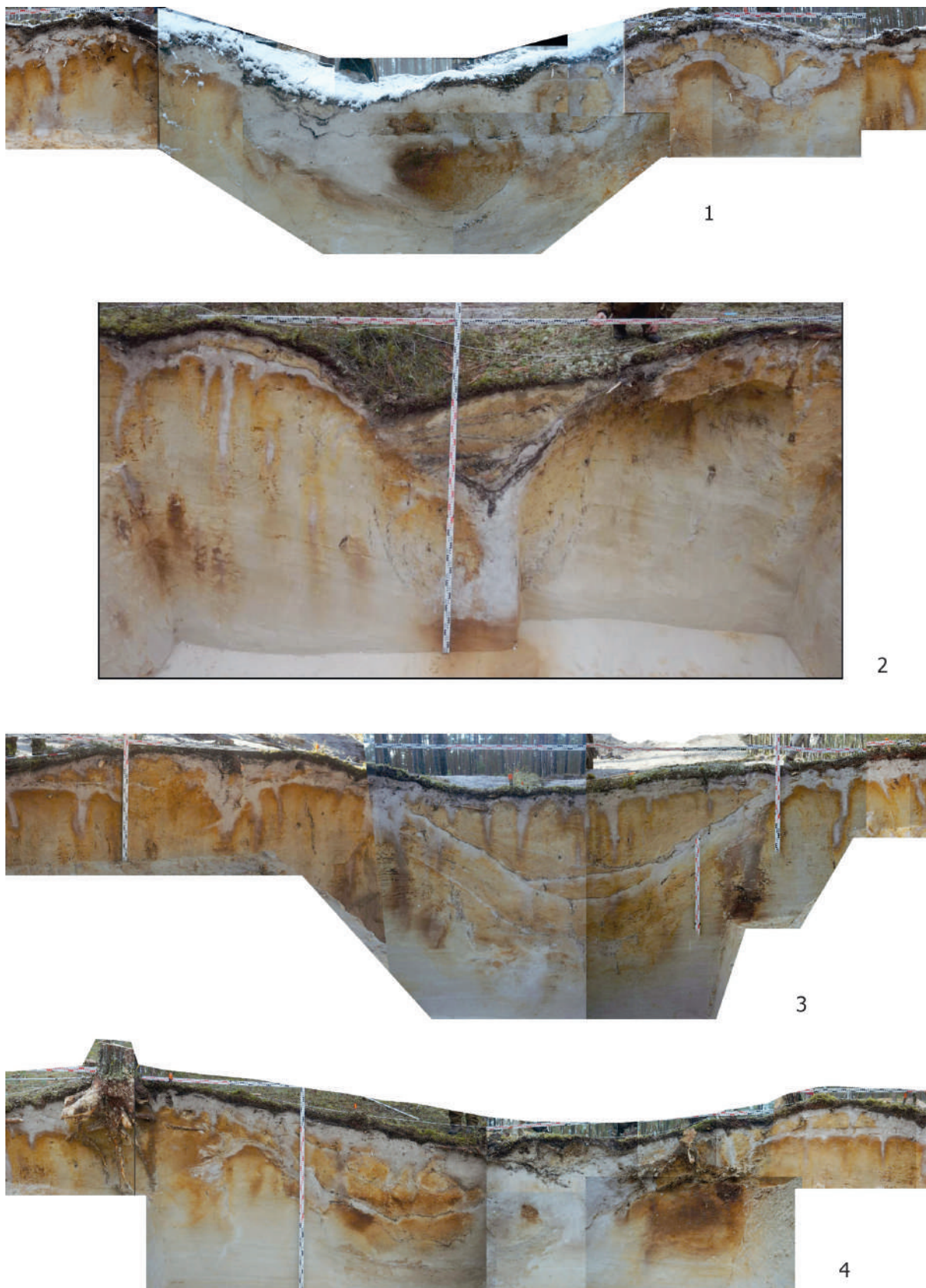

Рис. 8. Фотографии и фотопрофили археологических сооружений: 1 – «Группа впадин Чупал 4», сооружение 4; 2 – «Впадина Чупал 5», сооружение 1; 3 – «Впадина Чупал 5», сооружение 2; 4 – «Впадина Чупал 5», сооружение 3
Fig. 8. Photographs and photo profiles of archaeological structures: 1 – “Chupal 4 group of depressions”, structure 4; 2 – “Chupal 5 depression”, structure 1; 3 – “Chupal 5 depression”, structure 2; 4 – “Chupal 5 depression”, structure 3

Рис. 9. Фотографии археологических сооружений на «Селище Чупал 19»: 1 – сооружение 1; 2 – сооружение 2; 3 – сооружение 3

Fig. 9. Photographs of archaeological structures at the “Chupal 19 settlement”: 1 – structure 1; 2 – structure 2; 3 – structure 3

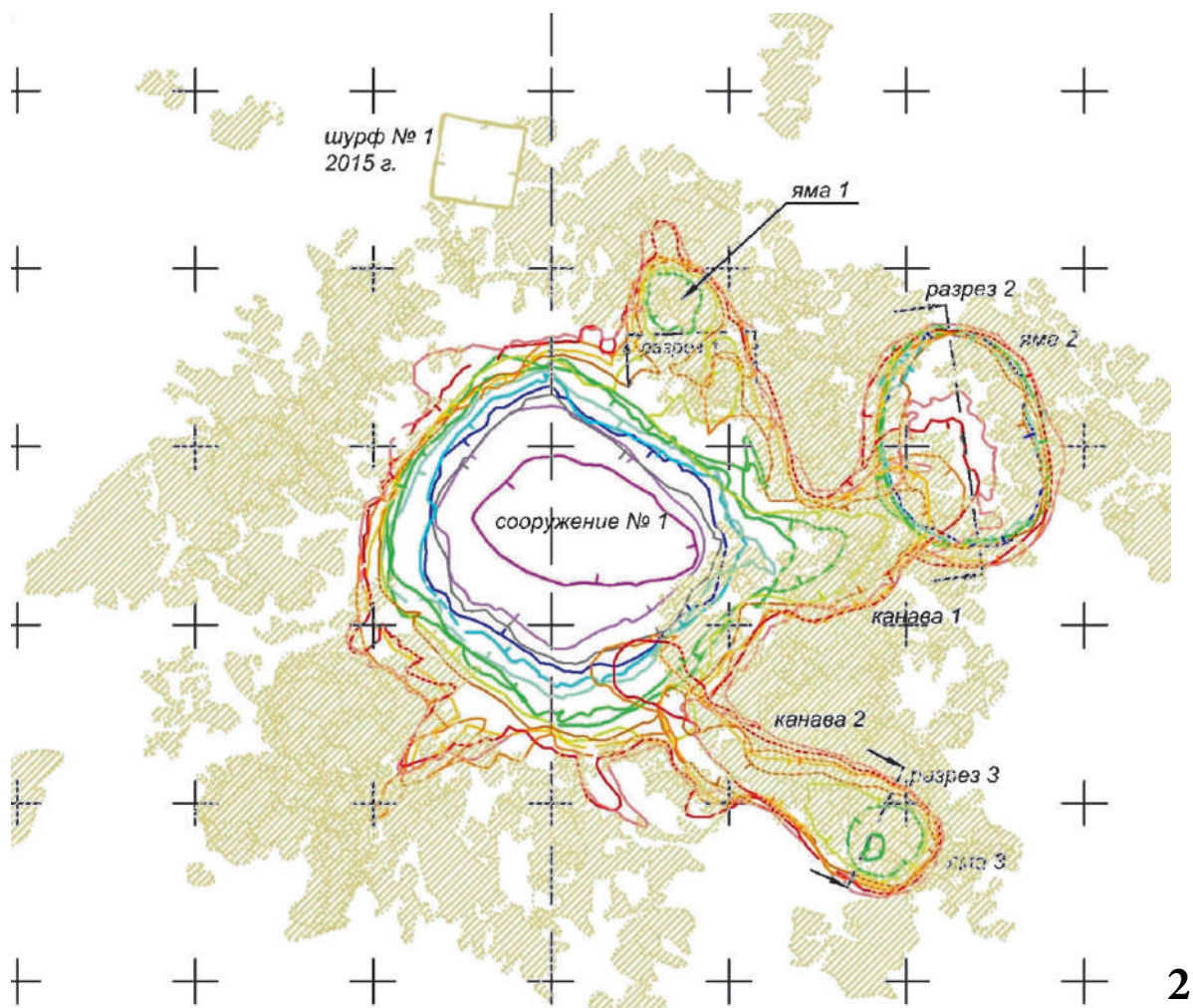

Рис. 10. Сооружения с дополнительными элементами (ямы, канавы). «Селище Чупал 1», сооружение 1: 1 – фотография восточной части сооружения в плане; 2 – сводный план раскопа, фрагмент

Fig. 10. Structures with additional elements (pits, ditches). “Chupal 1 settlement”, structure 1: 1 – photograph of the eastern part of the structure in plan; 2 – summary plan of the excavation, fragment

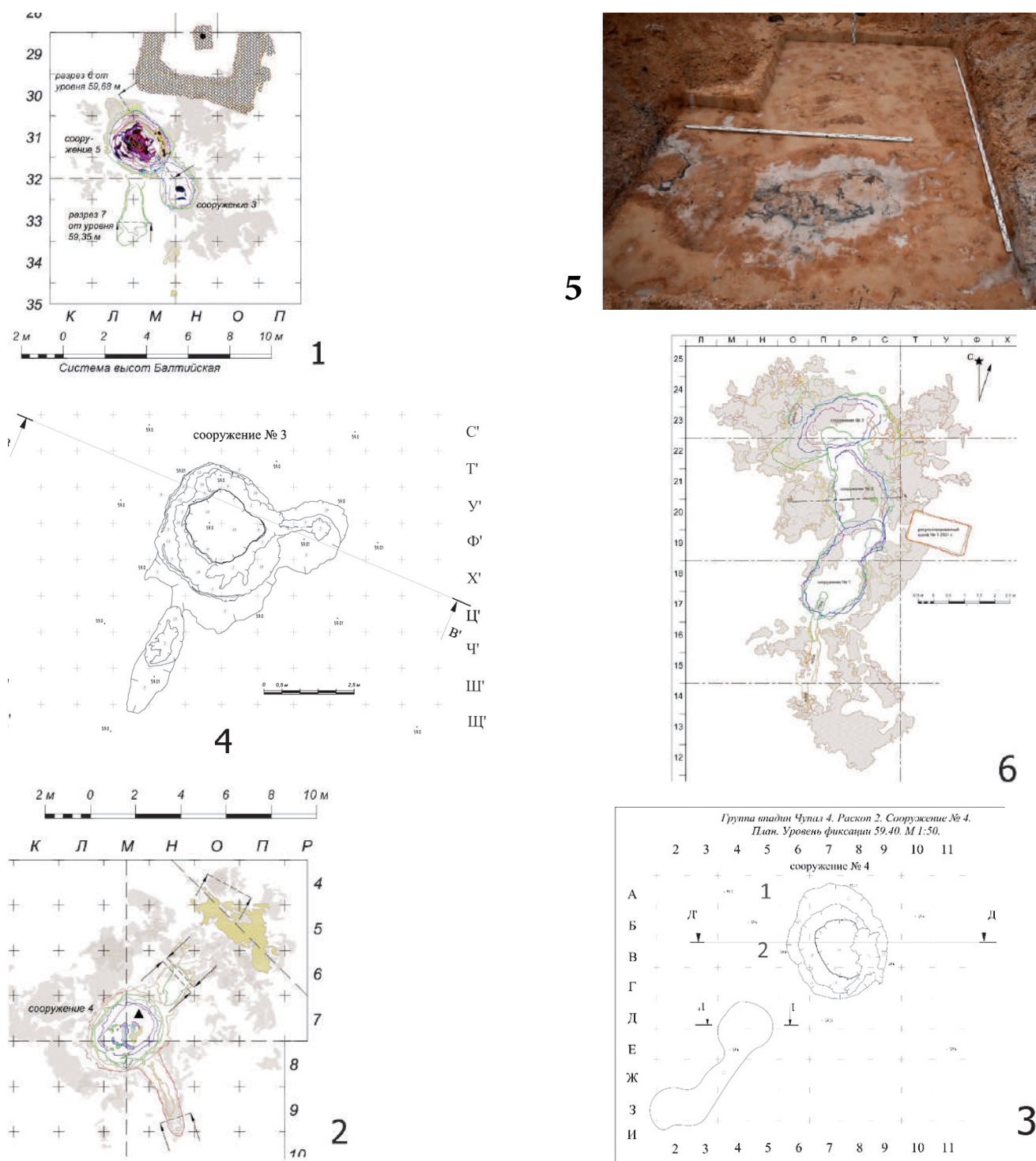

Рис. 11. Сооружения с дополнительными элементами (ямы, канавы): 1 – «Группа впадин Чупал 2», сооружения 3 и 5, фрагмент сводного плана; 2 – «Группа впадин Чупал 2», сооружение 4, фрагмент сводного плана; 3 – «Группа впадин Чупал 4», сооружение 4, фрагмент плана; 4 – «впадина Чупал 5», сооружение 3, фрагмент плана; 5 – «Селище Чупал 19», фотография плана, взаимное расположение котлованов сооружений 1, 2 и 3; 6 – «селище Чупал 19», фрагмент сводного плана

Fig. 11. Structures with additional elements (pits, ditches): 1 – «Group of depressions Chupal 2», structures 3 and 5, fragment of the master plan; 2 – «Group of depressions Chupal 2», structure 4, fragment of the master plan; 3 – «Group of depressions Chupal 4», structure 4, fragment of the plan; 4 – «Depression Chupal 5», structure 3, fragment of the plan; 5 – «Settlement Chupal 19», photograph of the plan, relative positions of the pits of structures 1, 2 and 3; 6 – «Settlement Chupal 19», fragment of the master plan

УДК: 902.2 (571.122)

DOI 10.31630/2949-3609-2026-1-36-101

В. О. Гнатиw¹, Н. Е. Трунова¹, П. В. Миронов¹¹ООО НЦ «Топос», Екатеринбург, Россия

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПРОВЕДЕННЫХ РАЗВЕДОЧНЫМИ ОТРЯДАМИ ООО НЦ «ТОПОС»

**(В РАМКАХ РАБОТ ПО ОБСЛЕДОВАНИЮ ТЕХНИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ И УСТАНОВЛЕНИЮ
ГРАНИЦ ТЕРРИТОРИЙ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
В БАССЕЙНЕ РЕКИ КОНДЫ В 2020, 2022–2024 гг.)**

Аннотация. В основе статьи – анализ топографии памятников и сооружений, стратиграфии шурфов, находок с учетом радиоуглеродных дат и палеоклиматологических данных, в результате которого авторы приходят к выводам о наличии корреляции между климатом, ландшафтами и хозяйственными занятиями коллективов в эпохи неолита, энеолита, бронзового и раннего железного веков. Исследователи ставят вопрос о наличии скотоводческого компонента в структуре хозяйства кульминского и синдейского населения эпохи раннего железа.

Annotation. This article presents the preliminary results of field investigations conducted in the Konda River basin. Drawing on the analysis of site and structure topography, stratigraphy of reconnaissance pits, artifacts, radiocarbon dating, and paleoclimatic data, the authors concluded the existence of correlations between climatic conditions, landscape dynamics, and the economic activities of prehistoric communities during the Neolithic, Eneolithic, Bronze Age, and Early Iron Age. Particular attention is given to the hypothesis regarding the presence of a pastoral economy component within the subsistence systems of the Kulminsky and Sindeysky cultures of the Early Iron Age.

Ключевые слова: река Конда, неолит, энеолит, бронзовый век, ранний железный век, скотоводство, укрепленное поселение, городище, кульминский тип, синдейский тип

Keywords: : Konda River, Neolithic, Eneolithic, Bronze Age, Early Iron Age, pastoralism, fortified settlement, hillfort

Введение. Специалистами ООО НЦ «Топос» и ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие» в 2020, 2022–2024 гг. производились археологические разведки в рамках работ по обследованию технического состояния и установлению границ территорий объектов археологического наследия в бассейне реки Конда. Исследования производились на грядах и останцах в пойме верхнего и среднего течения Конды, на притоках первого и второго порядка этого водотока от приустьевой части р. Большая Умытья (левый приток) до памятника природы «Ильичевский бор» (рис. 1).

В настоящей статье – предварительные результаты работ 2020, 2022–2024 гг. Под руководством археологов А. И. Турянского (2020), В. О. Гнатива (2022, 2023), С. А. Крузента (2024), П. В. Миронова (2024) было обследовано 226 объектов археологического наследия (в том числе один ансамбль), выявлено 28 памятников археологии. Был зафиксирован один факт полного разрушения памятника. Также обнаружен случай необоснованного выделения объекта археологического наследия и ситуация, при которой на одной и той же территории разными исследователями дважды под разными наименованиями зафиксирован один и тот же объект археологического наследия.

Актуальность публикации заключается в том, что чаще всего фокус внимания исследователей сосредоточен на вопросах детального изучения локализованных комплексов, а анализу пространственного размещения сооружений и памятников обычно отводится второстепенная роль. Вместе с тем изученные раскопками объекты дают представление о различных аспектах изучаемых общностей, отраженных в материальных остатках на конкретный момент времени. Наше исследование – попытка снять противоречие в кажущейся статичности культурных общностей. Накопленный материал разведочных работ дает возможность типизировать характер пространственно-временного размещения объектов с целью поиска их массового и аномального распределения.

В настоящее время возникла парадоксальная ситуация: при большом количестве известных в бассейне Конды памятников, содержащих кульминские, синдейские и кулайские древности, степень их изученности остается низкой. Особенную актуальность в настоящее время имеет изучение генезиса, структуры хозяйства, особенностей жилых и промысловых построек, ассоциируемых с кульминскими, синдейскими и кулайскими древностями на территории Кондинской низменности.

Новизна представляемых материалов. Обследованные и выявленные комплексы объектов эпохи раннего железа в низовьях р. Большая Умытъя отражают особенности взаимодействия кульминских и синдейских, а затем синдейских и кулайских древностей. На наш взгляд, расположение кульминских и синдейских памятников отражает специфику их культурно-хозяйственного типа. С другой стороны, изучение нижнеумытъянского археологического микрорегиона открывает большой прогностический и интерпретационный потенциал в исследовании генетических взаимосвязей кульминских, синдейских и кулайских древностей.

Краткий историографический обзор публикаций по теме исследования. Археологами изучены различные аспекты проблемы пространственного распределения памятников археологии. Е. А. Зайцевой был раскрыт интерпретационный и прогностический потенциал исследований пространственного расположения памятников с учетом их культурно-хронологической принадлежности. Исследователь приходит к выводу о перспективах подобных исследований с точки зрения реконструкции культурно-генетических процессов, показывает значение географического фактора в системе расселения и развития древних культур [Зайцева, 2013]. О. С. Сизов, О. Ю. Зими́на в дискуссионной статье представляют одну из возможных моделей системы жизнеобеспечения населения восточного варианта иткульской культуры в Притоболье на основе междисциплинарного подхода с учетом данных палеогеографии, геоморфологии, геопрограммного моделирования [Сизов, Зими́на, 2012]. В. А. Зах устанавливает корреляцию между крупными климатическими изменениями и ландшафтными перестройками, с одной стороны, и миграционными потоками населения и волнообразными скачками в развитии новых технологий, с другой стороны [Зах, 2012].

Цели и задачи. Основная цель исследования – на основании материалов разведочных работ выявить закономерности пространственно-временного распределения остатков материальной и духовной культуры древних коллективов в периоды неолита, энеолита, бронзового и раннего железного веков на территории Кондинской низменности. В задачи исследования входил сбор информации о местоположении, датировке объектов, характере расположения выраженных археологизированных сооружений, особенностях культурного слоя, а также подбор и апробация методики построения иерархических моделей при археологическом районировании местности.

Информация об источниках. Источниками информации выступали как архивные материалы предыдущих исследований, так и полученные результаты полевых работ специалистов ООО НЦ «Топос». В 2020 г. под руководством А. И. Турянского в Кондинском районе исследования проводились в шести районах [Турянский, 2023]: в окрестностях д. Ушья, в бассейне р. Боль-

шая Учинья, в устьевой части р. Поппа, в останце в устье р. Конда, в бассейне протоки Катышинки (Деревенской, Катышской) и ее окрестностях, в урочище Пашкин Бор [Акт..., 1997; Акт..., 1998; Каменский, 2005, 2006; Малышкин, 1978; Петров, 1979; Погодин, 1993; Зыков, 1997; Бессмертных, 2001, 2003а, 2003б; Трунова, 2013, 2014; Данилов, 2020а; Сладкова, 1990; Беспрозрачный, 1986, 1989, 2007, 2018, 2020; Русаков, 1978; Коноркин, 1979; Стефанова, 1981; Басов, 1983; Расторопов, 2014; Ломов, 2019]. В 2022 и 2023 гг. под руководством В. О. Гнатива (ранее приведенные в тексте ссылки на источники далее повторно не приводятся) в Кондинском районе работы велись на девяти участках [Гнатив, 2023а, 2023б]: в окрестностях д. Ильичевка, на о. Телячьем, о. Средний Бор, вблизи протоки Вырмынар, в окрестностях пгт. Кондинское, в окрестностях д. Алымка, в урочище «Летняя Чекатка», в урочище Ракшин бор, пгт. Междуреченский и г. Урай, в Советском районе – на останце в правобережье р. Ягельная, в низовьях р. Большая Умытъя, вблизи урочища «Старая Умытъя» [Стефанова, 1979; Арапов, 1982; Старков, 1994, 1996; Беспрозрачный, 1985, 2006; Сладкова, 1987, 1989, 1990, 1992, 2003, 2004; Русаков, 1971; Цеменков, 1996, 2015; Каменский, 2004; Кокшаров, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008; Погодин, 2012, 2013]. В 2024 г. под руководством С. А. Крузементы в Кондинском районе исследования производились в пяти районах – в бассейне рек Евра (в том числе в устье р. Индра), Талья, Ущенья (Ушенья), Малая, в урочищах Амбарное, Полеваны, на протоке Турсунт, на протоке и по берегам оз. Никулькинский Туман, в урочищах Варбор, Шапша, в Советском районе в двух районах – в низовьях р. Ягельная, в нижнем течении р. Большая Умытъя, вблизи урочища «Старая Умытъя» [Цеменков, 1998, 2019; Круземент, 2010].

Анализ и интерпретация материалов. Поскольку объект археологического наследия представляет собой результат аккумуляции и преобразования культурных напластований различных эпох, на первом этапе осуществлялось картографирование всех обследованных и выявленных в 2020, 2022–2024 гг. объектов археологического наследия с внесением в базу данных информации об их типологической характеристике, датировке и ряде других параметров. Отметим, что в результате проведенного мониторинга объектов в значительной степени изменилось представление не только о морфологических признаках объектов, но и о характере вмещающих ландшафтов, особенностях локализации сооружений, датировке и так далее. В результате удалось получить первичное представление об особенностях тех или иных урочищ, выделить типы распространения в них объектов археологического наследия. Как показала практика, типы урочищ, в которых располагаются объекты археологического наследия, близки по структуре к пространственным моделям освоения территорий. В частности, в ландшафтоведении выделяются следующие типы пространственных моделей

освоения территорий: очаговый, линейный, древовидный, мозаичный, фоновый, пригородный, приозерный [Колбовский, 2006. С. 417].

На археологических картах очаговый характер (рис. 2) встречается по разным причинам. В одном случае решающую роль играют особенности ландшафта: например, поселение Урочище Воронья Кочка занимает локальную грядку в обширной пойме р. Конда. В другом – низкая степень изученности территории, как на стоянке Турсунт 1, которая располагается на останце, где высока вероятность выявления объектов археологического наследия, приуроченных к озеру с тыловой стороны, к протоке и к руслу реки – с лицевой. В третьем – особенности непосредственно изучаемого объекта археологического наследия (например, с большой долей вероятности можно утверждать, что такие памятники, как «Поселение Малая 2», «Поселение Большая Речка 1», являются кратковременными объектами промыслового назначения эпох развитой и ранней бронзы, соответственно).

Линейная модель освоения ландшафтов получила широкое распространение на грядах и останцах в пойме р. Конда. Таковыми можно считать объекты в урочищах Борчик, Алымский Бор, Ракшин Бор и Пашкин Бор, в окрестностях Старого и Нового Катышей, в урочищах Старая Белая Гора и Новая Белая Гора, на останце вблизи п. Ягодный (рис. 3).

Древовидная модель освоения территорий характерна для развитых речных систем, сочетающих ряд факторов: разнообразие рельефа, степень биологической продуктивности ландшафтов, наличие источников сырья для производства орудий труда, наличие адаптационных механизмов у древних социумов к меняющимся климатическим, гидрологическим и топографическим условиям. Древовидная модель фиксируется в бассейне р. Большая Умытья (рис. 4). Отличительными особенностями ландшафтов в бассейне этого водотока являются их многообразие и высокая биопродуктивность, сочетающиеся с серийностью и типичностью. Памятники археологии отмечены как на структурообразующем водотоке, так и на притоках – реках Малая Умытья, Ягельная, Вершина, Берёзовый, а также на многочисленных безымянных ручьях.

Приозерные модели (рис. 5) получили широкое распространение на Кондинских озерах в верховьях Конды, по берегам Сатыгинского, Среднесатыгинского, Леушинского, Рахтинского Туманов. Аналогичная модель широко распространена в левобережье Конды на проточных озерах Турсун-Тур, Никулькинский Туман, Полымьятском, Арантор, Варынтюр и других.

К фоновой модели могут быть отнесены такие объекты, как «Местонахождение Большая Умытья 79», «Поселение Большая Умытья 150». Основным признаком таких местоположений – нетипичность местоположения относительно большинства известных на этой

территории объектов, например, локализация на водораздельной равнине. Вместе с тем аномальность местоположения должна оцениваться исходя из местных характеристик объектов. Скажем, в окрестностях г. Покачи локализация объектов на водоразделе достаточно распространенная.

На втором этапе исследования анализировались особенности расположения памятников с учетом их датировки. Сначала выделялись места с высокой концентрацией объектов одной и той же эпохи, характерные места расположения объектов различных эпох, а также аномальные местоположения.

Потом по результатам анализа было установлено, что характерным местоположением древностей эпохи неолита были узкие грядовые массивы по берегам заболочиваемых в настоящее время проточных озер. Древности эпохи неолита имели распространение на мысах, узких грядовых массивах, на наиболее узких участках крупных останцев, располагались по берегам на сегодняшний день заболочиваемых проточных озер. Палеоклиматические реконструкции этого периода указывают на низкую степень заболоченности местности, высокую влажность и характеризуют временной интервал с 8000 по 4500 гг. (по другим данным – с 7000 по 3000 лет до н. э.) как термический оптимум голоцена [Фёдоров, Гребенников, 2020]. Поэтому можно предполагать приуроченность локализации жилых построек к проточным озерным сетям в местах расположения проток, широких участков русла, озер-затонов и др. Обращает на себя внимание особенность выбора местоположений для жилищ таким образом, чтобы обеспечить максимальную эффективность комплексного присваивающего хозяйства, ориентированного в первую очередь на рыболовство. Можно отметить комплексы эпохи неолита на поселениях Варын-Тор 2, Варын-Тор 6, Деревенское 1, Деревенское 4, Деревенское 6, Волвонча 7, 9, Никулкино 1, Деревенская Речка 1–3, Никулькинский Туман 1, 7, местонахождение Волвонча 8. Поселение Никулькинский Туман 1 было датировано методом радиоуглеродного датирования. Полученная датировка конструкций сооружения, зафиксированного в шурфе № K24030 (рис. 8), сопоставима со средним неолитом исследуемой Кондинской низменности: по 1δ (68 %) 5989–5672BC; по 2δ (95 %) 6215–5535BC. Среднее вероятностное значение –5840BC [Археологические памятники..., 2024. С. 306–309].

В этой связи интересно проанализировать местоположения памятников эпохи неолита в долинах рек. Так, на р. Большая Учинья все памятники, на которых обнаружены предметы этой эпохи, располагаются в местах перехода от широкого участка поймы к узкому (поселения Большая Учинья 7, 23, 28, Высокая Гора 2), иногда приурочены также к ложбинам стока, в верховьях которых угадываются контуры палеоозер (поселения Большая Учинья 28, 30). Ниже мы рассмотрим подробнее ландшафтную ситуацию этой территории.

На обследованном участке поймы и крупного останца террасы в низовьях р. Большая Умытъя лишь на двух памятниках были отмечены находки эпохи неолита (поселения Большая Умытъя 28/1 (Югорское 28), Большая Умытъя 30/2 (Большая Умытъя 31, Югорское 31). Оба памятника приурочены к ложбинам стока крупного палеозера. Оба памятника занимают узкие гряды в грядовом массиве (рис. 9).

Особое место занимает объект «Поселение Пашкин Бор 5», представляющий собой искусственный насыпной холм на крупном останце террасы (рис. 10), расположенный таким образом, что южная и северо-западная его части обращены к протоке, западная и северо-восточная – к озерам-затонам (или озерам наподобие современных Туманов), одно из которых сегодня представляет собой верховое болото. К типу холмов также относится городище Ушья, к которому приурочены еще два памятника – поселение и укрепленное место [Турянский, 2023. Том 6, рис. 5, 90, 155, 175; том 13, рис. 2985]. Эта группа памятников располагается на высокой террасе р. Конда. При этом ниже по течению эта река принимает справа крупный приток, а выше по течению водотока фиксируется значительное расширение поймы.

Схожий характер размещения имеют энеолитические памятники. Такие объекты располагаются вдоль проточных озер, часто имеют приозерную и линейную модели освоения ландшафтов. Например, в урочище Волвончинский Бор, протянувшись вдоль юго-восточной стороны озера Полымьятского и далее вдоль одноименной протоки, распространяется культурный слой с находками эпохи энеолита (рис. 11). В частности, археологические предметы эпохи энеолита встречены на территории следующих памятников археологии: поселения Волвонча 1, 7, 9, 11, 14, 17, местонахождения Волвонча 3, 8. Возможно, к эпохе энеолита также относится памятник «Поселение Болотное 1». На соседнем останце весь северный и северо-западный берега занимают памятники эпохи энеолита – поселения Деревенское 3, 4, 6, 7. Возможно также наличие культурного слоя, ассоциируемого с эпохой энеолита на территории поселения Деревенское 1. Таким образом, объекты рассматриваемой эпохи приурочены к низким береговым террасам озер и проток, располагаются вблизи точек бифуркации – мест перехода от озерного водоема к руслу протоки.

При этом наиболее выраженные археологические сооружения этой эпохи располагаются вблизи места, в котором из оз. Полымьятского вытекает протока, вблизи места впадения этой протоки в оз. Заборское (Деревенское), вдоль южного берега оз. Заборского, а также вблизи этого озера на безымянной и Полымьятской протоках. В отличие от типичных неолитических местоположений, энеолитические объекты располагаются без устойчивой привязки к ширине гряды или останца. Наиболее типичные местополо-

жения энеолитических построек – экстремально низкие на сегодняшний день участки и пологие наклонные поверхности невысоких террасовых уровней, что может указывать на наличие сезонности жилых построек.

В случае с объектом «Поселение Болотное 1» было зафиксировано значительное заболачивание акватории безымянного озера, обмеление пересекающей его протоки. Вместе с тем на спутниковых снимках угадывается контур водоема в древности – более полный, соединенный протоками с озерами Чахомятским и Заборским.

При возведении долговременных построек древними строителями учитывались особенности рельефа (а в ряде случаев даже микрорельефа) местности. Так, отмечается приуроченность крупных сооружений к ребрам склоновых поверхностей, бровкам ложбин, подошвам возвышений. Например, интересен характер размещения сооружения на памятнике «Поселение Алымский Бор 1». Зафиксированное сооружение располагается здесь в естественном углублении сложной склоновой поверхности (рис. 12). Местоположение оказалось настолько высокоэффективным, что использовалось для размещения жилища не только в эпоху энеолита, но и позже – в эпоху ранней бронзы [Гнатив, 2023б. С. 177–187; рис. 519, 569]. Предполагается, что подобное размещение позволяло уменьшать объем земляных работ, улучшало дренажные характеристики постройки. Также стоит отметить высокое мастерство строителей, поскольку для возведения постройки, вписанной в ландшафт, очевидно требовались нетривиальные инженерные решения.

В бассейне р. Большая Учинья при обследовании в 2020 г. было установлено наличие 18 объектов эпохи энеолита – поселения Высокая Гора 2, Марьяна Гора 4, Большая Учинья 2, 5–9, 14–16, 20, 23, 25, 26, 28, 29, 34 [Турянский, 2023]. Объекты располагаются неравномерно. Было установлено, что энеолитические памятники приурочены к устьям притоков р. Большая Учинья и современным заболоченным ложбинам. Стратиграфические наблюдения показывают, что поверхности террас водотока даже сейчас периодически подвержены переувлажнению. Это проявляется в широком распространении таких явлений, как ожелезнение и оглеение. Почвенные профили в бассейне р. Большая Учинья в большинстве с турбированными горизонтами, местами – с характерной слоистостью. Совмещение контуров пойменной части современной речной сети по ложбинам с очертаниями верховых болот по их краям указывает на существование здесь в прошлом сети проточных озер, соединенных между собой протоками (рис. 13). Реки Большая и Малая Учинья с большим количеством омутов в сочетании с сетью остаточных озер не имеют признаков русловых потоков. В самом деле, лишь в верхнем течении р. Большая Учинья имеет разработанное русло

со старицами, грядами и останцами в пойме, с формирующимся поясом меандрирования. Постепенное изменение характера водотока происходит в 400–450 м к югу – юго-западу от поселения Большая Учинья 35. Русло становится гораздо менее извилистым, а рельеф поймы – все более монотонным. Если на участке от поселения Большая Учинья 34 до поселения Большая Учинья 28 фиксируются всеерные ландшафты, то ниже по течению водотока такие формы рельефа не выражены. Мы считаем, что такое изменение рисунка долины водотока является последствием впадения реки в обширную озерную сеть, проходя через которую русловый поток становится протокой, огибающей препятствия в виде останцев, содержащих более плотные породы, в том числе массивные скопления оксида железа. Соответственно, современная достаточно молодая долина реки унаследовала свойства более древней межозерной протоки. Река Малая Учинья, напротив, занимает непропорционально обширную ложбину стока, будучи менее полноводным водотоком, только начинает формировать собственную долину. Все нижнее течение рек Большая и Малая Учинья представляет собой обширное озеро наподобие Тумана или Сора, которое периодически становится полноводным в результате подъема воды в р. Конда.

Интерес представляет участок расположения энеолитических поселений Ушенья 1, 4, 5 (рис. 14). Памятники демонстрируют различные способы адаптации к меняющейся природной среде. Например, поселение Ушенья 1 занимает высокий мыс террасы, приуроченный к обширной бухте в правобережье водотока. На сегодняшний день минимальное расстояние до ближайшего рукава реки составляет не менее 0,5 км. Вместе с тем в периоды паводков бухта, прилегающая к мысу, наполняется водой, образуя на непродолжительный период времени, до 1,5 месяца, маловодное проточное озеро. Поселение Ушенья 4 располагается на экстремально низком мысе останца террасы в левобережье водотока. Даже в настоящее время в периоды паводков происходит подтопление этой территории. Бытовые неудобства, вероятно, компенсируются высокой сезонной продуктивностью рыболовного промысла. На территории поселения Ушенья 5 на субгоризонтальной поверхности краевой части останца террасы фиксируются признаки слабовыраженного в современном рельефе углубления поверхности. В результате шурфовки (№ К24099) вблизи углубления под турбированными слоистыми отложениями были обнаружены конструкции археологических сооружений. По всей видимости, визуально фиксируемый в современном рельефе контур углубления расположен на месте остатков неолитической постройки. В северо-восточном углу шурфа № К24099 на глубине 0,60 м от уровня современной дневной поверхности зафиксированы очертания котлована сооруже-

ния с очажным слоем, возле которого располагались три вложенных друг в друга глиняных сосуда, ограниченных, вероятно, конструкцией из вбитых кольев. Здесь же найден один фрагмент от четвертого сосуда. Радиоуглеродный анализ хорошо сохранившегося погребенного напочвенного горизонта, подстилающего сооружение, позволил установить дату его постройки – среднее вероятностное значение 2443 г. до н. э., что соответствует позднему энеолиту Кондинской низменности (рис. 15). На основе типологического подхода нами установлено, что эти сосуды имеют черты сходства с керамикой, характерной как для эпохи неолита, так и энеолита (рис. 16) [Археологические памятники..., 2024. С. 264–433].

Наличие в шурфе слоистых отложений, перекрывающих культурные напластования эпохи энеолита, указывают на последовавшее за этим периодом повышение уровня уреза воды в водотоке. С тыловой стороны этого останца компактной группой располагаются четыре археологических сооружения, предварительно датированных ранним бронзовым веком (рис. 17). При этом одно из сооружений перекрывает более ранний и менее выраженный объект. Остальные три сооружения окружены хорошо выраженной валообразной насыпью, что может быть связано с приспособлением к повышению уровня воды.

Спорово-пыльцевой анализ разреза к югу от оз. Арантур, проведенный Т. Г. Антипиной, А. Т. Галимовым, указывает на трансгрессию водоема после 2250 г. до н. э. [Антипина, Галимов, 2024. С. 62], что подтверждает наш вывод.

Приуроченность сооружений эпохи ранней бронзы к тыловой стороне останца, а энеолитического объекта – к участку болота, ограниченного мысом и краевой частью останца, позволяет предполагать наличие здесь в древности крупного озера с бухтами по берегам (рис. 18). Это предположение подтверждает анализ орографических характеристик болот, окружающих р. Ушенья (Ушенья). Высотные отметки здесь колеблются в диапазоне от 40 до 42 м (в Балтийской системе высот). Исключение составляет расположенный параллельно тыловой стороне останца грядовый массив с отметкой в 43 м. Таким образом, сооружения эпох энеолита и ранней бронзы располагались на береговых мысах крупного озера, соединенного протокой с другими крупными озерами. Поскольку напротив фронтальной и тыловой сторон останца располагаются мысы, предполагается приуроченность построек эпох энеолита и ранней бронзы к озерам-затонам при наличии в непосредственной близости к ним наиболее узкого места протоки, что позволяло максимально эффективно использовать ресурсы территории. Вывод подтверждается низкой степенью разработанности и несоразмерностью долины водотока и его русла, а также развитием в долине явления пойменной многоруканности [Чалов и др., 1998. С. 165–168].

Относительно частым явлением, характерным для памятников с древностями раннего и позднего бронзового веков, можно считать размещение временных сезонных промысловых построек в пойме реки. Показательным является участок поймы в нижнем течении р. Большая Умытъя (рис. 19). В частности, на поселении Большая Умытъя 28а/1 (Большая Умытъя 28а, Югорское 28а) шурфом № Г23057 показано многократно повторяющееся затопление переувлажненного участка локальной пойменной гряды, почти полностью занятой сооружением № 1. В шурфе встречена исключительно керамика эпохи ранней бронзы. Напротив этого места, на более крупном останце, располагалось укрепленное поселение этой же эпохи, защищенное валом от затопления. На локальных грядах в пойме также повсеместно расположены сооружения, шурфовка вблизи которых неизменно позволяет получить большое количество посуды лозьвинского типа. Можно отметить такие памятники, как поселения Большая Умытъя 27/2 (Большая Умытъя 27а, Югорское 27а), Большая Умытъя 29/1 (Большая Умытъя 29, Югорское 29), Большая Умытъя 29/3 (Большая Умытъя 29/6, Югорское 29/6). Особенно характерной является гряда, на которой располагаются не менее семи остатков археологических сооружений [Старков, 1994. Том 2, рис. 72, 73, 80, 81, 83; Гнатив, 2023. Том 8, рис. 1092, 1107, 1247, 1259, 1272]. Два из них частично разрушены боковой эрозией водотока (рис. 20). Возможно, многократные заселения пойменных участков в эпоху поздней бронзы являются попыткой адаптироваться к позднесуббореальному сухому похолоданию 1100–800 гг. до н. э. [Зах, Зиминая, Рябогина, 2011. С. 230].

Интересные результаты были получены в итоге анализа местоположений памятников эпохи раннего железа. Были отмечены различные модели расположения памятников этой эпохи – очажная (на берегах оз. Полымьятского, на протоке Сенькиной, в Ильичевском Бору, в урочище Пашкин Бор, на гряде, занятой поселением Старая Белая Гора 2, в урочищах Старый и Новый Катыш, к западу от д. Сотник и др.), линейная (в урочище Новая Белая Гора), древовидная (вдоль р. Большая Учinya). Сочетание почти всех имеющихся моделей освоения территорий в эпоху раннего железа отмечено по берегам р. Большая Умытъя и ее притоков.

Как указывает Ю. П. Чемякин при описании кульминских древностей, к настоящему моменту изучены остатки лишь четырех жилищ на трех памятниках археологии (поселения Геологическое 3, Большая Умытъя 58, Лемья 19.1), «еще на четырех поселениях обнаружены открытые кострища и ямы с кульминской посудой» [Чемякин, 2024. С. 527, 530].

Можно утверждать, что кульминские древности были обнаружены на множестве памятников в бассейнах рек Конда, Тавда, в Нижнем Приобье. Вместе с тем к настоящему моменту почти отсутствует какая-

либо информация о структуре хозяйства населения, оставившего после себя многочисленные фрагменты керамической посуды кульминского типа. Достоверно известно, что кульминцы освоили цветную металлургию, поскольку обломки тиглей были отмечены на поселениях Большая Умытъя 74, Лемья 19.1, Малая Умытъя 16.1 [Погодин, 2007. С. 16, 17; Погодин, Чемякин, 2019. С. 47; Данилов, 2019. Книга 1, С. 84]. На поселении Лемья 19.1 были обнаружены кости млекопитающих (в том числе соболь, бобр), единично – кости рыб (в том числе щуки) [Погодин, Чемякин, 2019. С. 42, 46]. В небольшом количестве в культурных слоях, которые были соотнесены исследователями с керамикой кульминского типа, обнаружены также отщепы, кусок расслоившегося лимонита, фрагмент изделия из металла. Среди находок не было предметов, которые бы подтверждали, что основными занятиями кульминского населения являлись охота, рыболовство и собирательство. Вместе с тем большое количество кульминских памятников с маломощным и невыраженным культурным слоем, а также их расположение в местах, не характерных для предыдущих эпох, указывает, на наш взгляд, на то, что характер их хозяйства в значительной мере отличался от традиционного промысла охотников и рыболовов, который был характерен для населения, проживавшего на этой территории в предыдущие эпохи.

Нами отмечено присутствие материалов эпохи раннего железного века не менее чем на 75 объектах археологического наследия в бассейне этой реки. При этом в большинстве случаев древности эпохи раннего железа представлены находками кульминского и синдейского типов. Кульминские древности отмечены на не менее чем 61 памятнике (рис. 21). В бассейне р. Большая Умытъя экспедициями ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие» были проведены широкомасштабные раскопки на не менее чем 15 объектах археологического наследия. Но только при исследовании поселения Большая Умытъя 58 было зафиксировано сооружение с кульминскими древностями эпохи раннего железа. Экспедициями Уральского государственного университета имени А. М. Горького под руководством С. Ф. Кокшарова производились многолетние раскопки еще на трех памятниках на останце и гряде нижнего течения Большой Умытъя. На городище Большая Умытъя 30/6 (Большая Умытъя 36, Югорское 36) были изучены остатки двух построек, содержащих керамику синдейского типа [Кокшаров, 2005. С. 51; Кокшаров, 2006. С. 54].

Т. Г. Антипина, А. Т. Галимов на основании споро-пыльцевого анализа ряда торфяных разрезов, выполненных в бассейнах р. Мулымья, Большая Умытъя, а также к югу от оз. Арантур, неизменно приходят к выводу о том, что на VII–VI вв. до н. э. приходится сухое похолодание (или даже «резкий спад температур») [Антипина, Галимов, 2024. С. 54, 55, 60, 68]. На основании

близости керамических комплексов сосудам исетской, восточного варианта иткульской (юртоборской), бело-ярской, гамаюнской культур время бытования кульминских древностей устанавливается, согласно устоявшейся в настоящее время точке зрения, на VIII/VII–IV вв. до н. э. [Чемакин, 2024. С. 532]. Следовательно, можно утверждать, что палеоклиматическая аномалия в виде резкого сухого похолодания приходится на время бытования кульминских древностей.

В. Д. Викторова указывает, что появление металлургии, скотоводства формирует определенные традиции природопользования, отражающиеся на состоянии пастбищных экосистем [Викторова, 1989. С. 122].

Наши наблюдения указывают на то, что крупные долговременные кульминские и синдейские поселенческие комплексы с укреплениями располагаются на двух участках в бассейне нижнего течения Большой Умыты – на обширном останце в правобережье этого водотока и в 4,5 км к востоку, на правом берегу Малой Умыты (рис. 22) [Гнатив, 2023а. Том 8, рис. 2513, 2514; Данилов, 2019. Книга 3, рис. 15; кн. 4, рис. 320; Данилов, 2020б. Книга 4, рис. 639, 642, 670]. Укрепления отмечены также в 5,5 км к северу – северо-востоку от устья р. Ягельной на объекте «Большая Умыты 125» [Погодин, 2013. Часть 2, кн. 1, рис. 273]. Однако в этом случае вблизи укреплений не было обнаружено массовых поселенческих комплексов. Вместе с тем по размерам и форме укреплений этот объект имеет сходство с малыми городищами восточного варианта иткульской культуры [Зими́на, 2015. С. 137].

В двух районах в низовье р. Большая Умыты сосредоточены укрепленные поселения и фиксируются элементы сооружений в виде впадин и площадок. На наш взгляд, высокая концентрация поселенческих комплексов с керамикой кульминского типа в этих местах неслучайна.

Долина реки Большая Умыты расположена на водно-ледниковой равнине, имеет уникальные ландшафтно-топографические характеристики, дающие ряд преимуществ проживающим на этой территории коллективам. В бассейне этого водотока широко распространены грядово-останцовые массивы различных размеров, разделенные многочисленными ложбинами стока и малыми водотоками. Рельеф поверхностей варьирует от плоского и пологоволнистого до сильно расчлененного волнистого. Поверхности в бассейне р. Большая Умыты сложены слоистыми песками, содержащими большое количество галечника, гравия, залегающего с разной степенью плотности практически повсеместно. Наличие большого количества обломочного материала позволяло найти сырье для изготовления предметов практически в любом месте.

Долина Большой Умыты отделена с востока и северо-востока от долин других водотоков обширной обводненной равниной с густой сетью озер. Единственный грядово-останцовый массив, который соединяет

бассейн Большой Умыты с бассейном Мулымь, проходит вдоль долины р. Малая Умыты, выходя на водораздел рек Олымья и Малая. От устья Малой Умыты в северо-западном направлении пролегает наикратчайший и наименее обводненный путь до оз. Рангетур, входящего в крупнейшую в этом регионе сеть проточных озер. С северо-запада грядово-останцовые массивы рек Лемья и Большая Умыты сближаются, обеспечивая возможность беспрепятственной миграции между бассейнами обоих водотоков.

По всей вероятности, расположив таким образом свои наиболее крупные поселенческие комплексы, кульминские и впоследствии синдейские племена фиксировали наиболее оптимальные транспортные пути того времени, получая контроль над территориями от устья р. Эсс на западе до озер Большого и Малого Окуневых и Сырковского – на востоке. На это указывает большое количество систем ям-ловушек, располагающихся по берегам в бассейнах рек Лемья, Еныя, в среднем течении Мулымь и ее притоков, на водораздельных равнинах. Таким образом, выбрав крупные останцы в устьевой части р. Ягельная и в междуречье рек Малая и Большая Умыты, кульминские и, несколько позже, синдейские коллективы получали контроль не только над транспортными путями, но и над наиболее жизненно важными ресурсами того времени (рис. 23).

Обслуживание подобных охотничьих угодий невозможно без обеспечения промысловиков транспортом. Считаем возможным поставить вопрос о начале формирования скотоводства на этой территории уже в начале раннего железного века в первой половине – середине I тыс. до н. э. и о его дальнейшем развитии и совершенствовании в конце этого тысячелетия.

Наличие скотоводческого компонента в хозяйстве кульминского населения снимает противоречие в частоте обнаружения керамической посуды этого типа и в малой изученности построек, а также в почти полном отсутствии среди находок орудий труда. Большая часть орудий труда, вероятно, изготавливалась из кости (и/или рога?), почти не сохраняющейся в песчаных почвах.

Поскольку «ячейкой жилой среды является жилище» [Викторова, 1989. С. 85], при повышенной сезонной мобильности кульминские племена могли иметь как оборудованные и укрепленные стойбища, так и многочисленные временные и промысловые стоянки. Культурный слой на кульминских стоянках неминуемо будет менее выраженным, чем на стойбищах. Возможно, поэтому культурный слой кульминского этапа раннего железного века является слабо исследованным.

В форме предметов запечатлеваются следы взаимодействия человека с предметным миром, адекватные структуре, свойствам, законам предмета и конкретно-историческим сущностным силам индивида [Викторова, 1989. С. 74].

При подвижном образе жизни перевозка и хранение большого количества орудий труда и утвари становятся проблематичными. Вероятно, посуда изготавливалась в большинстве случаев на очередном временном стойбище или в месте кратковременной стоянки. Отсюда большое количество кульминской посуды, обнаруживаемой и фиксируемой археологами зачастую в неожиданных локациях на многих памятниках. Это также объясняет низкое качество керамического теста, редуцирование и упрощение орнаментальных схем на посуде, универсализацию используемых орнаментов. Напротив, на сезонных и транзитных промысловых поселениях могла храниться посуда, изготовленная из керамического теста более высокого качества. К таковым могли относиться кульминские постройки, зафиксированные на поселении Лемья 19.1. Здесь мы не будем подробно останавливаться на обнаруженных в ходе разведок керамических комплексах. Это тема отдельной публикации. Отметим лишь наличие сосудов, на которых фиксируются признаки, характерные как для кульминских, так и для синдейских древностей, отдельную группу посуды с обедненной орнаментацией, а также несомненное сходство кульминских и синдейских комплексов с посудой с городищ Карагай-Аул-1/Б, Вак-Кур-2Б [Зиминова, 2006].

Как заметила Н. В. Федорова, «принципиально новый, развивающийся во времени способ хозяйства неизбежно должен был привести к значительным изменениям в самых различных сферах деятельности, организации общества, мышления и так далее» [Федорова, Гусев, 2019. С. 20]. Возросшая в раннем железном веке активность коллективов неминуемо должна была отразиться не только на локализации объектов, но и на структуре самого культурного слоя. Как указывает Л. Н. Плеханова, «особенностями культурных слоев является легкий гранулометрический состав, пониженная плотность, морфологическая неоднородность, иногда поднятие капиллярной каймы. Культурный слой характеризуется одновременным увеличением содержания гумуса и фосфора» [Плеханова, 2006. С. 51].

Непосредственно цветность культурного слоя, содержащего глиняную посуду кульминского типа, в большинстве случаев не выражена. Исключение составляет культурный слой, непосредственно связанный с археологическими сооружениями. В этом случае фиксируется отличие в цвете или оттенках цвета насыпных площадок и ям-карьеров, а также меняется структура самого почвенного профиля. Вместе с тем наши наблюдения показывают, что так называемый горизонт обитания, в котором была обнаружена глиняная посуда кульминского типа, устойчиво ассоциируется со следующими характеристиками погребенной древней дневной поверхности (рис. 24, 25):

- цвет темно-серый пятнистый и/или серый, подстилаемый слегка обесцвеченным или сероватым песком;

- темно-коричневый пятнистый затечный горизонт, содержащий включения в виде мелких угольков, с визуальными признаками насыщенности ограникой;

- частым является проявление в виде черной или темно-серой прослойки;

- залегает непосредственно под современным элювиальным горизонтом, на границе элювия и иллювия или внутри толщи современного иллювиального горизонта;

- видоизменение характеров перехода между вмещающими почвенными горизонтами, формирование слегка «замыленных» участков почвенного профиля;

- к сопровождающим и часто фиксируемым явлениям можно отнести наличие в почвенном профиле видоизмененных по цветности и структуре погребенных железистых окисленных горизонтов.

О. А. Анциферова указывает на то, что на осушаемых участках (!) «в профиле почв формируется окислительный геохимический барьер, на котором происходит выпадение преимущественно гидратированных окислов железа из вод и почвенных растворов» [Анциферова, 2013. С. 110].

Осадконакопление на различных участках происходит неравномерно и зависит от множества факторов: характер рельефа, близость или удаленность водоемов или водотоков, особенности гидропромывного режима участка и структуры почвенного профиля, наличие антропогенного воздействия и другие. В связи с этим в ряде случаев отмечено почти полное обесцвечивание погребенной древней дневной поверхности в результате интенсивного оподзоливания почвенного профиля. В этих случаях фиксация погребенных горизонтов становится возможной при наличии археологических предметов и/или по характеру залегания нижележащих видоизмененных почвенных горизонтов.

Выделив вышеописанные характеристики, мы проанализировали стратиграфические колонки шурфов, которые ранее были заложены на различных территориях как в бассейне р. Большая Умытья, так и на других территориях и памятниках, где уже были обнаружены кульминские древности. Не менее чем в 161 шурфе в бассейне р. Большая Умытья были зафиксированы признаки наличия погребенной древней поверхности, которую мы ассоциируем с керамикой кульминского типа (Бол. Умытья 5, ш. 1, 3, 7; Бол. Умытья 6, ш. 3, 4; Бол. Умытья 7, ш. 1; Бол. Умытья 12/а, ш. 3; Бол. Умытья 12/б, ш. 4; Бол. Умытья 13, ш. 1, 4; Бол. Умытья 14б, ш. 6; Бол. Умытья 15, ш. 2; Бол. Умытья 16, ш. 1, 2, 4, 5; Бол. Умытья 17, ш. 1–3; Бол. Умытья 18, ш. 1–3, 5, 6; Бол. Умытья 19, ш. 2; Бол. Умытья 44, ш. 3; Бол. Умытья 47, ш. 1, 3–5; Бол. Умытья 48, ш. 4; Бол. Умытья 49/3, ш. 1; Бол. Умытья 52, ш. 2, 3; Бол. Умытья 53, ш. 2, 4, 5; Бол. Умытья 55, ш. 3, 5; Бол. Умытья 55/г, ш. 3; Бол. Умытья 56, ш. 2; Бол. Умытья 62, ш. 1–4; Бол. Умытья 65, зачистка 1; Бол. Умытья 68, ш. 3; Бол. Умытья 69/1, ш. 1, зачистки 1, 2; Бол. Умытья 69/2, ш. 1; Бол. Умытья 77,

ш. 3; Бол. Умытья 79, ш. 2, 4, 6; Бол. Умытья 81, ш. 3; Бол. Умытья 84, ш. 4; Бол. Умытья 85, ш. 1, 2, 5; Бол. Умытья 86, ш. 4; Бол. Умытья 88, ш. 4; Бол. Умытья 89/1, ш. 1; Бол. Умытья 89/а, ш. 1; Бол. Умытья 90, ш. 2–5; Бол. Умытья 91, ш. 2–4; Бол. Умытья 97, ш. 1, 2; Бол. Умытья 98, ш. 1; Бол. Умытья 101, ш. 3; Бол. Умытья 102, ш. 3; Бол. Умытья 103, ш. 3; Бол. Умытья 106, ш. 1, 2; Бол. Умытья 107, ш. 2; Бол. Умытья 108, ш. 2, 3; Бол. Умытья 111, ш. 1, 2, 5; Бол. Умытья 112, ш. 4–6; Бол. Умытья 113, ш. 1, 2, 4; Бол. Умытья 116, ш. 1, 2, 4; Бол. Умытья 117, ш. 3, 6; Бол. Умытья 118, ш. 1, 2; Бол. Умытья 119, ш. 2; Бол. Умытья 124, ш. 1; Бол. Умытья 126, ш. 4; Бол. Умытья 127, ш. 1, ш. 2; Бол. Умытья 137, ш. 2; Бол. Умытья 140, ш. 1; Бол. Умытья 147, ш. 1, 2; Бол. Умытья 149, ш. 12, 14; Бол. Умытья 150, ш. 1–7; Вершина 5, ш. 1, 2; ш. 2019–001–2019–004, 2019–008, 2019–013, 2019–023, 2019–025, 2019–036, 2019–039, 2019–101, 2019–102, 2019–106, 2019–107, 2019–108, 2019–112, 2019–109, 2019–114, 2019–115, 2019–117, 2019–118, 2019–120, 2019–121, 2019–122, 2019–202, 2019–203, 2019–204, 2019–205, 2019–215, Г22145, Г22148, Г22151, Г22152, Г22154, Г22158–Г22160, Г22163, Г22166–Г22168, Г23060, К24109, К24110). Аналогичная погребенная поверхность отмечена и на других памятниках в бассейне р. Конда: стоянки Геологическое 8, 9, Геологическое 11, поселение Турсунт 2, стоянка Турсунт 3, селище Индра 3, поселения Малая 2, Малая 3, Толум 3, Попуя 2, Урайчик 6–8, Потанахское 1, 2, 4, 5, городище Потанахское 3 и другие [Погодин, 2012, 2013; Данилов, 2019, 2020а, 2020б; Цеменков, 2019; Трунова, 2014; Неугодникова, 2023; Гнатив, 2014, 2022, 2023а, 2023б; Круземент, 2025].

Таким образом, можно утверждать, что погребенная древняя поверхность, обладающая описанными выше характеристиками, имеющая в некоторых случаях признаки неоднородности и частичного перемешивания с нижележащим горизонтом, – явление хоть и не повсеместное, но достаточно распространенное по берегам водотоков в Кондинской низменности.

Погребенный древний напочвенный горизонт, подстилающий обесцвеченный горизонт обитания, в большинстве случаев не содержащий археологические предметы, не может быть ассоциирован с естественными природными процессами, поскольку зафиксирован на генетически разнородных поверхностях. Мы осознаем, что на некоторых локальных участках погребенные поверхности могли сформироваться в результате таких явлений, как естественный вывал леса. Однако в этом случае в почвенном профиле фиксируются специфические нарушения в виде ветровальных почвенных комплексов (ВПК) [Лойко, Кузьмина и др., 2022]. В ряде изученных нами почвенных колонок фиксируются ВПК. Однако в этих случаях почвенная колонка претерпевает изменения, а описанная погребенная древняя поверхность имеет характерные деформации и отдельные, не подвергшиеся турбации участки. На формирование изученных нами почвен-

ных профилей и их характерных элементов ВПК решающего влияния не оказали. Шурфы с полностью турбированными верхними почвенными горизонтами не учитывались в приведенном выше списке.

Отметим также, что археологами не были допущены методические ошибки при проведении работ. С нашей точки зрения, генезис описанных погребенных древних поверхностей, ассоциируемых нами со временем, синхронным населению, оставившему после себя археологические предметы кульминского и, возможно, синдейского типов (то есть в I тыс. до н. э.), связан с начавшимся на этой территории широким выпасом домашнего скота. Наличие подобного древнего напочвенного горизонта не является явным признаком культурного слоя, но указывает на природопреобразующую деятельность человека.

При этом местами отмечается меньшая степень однородности и большая мощность горизонта обитания и напочвенного горизонта. В других местах погребенный напочвенный горизонт лишь угадывается по вышележащим и нижележащим горизонтам. На наш взгляд, мощность и степень однородности, характер перехода между горизонтами могут отражать интенсивность выпаса на каждом из участков. В ряде шурфов мы отметили характер деформации верхних почвенных горизонтов в результате выпаса скота в настоящее время (рис. 26; см. шурфы № Г22066, Г22067, Г22068, Г22069, Г23039, Г23040, Г23045, Г23046, Г23047) [Гнатив, 2023а. Том 7, рис. 39, 50, 61, 74, 86; Гнатив, 2023б. Том 6, рис. 584, 598, 639, 650].

Скотоводство неминуемо должно было революционизировать охотничий промысел в исследуемом регионе, поскольку высокая степень мобильностикратно повышала эффективность обслуживания системами-ловушек. Также отмечено наличие кульминских сосудов вблизи памятников, имеющих морфологическое сходство с ловчими ямами (местонахождение Лемья 34/1, группа ловчих ям Лемья 34/2, поселение Малая 10) [Гнатив, 2014, рис. 317, 318; Неугодникова, 2023].

Н. В. Федорова, А. В. Гусев связывают с появлением на Севере скотоводства в варианте транспортного оленеводства усложнение межплеменных отношений, развившееся в формировании противоречий между кочевниками и оседлыми, усилении военизации жизни, строительстве укрепленных поселений [Федорова, Гусев, 2019. С. 200]. И этот компонент был зафиксирован археологами на нескольких памятниках археологии с кульминскими и синдейскими древностями.

В результате проведенных археологических разведок в низовье р. Большая Умытья было установлено, что ранее выявленные А. Е. Цеменковым укрепленные поселения и городища в приустьевой части р. Малая Умытья и на останце вблизи р. Ягельной содержат археологические предметы кульминского и синдейского облика. Кроме того, в процессе работ были выявлены

и обследованы также объекты раннего железного века, сведения о которых в научной литературе и отчетной документации отсутствовали. Многочисленность обнаруженных комплексов позволила разработать предварительную классификацию кульминско-синдейских сооружений и укреплений (рис. 27).

Наиболее простыми и, вероятно, достаточно распространенными постройками в I тыс. до н. э. были легкие насыпные наземные постройки в виде площадок небольших размеров – от $5,4 \times 3,4$ до $7,5 \times 3,5$ м [Погодин, 2002. С. 32–52; Клементьева, 2012. С. 33; Погодин, Чемякин, 2019. С. 42–44]. В ходе разведок также были получены данные, указывающие, что наиболее характерным типом кульминских построек были насыпные площадки, размерами от 4 до 5 м с углублением в центральной части, с высотой насыпи от нескольких сантиметров до 0,15 м. По периметру расположена канавка или ямы для формирования насыпи. В современном рельефе такие постройки фиксируются по слабовыраженному углублению. Шурфовкой выявляется непосредственно насыпь площадки, содержащая археологические предметы, а также прилегающий к площадке слабовыраженный участок погребенной древней поверхности (рис. 27) [Гнатив, 2023а. Том 14, рис. 2837].

Более сложным вариантом построек мы считаем насыпные площадки, окруженные или внешне частично огороженные валообразной насыпью. Такие сооружения обнаружены, например, на территории объектов археологического наследия «Местонахождение Ягельное 2», «Поселение Ягельное 4», «Поселение Ягельное 10», «Группа впадин Ягельное 12», «Поселение Ягельное 23» [Гнатив, 2023а. Том 13, рис. 2584, 2638; том 14, рис. 2745, 2814; том 15, рис. 3163; Круземент, 2025].

Еще более крупные вытянутые двухсегментные насыпи-укрепления с многочисленными внешними ямами были зафиксированы Е. А. Даниловым на территории памятника «Городище Малая Умытья 16/7». Непосредственно на насыпи исследователем зафиксированы остатки слабовыраженных насыпных площадок. В форме насыпи угадывается пятиугольная в плане фигура. Возможно, аналогичные укрепления, но без выраженного разделения на секции и по форме, близкой к прямоугольной, с намечающейся планировкой построек, отмечены на памятнике «Городище Малая Умытья 16/6». [Данилов, 2019а. Кн. 4, рис. 452, 464]. Также были отмечены укрепленные поселения подобного типа шестиугольной и трапециевидной в плане формы на объектах «Городище Ягельное 7», «Укрепленное поселение Ягельное 25» [Цеменков, 1996. Том 2, рис. 167; Гнатив, 2023а. Том 13, рис. 2688; том 15, рис. 3196; Круземент, 2025]. На этих укреплениях фиксируется слабовыраженный вал. Причем на втором памятнике обнаружены уже более совершенные укрепления в виде эскарпированных участков по бровке

ложбины, а вдоль внешней подошвы вала – многочисленные ямы и канавы. Вероятно, дальнейшим развитием этой модели оборонительных сооружений является так называемый детинец второго объекта археологического наследия «Большая Умытья 125». В плане фигура, которую представляет собой городище, становится более выпуклой. Укрепления на этом объекте слегка более массивные, гребень вала плосковершинный, ров представлен удлиненными канавками и ямами, с фиксируемым с внешней стороны углублением квадратной в плане формы, напоминающим башню [Погодин, 2013. Кн. 1, часть 2, рис. 274]. Возможно, к этому же типу относилось и городище Сатыга 17, большая часть которого была разрушена в результате естественных эрозионных процессов [Погодин, 2002; Погодин, 2022].

Особый интерес представляют полноценные двухплощадные городища. К этому типу можно отнести следующие объекты: городища Малая Умытья 16/5 (Малая Умытья 16/д), Малая Умытья 16/3 (Малая Умытья 16/в), Ягельное 5. На последних двух объектах была обнаружена керамическая посуда синдейского типа [Цеменков, 1996. Том 2, рис. 56, 57, рис. 167; Данилов, 2019. Кн. 4, рис. 411, 424, 426–429, 441]. При этом замечено увеличение высоты вала, глубины рва, а на городище Ягельное 5 зафиксировано также менее выраженное ответвление вала, направленное перпендикулярно к длинной оси городища, в сторону бровки останца террасы. Кроме того, гребень вала городища Ягельное 5 уже не островершинный, а плосковершинный [Гнатив, 2022. Том 13, рис. 2655, 2674].

Дальнейшее развитие укреплений может быть связано с появлением и окончательным оформлением городищ с бастиянами. Такие укрепления фиксируются на городищах Малая Умытья 16/4 (Малая Умытья 16г), Ягельное 8, Большая Умытья 22 (Югорское 22), Потанаское 3, а также на детинце 1 объекта археологического наследия «Большая Умытья 125». Вторая площадка на городищах этого типа отсутствует [Старков, 1994. Том 2, рис. 31–33; Цеменков, 1996. Том 2, рис. 56, 167; Данилов, 2019. Кн. 4, рис. 673; Гнатив, 2023а. Том 13, рис. 2701; Круземент, 2025; Погодин, 2013. Кн. 1, часть 2, рис. 274].

Наконец, финальным для кульминско-синдейских древностей типом в развитии фортификаций последней трети I тыс. до н. э. стало появление крепостей, оборудованных на возвышенностях, господствующих над окружающей местностью (рис. 28). Такие крепости возводились на обрывистом берегу реки (городище Малая Умытья 16/2 (Малая Умытья 16б), на возвышениях-останцах (городища Ягельное 3, Ягельное 11), на мысу, ограниченном крутым склоном останца и ложбиной (городище Ягельное 6) [Цеменков, том 2, рис. 57, 163, 167, 170; Данилов, 2019. Том 2, рис. 399; Гнатив, 2022. рис. 2621, 2675, 2794]. К этому же типу, вероятно, можно отнести располагающееся на мысу с отвесными

скатами городище-святилище Большая Умытъя 30/7 (Большая Умытъя 36, Югорское 36), на площадке которого под руководством С. Ф. Кокшарова были изучены жилища с находками синдейского типа [Старков, 1994; Кокшаров, 2005. С. 33–44, 141–143, 2006. С. 30, 31, 170; Гнатив, 2023б. Том 9, рис. 1433]. Городища, относящиеся к этому типу, по нашему мнению, соотносятся со временем бытования синдейских древностей и указывают на военизацию общества и усиливающуюся конкуренцию за ресурсы и стратегически важную территорию в данном регионе.

Кулайские городища, имеющие регулярную планировку и более массивную систему фортификационных укреплений, знаменуют собой переход от крепостей к полноценным городкам эпохи раннего железа. Рядовые же постройки по-прежнему представляют собой насыпные площадки с часто сохраняющимися археологизированными остатками конструкций. Локализация объектов – почти идентичная с кульминскими и синдейскими площадками и укреплениями. Например, кулайский сосуд, залежавший, вероятно, в углу насыпной площадки, был найден в шурфе № Г22157 в окружении кульминских и синдейских объектов [Гнатив, 2023а. Том 14, рис. 2878, 2894, 2948, 2949].

Знаменателен тот факт, что лишь в одном случае было отмечено выравнивание площадки городища (детинец 2, Большая Умытъя 125) [Погодин, Кн. 1, часть 2, рис. 274]. Более того, в дальнейшем в Кондинской низменности получает развитие строительство укреплений, с максимальной эффективностью вписанных в естественный природный ландшафт. Таковы, например, городища Варын-Тор 6 и Марьяна Гора 1, 3, располагающиеся на грядобразующих возвышениях, ограниченные ложбинами и очень крутыми скатами. На городищах Марьяна Гора 1, 3, на первом из которых была собрана керамическая посуда ярсалинского типа [Погодин, 1993. С. 45, 46, 48, рис. 80–82, 86], также отмечается интересное наблюдение. Выше по течению реки Большая Учинья, в правобережье этого водотока, располагается крупный останец, сформированный гранузами [Ершов, 2021]. Очертания этого останца зафиксированы в результате шурфовки (в шурфах 20Т-080, 20Т-083, 20Т-117, 20Т-119). Вероятно, не случайно также обнаружение развала кульминского сосуда в шурфе 20Т-085 на поселении Большая Учинья 27, расположенного вблизи месторождения [Турянский, 2023. Том 9, рис. 1331, 1337, 1391, 1561, 1582]. О металлургических опытах с местной рудой свидетельствует широкое распространение отходов производства на многих памятниках по берегам р. Большая Учинья. Несомненно, для подтверждения наличия взаимосвязи между металлургическим производством и местной рудой необходимо проведение дополнительных исследований.

Вблизи городища Ягельное 5 нами был выявлен пока что до конца не осмысленный и не понятый объект, получивший предварительное наименование «Кораль Ягельное 26» (рис. 29). Объект представляет собой слабо выраженное возмущение рельефа пологой склоновой поверхности останца в виде ребер, ограничивающих территорию площадью не менее 3500 кв. м [Гнатив, 2023а. Том 4, с. 195–204; том 15, рис. 3206]. Нами были проведены предварительные работы по фиксации этого объекта археологического наследия. В процессе проведения работ было установлено, что в радиусе 650–700 м от этого объекта при проведении шурфовки и при сборе с поверхности археологических предметов были обнаружены только артефакты, датированные эпохой раннего железа в пределах второй и третьей третей I тыс. до н. э.

Поскольку сооружений подобных размеров и форм на данной территории не встречается, археологические предметы в шурфах и на поверхности не были обнаружены, а характер культурного слоя заметно отличался от зафиксированного в шурфах на территории других объектов археологического наследия, было выдвинуто предположение о возможном хозяйственном назначении этого объекта. Гипотеза состоит в том, что описываемая территория является археологизированными остатками загона для животных. Для проверки гипотезы из шурфа № Г22170, расположенного вблизи границы предполагаемого загона, были собраны образцы почв для проведения анализа согласно ГОСТ 54650-2011 «Почвы. Определение подвижных соединений фосфора и калия по методу Кирсанова в модификации ЦИНАО». Как указывает Л. Н. Плеханова, «при минерализации поступившего в почву органического вещества фосфор закрепляется в виде трудно растворимых фосфатов кальция, сохраняющихся сотни и тысячи лет. Формируются аномальные зоны или слои концентрации этого элемента» [Плеханова, 2006. С. 58].

Проба А была отобрана в южной части восточной стенки шурфа, на глубине 0,20–0,34 м от уровня современной дневной поверхности. Проба Б была отобрана в центральной части южной стенки шурфа, на глубине 0,14–0,26 м от уровня современной дневной поверхности. Проба В была отобрана в северной части восточной стенки шурфа, на глубине 0,40–0,52 м от уровня современной дневной поверхности. Для получения фоновой пробы почвы был выполнен технический шурф № Г22171, в стенках которого не было выявлено признаков наличия культурного слоя, а стратиграфическая колонка характеризовалась как естественная с признаками незначительных фитотурбаций. Проба Г была отобрана в северной стенке шурфа из иллювиального горизонта, на глубине 0,18–0,31 м.

В кратком виде полученные результаты приведены в табл. 1. В пробе А было выявлено среднее содержание подвижного фосфора, в пробе Б – высокое, в пробах В и Г – низкое.

О важной диагностической роли содержания фосфора в культурных слоях подзолистых почв писали Г. И. Махонина, И. Н. Коркина. В частности, исследователи отмечали аномальный уровень содержания фосфатов в культурном слое. В пределах жилища эпохи Средневековья этот показатель составлял 40–90 млн-1 [Махонина, Коркина, 2002. С. 73]. В пробах А и Б, полученных в результате работ 2022 г., уровень содержания подвижного фосфора превышает этот показатель. Причем, в пробе Б уровень содержания подвижного фосфора почти вдвое превышает максимальные значения, приведенные Г. И. Махониной, И. Н. Коркиной. Напротив, низкое содержание подвижного фосфора в пробе В (на уровне фоновой пробы) показательно, поскольку она отобрана из турбированного горизонта, располагавшегося за пределами предполагаемого загона. Расположение объекта культурного наследия на склоновой поверхности, его размеры и характер культурного слоя позволяют предварительно интерпретировать территорию как загон для домашних животных [Гнатив, 2023а. С. 195–202]. Мы планируем продолжить исследование на этом памятнике с целью сбора объективных доказательств наличия скотоводческого компонента в структуре хозяйства населения, обитавшего здесь в эпоху раннего железного века.

В 2024 г. на предполагаемых участках границы территории объекта археологического наследия «Поселение Ягельное 24» были заложены шурфы № К24109, К24110, в которых непосредственные признаки культурного слоя не были зафиксированы. Вместе с тем в обоих шурфах отмечено наличие погребенного древнего напочвенного горизонта, описанного выше. Проба К24109 была отобрана на глубине 0,12–0,27 м от уровня современной дневной поверхности, в горизонтах с признаками фитотурбаций (образец массой 3 кг). Проба К24110 отобрана на глубине от 0,11–0,23 м от уровня современной дневной поверхности, в иллювирированном горизонте с признаками фитотурбаций и пирогенного воздействия (образец массой 1,5 кг) [Круземент, 2025]. В первом случае мы наблюдали показатель фосфора на уровне фонового значения, во втором – несколько повышенный относительно фонового показателя (табл. 1). В данном случае мы интерпретируем повышенные значения фосфора как результат пирогенного воздействия.

С кулайскими и синдейскими древностями эпохи раннего железа могут быть соотнесены полученные в 2022 и 2023 гг. радиоуглеродные даты. В первом случае на памятнике «Поселение Ильичевка 2» в шурфе № Г22065 на глубине 0,30 м от уровня современной дневной поверхности были зафиксированы углистые элементы конструкций. При этом на глубине от 0,16 до 0,23 м в слое темно-серого песка были обнаружены предметы, датированные нами ранним Средневековьем. Для датировки археологических конструкций с глубины 0,30 м был взят образец обугленной

конструкции. Полученная дата – 99 год н. э., с нашей точки зрения, нерелевантна обнаруженным в шурфе археологическим предметам. Однако анализ характера залегания культурного слоя, ассоциируемого с предметами эпохи раннего Средневековья, показывает, что археологическая конструкция, из которой был взят образец угля, залегала ниже – в желто-коричневом иллювирированном песке. В соседнем шурфе № Г22067 в заполнении ямы, расположенной в углу насыпной площадки, были обнаружены фрагменты керамической посуды эпохи раннего железа. Полученная дата может быть с осторожностью ассоциирована именно с этой посудой (рис. 30) [Гнатив, 2023а. Том 7, рис. 39, 61, 90].

Еще одна радиоуглеродная дата была получена в шурфе № Г23070 на памятнике «Поселение Большая Умытья 30/6 (Большая Умытья 35, Югорское 35)», заложеном в 13,3 м к северу от внешней подошвы вала «Городища-святилища Большая Умытья 30/7 (Большая Умытья 36, Югорское 36)». Образец был получен из углистой прослойки погребенного древнего напочвенного горизонта, подстилающего археологическое сооружение (рис. 31), зафиксированное на глубине 0,40 м от уровня современной дневной поверхности (уровень консервации шурфа). Полученная дата 399–342 гг. до н. э. с вероятностью 33,1 %, 321–201 гг. до н. э. с вероятностью 62,4 % может быть соотнесена с обнаруженной в заполнении котлована жилища глиняной посудой (рис. 32). По нашему мнению, эта посуда с обедненной орнаментацией может быть соотнесена с синдейской культурой, находит также аналогии в посуде с селища Вак-Кур-2 [Чемякин, 2024; Зимина, Мыльников, 2006]. Исключение составляет орнаментированный гребенчатым штампом фрагмент венчика, который, вероятно, относится к более ранней постройке эпохи ранней бронзы, разрушенной или поврежденной жилищем эпохи раннего железа. Наши данные в целом соотносятся со стратиграфическими наблюдениями С. Ф. Кокшарова и полученными в результате раскопок археологическими предметами [Кокшаров, 2006. С. 54–56; Кокшаров, 2007. С. 45, 46]. На горизонте консервации были также собраны два образца почвенных проб для определения уровня содержания подвижного фосфора. Проба Г23070А была отобрана из культурного слоя (образец массой 1,8 кг), проба Г23070Б была отобрана из погребенного древнего элювиального горизонта; образец массой 1,9 кг. Для получения образца почвы с фоновым содержанием подвижных соединений фосфора и калия был заложен шурф № Г23071. Результаты испытаний приведены в табл. 1. Обращают на себя чрезвычайно высокие показатели содержания фосфора в пробах 23070А, 23070Б. В данном случае решающее значение оказывает близость к месту шурфовки городища-святилища. Тем не менее считаем показательными полученные результаты. Во-первых, очевидно, что

многократное превышение нормы по уровню содержания фосфора в культурном слое шурфа, расположенного в непосредственной близости от действовавшего до XX в. мансийского святилища, указывает на адекватное отражение в этом показателе почвы

той среды, в которой она формировалась [Плеханова, 2006. С. 59]. Во-вторых, высокое содержание фосфора в подстилающих культурный слой горизонтах также указывает на деградацию почвы и ландшафта в результате антропогенного воздействия.

Таблица .

Результаты испытаний по ГОСТ Р 54650-2011 – Почвы. Определение подвижных соединений фосфора и калия по методу Кирсанова в модификации ЦИНАО

Table 1. Test results according to GOST R 54650-2011 – Soils. Determination of mobile compounds of phosphorus and potassium by Chiricov method modified by CINAО

Наименование пробы	Наименование показателя	Единицы измерения	Результат испытаний	Погрешность
2022. Проба А	Фосфор (подвижная форма)	Млн-1	96	± 19
2022. Проба Б	Фосфор (подвижная форма)	Млн-1	177	± 35
2022. Проба В	Фосфор (подвижная форма)	Млн-1	33	± 7
2022. Проба Г	Фосфор (подвижная форма)	Млн-1	34	± 7
2024. 24109	Фосфор (подвижная форма)	Млн-1	37	± 7
2024. 24110	Фосфор (подвижная форма)	Млн-1	68	± 14
2023. 23070А	Фосфор (подвижная форма)	Млн-1	492	± 98
2023. 23070Б	Фосфор (подвижная форма)	Млн-1	206	± 41
2023. 23071В	Фосфор (подвижная форма)	Млн-1	26	± 9

Стоит также отметить ряд обследованных нами урочищ, отмеченный поселениями и стоянками людей от эпохи неолита до периода Нового времени. К таковым урочищам мы относим следующие памятники: поселения Никулкино 1, поселение Ушенья 4, святилище Чертова Гора, а также, по сути, ансамбль из трех памятников – поселения Новая Белая Гора, Новая Белая Гора 1, 2. К этой же группе можно отнести поселение Пашкин Бор 5, поселение Большая Умытъя 28/1 (Югорское 28), на которых были обнаружены древности всех эпох, кроме эпохи раннего железа. На таких памятниках были отмечены интересные находки. В частности, на поселении Новая Белая Гора был обнаружен фрагмент антропоморфной глиняной фигурки (рис. 33 – 1). По форме изделие представляет собой вогнутый глиняный диск, расширяющийся в нижней части так, чтобы фигурка могла стоять на этом основании вертикально, имитируя сидящего персонажа. Предмет представляет собой хорошо обожженное керамическое изделие коричневого цвета из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка. Размеры: 3,9 × 3,7 × 1,7 см. Декор представлен линиями наколов, нанесенных острым тонким стержнем на фронтальной

стороне. Эти линии образуют схематичное изображение человека: в верхней части фигурки – пустой овал лица, в средней и нижней части – вертикальные волнистые линии, имитирующие объемную, многослойную одежду. Тыльная сторона, судя по части сохранившейся поверхности, не декорирована, а сглажена. Данную фигурку можно отнести к средневековой глиняной мелкой пластике Западной Сибири (X–XIII вв. н. э. [Мошинская, 1959; Терехова, Широков, 1986; Приступа, 2008; Ломов и др., 2019; Чемякин, 2008; Зыков, Кокшаров, 2001; Соболевникова, Кузина, 2019; Чикунова, 2014; Кокшаров, Зыков, Яковлева, 2024]).

На поселении Новая Белая Гора 2 был найден фрагмент фигурки, изображающей голову медведя. Изображение реалистичное, голова с выпуклым лбом, продолговатой мордой, с выделенными скулами, подчеркнутым изгибом линии нижней челюсти. Пасть хищника закрыта, линия рта показана в виде неглубокой прочерченной линии, нос уплощен, глаза и ноздри показаны неглубокими ямками. Ухо фигурки сохранилось лишь одно, выполнено в форме небольшой усеченной пирамидки с треугольным основанием. Керамическое тесто плотное, с примесью песка и шамота,

светло-коричневого цвета. Размеры: $2,6 \times 1,7 \times 1,8$ см. Аналогичные фигурки, изображающие голову медведя, были найдены на объектах «Городище Старокатышское», «Поселение Сырой Аган 1» [Расторопов, 2014. С. 253; Кокшаров, 2014. С. 79]. Во всех трех случаях отмечаются реалистичность и сходство фигурок. Вместе с тем имеются и отличия. Голова медведя с городища Старокатышского изображена с открытой пастью, а уши лишь намечены. Напротив, на двух других фигурках уши акцентировано показаны широко расставленными. С. Ф. Кокшаров указывает на сходство фигурки со скульптурами голов на поселении позднего бронзового века Лучкино I [Кокшаров, 2014. С. 89]. Скульптура головы медведя с поселения Новая Белая Гора 2 найдена в канаве лесозащитной полосы вместе с отщепом и фрагментом керамической посуды эпохи поздней бронзы. Также отмечено, что в этом же месте были собраны фрагменты керамической посуды эпохи поздней бронзы Н. Е. Труновой в 2013 г. [Трунова, 2013. С. 53, 283].

Заключение. Общие итоги исследования. Результаты проведенных исследований имеют три основных направления применения – практическое, информационное, научное.

Практическое применение проявляется в верификации и актуализации сведений о ранее выявленных объектах археологического наследия, выявлении предмета охраны, определении их технического состояния и установлении границ территорий. В частности, было установлено, что большинство обследованных объектов археологического наследия испытывали в недавнем прошлом или испытывают в настоящее время техногенную либо антропогенную нагрузку. Так, в бассейне р. Конда на многих памятниках археологии культурный слой видоизменен, лишен некоторых значимых характеристик, турбирован или перемещен в результате природных процессов, селитбы, техногенной эксплуатации, разграбления. Стоит отметить, что грабительские ямы и грабительские раскопы составляют относительно небольшую часть повреждений как по площади, так и по глубине. Вместе с тем в ряде случаев в результате грабительских действий разрушается предметно-контекстная целостность объекта и происходит резкое снижение его познавательного потенциала.

Значительный ущерб культурному слою памятников археологии наносят каналы лесозащитных полос (ЛЗП). Прокладка и обновление таких канав до сих пор производится без учета информации о местоположении объектов археологического наследия. Например, на территории поселений Новая Белая Гора, Новая Белая Гора 2 углубление и расширение канавы ЛЗП вдоль бровки террасы продолжают уже не менее 40 лет. На территории поселения Деревенское 1 было разрушено сооружение 1, на территории поселения Деревенское 4 – повреждено сооружение 4 и т. д.

Значителен урон, наносимый объектам археологического наследия в результате промышленного и хозяйственного освоения территории. Например, в результате расширения существующего коридора коммуникаций полностью было разрушено поселение Новый Катыш 4/6, в значительной мере повреждены коммуникациями поселения Попуя 3, Деревенское 7, Деревенское 8, местонахождение Шамполинское 1 и другие.

Наибольший ущерб в результате грабительских раскопок был нанесен следующим объектам археологического наследия: поселение Большая Умытья 28/1 (Югорское 28), могильник Большая Умытья 28/2 (Югорское 28), городище Марына Гора 1, городище-святилище Большая Умытья 30/7 (Большая Умытья 36, Югорское 36) поселение Пашкин Бор 5, ансамбль Ягельное. Отдельной публикации заслуживают находки, собранные на разрушенных и поврежденных грабителями участках этих памятников. Стоит только догадываться, какие артефакты уже безвозвратно утрачены.

В этой связи считаем необходимым поставить вопрос об усилении мер противодействия преступлениям в области охраны объектов культурного наследия. На наш взгляд, необходимо производить внеплановый мониторинг состояния объектов археологического наследия, устанавливать информационные знаки и фотоловушка для фотовидеофиксации противоправных действий граждан и организаций, а на законодательном уровне определить и установить понятия о размере ущерба, нанесенного в результате повреждения или разрушения культурного слоя на территории объекта археологического наследия. Также считаем необходимым поставить вопрос о целевых программах для финансирования специальных исследований, направленных на выявление и углубленное исследование объектов археологического наследия, определение их технического состояния и установление границ их территорий.

Обращаем также внимание на дисбаланс в огромном количестве выявленных объектов культурного наследия на территориях Советского (796 объектов) и Кондинского (1387 объектов) районов ХМАО-Югры и в полном отсутствии внесенных в Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации, достопримечательных мест в границах этих административных районов. Считаем необходимым поставить вопрос о разработке проектов достопримечательных мест на территории этих районов. Первым достопримечательным местом могла бы стать уникальная территория в низовьях р. Большая Умытья, включающая ряд поселений, укреплений и городищ эпохи раннего железного века. Это было бы особенно актуально в свете полученных нами сведений о вероятном наличии в структуре хозяйства кулминского и синдейского населения скотоводческого

компонента. Программа разработки проектов достопримечательных мест в Советском и Кондинском районах могла бы явиться основой для формирования среди населения нетерпимого отношения к лицам и организациям, повреждающим и разрушающим объекты археологического наследия, и, напротив, для развития бережного отношения к историко-культурному наследию, популяризации истории, краеведения.

Информационное направление результатов проведенных работ проявляется в пополнении источников базы о местоположении, датировке, особенностях топографии памятников, геометрических параметрах визуально фиксируемых сооружений, характере залегания естественных и нарушенных почвенных горизонтов, особенностей культурных напластований и т. д. Собранный массив информации представляет собой уникальный источник для проведения исследований.

Научное направление применения результатов полученных полевых исследований заключается в анализе и синтезе этой информации.

Основные выводы. Можно обозначить магистральные тенденции, которые мы отметили при проведении исследования. К эпохе неолита бассейн р. Конда представлял обводненную сеть озер, соединенных между собой протоками. Речные бассейны также были значительно более полноводными. Места для построек выбирались с таким расчетом, чтобы обеспечить максимальную эффективность озерного охотничье-рыболовного промысла. В эпоху энеолита отмечается постепенное изменение топографии размещения жилых построек. Широкое распространение получает тенденция гармоничного вписывания жилищ в окружающий ландшафт. В эпоху ранней бронзы происходит трансгрессия водоемов, подтолкнувшая коллективы к смене парадигмы домостроительства. Вместе с тем топография памятников указывает на неизменность характера хозяйственных занятий проживавших в Кондинской низменности коллективов. В поздней бронзе происходит изменение природных условий в сторону значительного похолодания и снижения уровня воды в озерах вплоть до полного заболачивания многих сетей проток. Ответом на этот вызов стало широкое распространение построек в поймах водотоков. В начале эпохи раннего железа происходят еще более серьезные изменения климатических условий, поставившие под угрозу саму возможность ведения охотничье-рыболовного хозяйства в том виде, в котором оно существовало в предыдущие эпохи. В Кондинской низменности появляются более мобильные коллективы, распространение получает принципиально новый для этой территории тип комплексного хозяйства, включающий скотоводство. Кратно возрастает эффективность охотничьего промысла. В конце первого тысячелетия, вероятно, возрастает конкуренция и борьба за ограниченные ресурсы между военизированными коллективами на этой территории.

На основании проведенных исследований можно выдвинуть следующие предположения:

- в структуре хозяйства кульминских и синдейских коллективов присутствовал скотоводческий компонент;

- генезис кульминских и синдейских древностей может быть связан с миграциями населения из Притоболья и Приишимья. Это предположение основано на сходстве керамических комплексов (что мы планируем показать в следующих работах), построек (насыпных площадок) и укреплений [Зими́на, 2015. С. 137], особенностях локализации объектов. Обращает на себя внимание временная синхронность появления кульминских древностей в долинах рек Тавда и Конда и постепенного угасания древностей восточного варианта иткульской культуры в VII–VI веках до н. э. [Зах, 2012. С. 22–24];

- кульминские и синдейские древности взаимосвязаны и на определенном этапе могут являться составляющими одной двухкомпонентной культуры. Это предположение основано на обнаружении кульминских и синдейских древностей на одних памятниках, наличии своеобразного типа двухплощадных городищ, на которых были найдены древности обоих типов. Обращаем также внимание на аналогичный феномен размещения древностей различных типов на разных площадках городища, который был зафиксирован на памятнике «Городище Карагай-Аул 1», расположенном в Нижнем Притоболье [Зими́на, 2005]. Традицию двухплощадных городищ в Притоболье продолжает также памятник Вак-Кур 2 [Зах, 2012. С. 23].

Постановка задач дальнейших исследований. Дальнейшие исследования могут производиться по нескольким направлениям. Первое из них связано с углубленным изучением древностей эпохи раннего железа как в бассейне р. Большая Умы́тья, так и на других участках. В первую очередь необходимо продолжить изучение культурного слоя предполагаемого загона для домашних животных в устьевой части р. Ягельная. Для этого предстоит датировать этот объект, собрать пробы для проведения археопаразитологических, палинологических исследований, продолжить изучение уровня содержания фосфора на различных участках культурного слоя памятника. Также предстоит выяснить, является ли объект уникальным или можно проследить серийность подобных памятников на близлежащих и отдаленных территориях. Для выяснения структуры поселенческих и промысловых комплексов, связанных с кульминскими и синдейскими древностями, необходимо продолжить разведочные исследования в низовьях рек Малая и Большая Умы́тья. Мы предполагаем, что определенные результаты может дать шурфовка на заболоченных участках мысов и на периферийных участках поселений.

Параллельное направление исследований – анализ и классификация вещевого комплекса кульмин-

ских и синдейских памятников с подтверждением или опровержением гипотезы о близости к ним карагай-аульских и вак-куровских древностей [Зах, 2012. С. 23, 24].

Отдельными темами исследований могут стать верификация гипотезы о транспортно-промысловых маршрутах эпохи раннего железа и установление корреляции между локализацией и типизацией промысловых сооружений и их культурно-хронологической принадлежностью.

Перспективным направлением исследований представляется дальнейшее картографирование и типизация обследованных памятников археологии. На следующем этапе исследований следует обратить внимание на взаимосвязь археологических сооружений со стадиями развития форм рельефа с последующим моделированием и реконструкцией элементов палеоландшафта.

Перспективы научных разработок в данном направлении. В ходе проведения научно-иссле-

тельской работы по обследованию технического состояния и установлению границ территорий объектов археологического наследия, расположенных в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, был собран значительный массив информации, требующий дальнейшего осмысления и научной обработки. Ни одно поколение археологов, работавших на территории ХМАО-Югры, до настоящего времени не обладало подобным объемом информации. В этой статье мы показали лишь одно из возможных направлений анализа и изучения результатов работ по обследованию технического состояния и установлению границ территорий объектов археологического наследия. В данном случае можно утверждать, что количество обследованных памятников позволяет качественно менять подход к их изучению, получать динамическую картину развития культурных образований в разные эпохи и наметить направления их миграций и характер взаимодействия.

Источники

Акт государственной историко-культурной экспертизы № 27 от 20. 08. 1997 / Ответственный исполнитель С. А. Терёхин. Научно-производственный архив АУ ХМАО-Югры «ЦОКН». Д. 1089. Инв. № 623.

Акт государственной историко-культурной экспертизы № 51 от 16.02.1998 / Ответственный исполнитель А. Н. Кондрашев. Научно-производственный архив АУ ХМАО-Югры «ЦОКН». Д. 181. Инв. № 1072.

Арапов В. А. Отчет о разведке в Кондинском районе Тюменской области студента 2 курса исторического факультета Арапова В. А. Тобольск, 1982. Архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие». Оп. 6, п. 6.

Басов Л. Н. Отчет о разведке в Кондинском районе Тюменской области. Тобольск, 1983. Архив ИА РАН. Р-1. № 9209.

Беспрозванный Е. М. Отчет об исследованиях пос. Леуши XIV и разведках в Кондинском районе Тюменской области. Свердловск, 1985. Архив ИА РАН. Р-1. № 10203.

Беспрозванный Е. М. Отчет об археологической разведке в Гаринском районе Свердловской области и об археологической разведке в Кондинском районе Тюменской области в 1986 г. Свердловск, 1986. Архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие». Оп. 6, п. 3.

Беспрозванный Е. М. Отчет об археологической разведке в Кондинском районе Тюменской области в 1989 г. Свердловск, 1989. Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Беспрозванный Е. М. Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Разведочные работы в Кондинском районе ХМАО-Югры Тюменской области, проведенные в 2005 году». Екатеринбург, 2006. Научно-производственный архив АУ ХМАО-Югры «ЦОКН». Д. 146. Инв. № 5424.

Беспрозванный Е. М. Отчет об археологических разведках на территории Кондинского и Советского районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Екатеринбург, 2007. Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Беспрозванный Е. М. Отчет о научно-исследовательской работе: Проведение археологических полевых работ в бассейне верхнего и среднего течения р. Конда в Советском, Кондинском районах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2017 году. Т. 1. Екатеринбург, 2018. Научно-производственный архив АУ ХМАО-Югры «ЦОКН». Инв. № 8499. Д. 2316.

Беспрозванный Е. М. Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Проведение археологических полевых работ (разведок) на территории земельных участков ООО «ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь» ТПП «Урайнефтегаз» в Октябрьском, Ханты-Мансийском, Советском, Кондинском районах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры; на территории земельных участков АО «Транснефть – Сибирь» Урайское УМН (м/н Сургут – Горький – Полоцк, Краснотурбинск – Шаим – Конда, Шаим – Тюмень, Шаим – Конда) в Октябрьском, Советском, Кондинском районах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Гаринском, Серовском районах Свердловской области в 2019 году». Екатеринбург, 2020. Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Бессмертных А. Н. Отчет о научно-исследовательской работе: Археологическое обследование в зонах хозяйственной деятельности на территории Советского, Кондинского, Ханты-Мансийского, Нефтеюганского и Нижневартовского районов Ханты-Мансийского автономного округа, проведенное в 2001 году. Екатеринбург, 2001. Научно-производственный архив АУ ХМАО-Югры «ЦОКН». Д. 56. Инв. № 3809.

Бессмертных А. Н. Отчет о научно-исследовательской работе: Инвентаризация объектов археологического наследия в правобережье р. Большая Учинья (Кондинский район ХМАО). Екатеринбург, 2003а. Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Бессмертных А. Н. Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Проведение аварийных археологических работ на историко-культурном объекте – поселении Большая Учинья XXIII, расположенном в створе строящейся автодороги г. Урай – п. Половинка». Екатеринбург, 2003б. Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Гнатив В. О. Отчет об археологических полевых работах по теме: «Обследование технического состояния и установление границ территорий объектов культурного наследия в бассейнах рек Лемья, Большая Умытъя в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». Екатеринбург, 2014. Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Гнатив В. О. Отчет о научно-исследовательской работе по теме: Археологические полевые работы (разведки) в бассейнах верхнего и среднего течений р. Конда, р. Тавда, в Советском, Октябрьском, Кондинском, Ханты-Мансийском районах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Гаринском, Сосьвинском и Верхотурском районах Свердловской области в 2020 году. Екатеринбург, 2022. Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Гнатив В. О. Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Археологические разведки с целью обследования технического состояния и установления границ территорий объектов археологического наследия в Кондинском и Советском районах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, проведенные в 2022 году». Екатеринбург, 2023а. Электронный архив ООО НЦ «Топос».

Гнатив В. О. Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Археологические разведки с целью обследования технического состояния и установления границ территорий объектов археологического наследия в Кондинском и Советском районах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, проведенные в 2022 году». Екатеринбург, 2023б. Электронный архив ООО НЦ «Топос».

Данилов Е. А. Проведение археологических разведок на территории Советского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2019 году: отчет о НИР: в 9 книгах. Екатеринбург, 2019. Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Данилов Е. А. Проведение археологических разведок на территории Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2019 году: отчет о НИР: в 4 частях. Екатеринбург, 2020а. Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Данилов Е. А. Проведение археологических разведок на территории Кондинского и Советского районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2020 году: отчет о НИР: в 7 книгах. Екатеринбург, 2020б. Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Зыков А. П. Отчет об археологической разведке у п. Половинка в Кондинском районе ХМАО в 1996 г. Екатеринбург, 1997. Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Каменский С. Ю. Отчет о НИР: Археологические разведки в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области в 2003 г. Екатеринбург, 2004. Научно-производственный архив АУ ХМАО-Югры «ЦОКН». Д. 82. Инв. № 4713.

Каменский С. Ю. Отчет о научно-исследовательской работе: Археологические раскопки и разведки в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области, проведенные в 2004 году. Екатеринбург, 2005. Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Каменский С. Ю. Отчет о научно-исследовательской работе: Археологические раскопки и разведки в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области, проведенные в 2005 году. Екатеринбург, 2006. Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Клементьева Т. Ю. Отчет о научно-исследовательской работе: «Проведение спасательных археологических работ на участке строительства объектов ТПП «Урайнефтегаз» в границах территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Большая Умытъя 58» в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа в 2011 году». Екатеринбург, 2012. Архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие». Оп. 3. Д. 105.

Кокшаров С. Ф. Отчет о НИР Археологические раскопки в Советском районе ХМАО Тюменской области, проведенные в 2003 году. Екатеринбург, 2004. Научно-производственный архив АУ ХМАО-Югры «ЦОКН». Д. 80. Инв. № 4710.

Кокшаров С. Ф. Отчет о НИР Археологические работы в Советском районе ХМАО Тюменской области, проведенные в 2004 году. Екатеринбург, 2005. Научно-производственный архив АУ ХМАО-Югры «ЦОКН». Д. 117. Инв. № 4961.

Кокшаров С. Ф. Отчет о НИР Археологические работы в Советском районе ХМАО Тюменской области, проведенные в 2005 году. Екатеринбург, 2006. Научно-производственный архив АУ ХМАО-Югры «ЦОКН». Д. 125. Инв. № 5217.

Кокшаров С. Ф. Отчет о НИР Археологические работы в Советском районе ХМАО Тюменской области, проведенные в 2006 году. Екатеринбург, 2007. Научно-производственный архив АУ ХМАО-Югры «ЦОКН». Д. 919. Инв. № 5510.

Кокшаров С. Ф. Отчет о НИР Археологические раскопки в Советском районе ХМАО Тюменской области, проведенные в 2007 году. Екатеринбург, 2008. Научно-производственный архив АУ ХМАО-Югры «ЦОКН». Д. 1109. Инв. № 5866.

Коноркин В. М. Отчет о разведочных работах в Кондинском районе Тюменской области, проведенных в 1979 г. Свердловск, 1979. Архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие». Оп. 6, п. 1.

Круземент С. А. Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Археологические разведки в бассейне р. Конда в Советском, Кондинском районах ХМАО-Югры». Екатеринбург, 2010. Архив АУ ХМАО-Югры «Центр охраны культурного наследия». Инв. № 6188. Д. 1288.

Круземент С. А. Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Археологические разведки с целью обследования технического состояния и установления границ территорий объектов археологического наследия в Кондинском и Советском районах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, проведенные в 2024 году» (отчет на стадии подготовки)

Ломов П. К. Отчет об археологической разведке на территории Советского, Кондинского, Октябрьского, Ханты-Мансийского районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2018 году. Новосибирск, 2019. Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Неугодникова Л. С. Отчет о научно-исследовательской работе. Археологическая разведка в Сургутском и Советском районах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и в Пуровском районе Ямало-Ненецкого автономного округа, проведенная в 2022 году. Ханты-Мансийск, 2023. Электронный архив ООО «Научно-исследовательский, проектно-изыскательный этноархеологический центр».

Петров А. И. Отчет о полевых работах Среднеиртышской археологической экспедиции Омского государственного университета летом 1978 года в Тарском, Тевризском и Исилькульском районах Омской области и Кондинском районе Тюменской области. Омск, 1979. Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Погодин А. А. Отчет об археологической разведке в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа. Екатеринбург, 1993. Научно-производственный архив АУ ХМАО-Югры «ЦОКН». Д. 187. Инв. № 6448.

Погодин А. А. Отчет о раскопках стоянки Сатыга XVIIв и разведке в окрестностях озера Сатыгинский туман в Кондинском районе ХМАО Тюменской области. Екатеринбург, 2002. Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Погодин А. А. Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Изучение и обследование современного состояния археологических объектов в Советском и Кондинском районах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», хоздоговор № 41; 1 книга 2 части, часть 1. Екатеринбург, 2007. Архив АУ ХМАО-Югры «Центр охраны культурного наследия». Инв. № 5339, д. 129а.

Погодин А. А. Отчет о научно-исследовательской работе: «Обследование технического состояния и установление границ территорий объектов культурного (археологического) наследия в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2011 году. Екатеринбург, 2012. Архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие». Оп. 3. Д. 107.

Погодин А. А. Отчет о научно-исследовательской работе: «Обследование технического состояния и установление границ территорий объектов культурного (археологического) наследия в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2012 году. Екатеринбург, 2013. Архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие». Оп. 3. Д. 115. Погодин А.А. 2017.

Погодин А. А. Отчет о научно-исследовательской работе. Археологические разведки на территории Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2021 году. В 6 томах. Екатеринбург, 2022. Архив АУ ХМАО-Югры «Центр охраны культурного наследия». Оп. 7 эл. документов за 2023 год. Учетные номера 654–659.

Русаков Г. Г. Находки и сборы в бассейне р. Конды в сентябре 1971 г. Свердловск, 1971. Архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие». Оп. 6, п. 13.

Русаков Г. Г. Разведки в урочище «Мавра» в Кондинском районе Тюменской области зимой 1977 г. Свердловск, 1978. Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Сладкова Л. Н. Отчет об археологической разведке в Кондинском и Уватском районах Тюменской области, произведенной летом 1986 года. Тобольск, 1987. Архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие». Оп. 6, п. 7.

Сладкова Л. Н. Отчет об археологических раскопках на Чертовой горе в Кондинском районе Тюменской области летом 1988 года. Тобольск, 1989. Архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие». Оп. 6, п. 8.

Сладкова Л. Н. Отчет об археологической разведке в Кондинском районе Тюменской области, произведенной летом 1989 г. Тобольск, 1990. Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Сладкова Л. Н. Отчет об археологической разведке в Кондинском районе Тюменской области, произведенной летом и осенью 1992 года. Тобольск, 1992. Архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие». Оп. 6, п. 9.

Сладкова Л. Н. Отчет об археологических раскопках на памятнике Чертова гора в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, произведенных летом 2003 года. Тобольск, 2003. Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Сладкова Л. Н. Отчет об археологических раскопках на памятнике Чертова гора в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, произведенных летом 2004 года. Тобольск, 2004. Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Старков А. Е. Отчет о разведочных работах в Советском районе Тюменской области в 1993 г. В двух томах. Екатеринбург, 1994. Архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие». Оп. 3, п. 10, д. 36, 36/1.

Старков А. Е. Отчет о научно-исследовательской работе: Историко-культурная экспертиза трасс реконструируемых автодорог п. Мортка – п. Сотник и на п. Междуреченский в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа, 1996 год. Пермь, 1996. Архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие». Оп. 6, п. 13.

Стефанова Н. К. Отчет об археологических исследованиях в Кондинском районе. 1979 г. Свердловск, 1979. Архив ИА РАН. Р-1. № 8869. 106 л.

Стефанова Н. К. Отчет об археологических исследованиях в Кондинском районе Тюменской области летом 1980 – Свердловск, 1981. Архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие». Оп. 6, п. 2.

Трунова Н. Е. Отчет о научно-исследовательской работе по теме: Проведение археологических разведочных работ в Советском и Кондинском районах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2012 г. Екатеринбург, 2013. В 2 томах. Архив АУ ХМАО-Югры «Центр охраны культурного наследия». Инв. № 8399, д. 2268; инв. № 8400, д. 2269.

Трунова Н. Е. Отчет о НИР по теме: «Проведение археологических разведочных работ в бассейнах рек Мулымья и Конда в границах Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2013 году». Екатеринбург, 2014. Архив АУ ХМАО-Югры «Центр охраны культурного наследия». Инв. № 7469, д. 2032.

Турянский А. И. Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Археологические разведки с целью обследования технического состояния и установления границ территорий объектов археологического наследия в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югра в 2020 году». Екатеринбург, 2023. Электронный архив ООО НЦ «Топос».

Цеменков А. Е. Отчет о разведочных работах в Советском и Ханты-Мансийском районах Тюменской области в 1995 году. Екатеринбург, 1996. Архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие». Оп. 3, п. 14, д. 45, 46.

Цеменков А. Е. Отчет об археологических работах в Кондинском районе ХМАО и Уватском районе Тюменской области, проведенных летом 1997 г. Екатеринбург – 1998. Архив АУ ХМАО-Югры «Центр охраны культурного наследия». Инв. № 4869, д. 96.

Цеменков А. Е. Отчет об археологических полевых работах по теме: «Проведение археологических работ в бассейне р. Конда, на территории Советского, Кондинского районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (река Сотниковская, оз. Шаимский Туман, оз. Турсунтский Туман). Том 8 – Екатеринбург, 2015. Архив АУ ХМАО-Югры «Центр охраны культурного наследия». Инв. 8420, д. 2289.

Цеменков А. Е. Отчет о научно-исследовательской работе «Проведение археологических полевых работ (разведок) на территории Советского, Кондинского районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2018 г.» (Открытый лист № 1466). 8 томов. Екатеринбург, 2019. Архив АУ ХМАО-Югры «Центр охраны культурного наследия». Инв. 8575, д. 2392.

Литература

Археологические памятники на территории ХМАО – Югры в эпоху неолита и энеолита / Академическая история Югры: в 8 т. / Дубовцева Е. Н., Клементьева Т. Ю., Косинская Л. Л. и др. Ханты-Мансийск: АО Изд. Дом «Новости Югры», 2024. Том 1. Древняя Югра с начала заселения до конца I тысячелетия н. э. / отв. ред. Н. М. Чаиркина, Г. П. Визгалов. 768 с. С. 47–75.

Антипина Т. Г., Галимов А. Т. Результаты спорово-пыльцевого анализа торфяных разрезов ХМАО-Югры. Кондинская левобережная среднетаежная провинция / Академическая история Югры: в 8 т. / под общ. ред. Р. Г. Пихоя. Ханты-Мансийск: АО Изд. Дом «Новости Югры», 2024. Том 1. Древняя Югра с начала заселения до конца I тысячелетия н. э. / отв. ред. Н. М. Чаиркина, Г. П. Визгалов. 768 с. С. 47–75.

Анциферова О. А. Железистые окисленные горизонты в осушенных почвах Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2013. № 1. С. 110–113. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/zhelezistye-okislennyye-gorizonty-v-osushennyh-pochvah-kaliningradskoy-oblasti> (дата обращения: 03.04.2025).

Викторова В. Д. Научный поиск в археологии. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1989. 152 с.

Ершов Ю. И. Генетико-географические особенности гранземов // Почвоведение. 2021. № 5. С. 529–541.

- Зайцева Е. А.** Археологическая карта Сургутского Приобья. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. 199 с.
- Зах В. А.** Периоды трансформации в истории древних обществ Тоболо-Ишимья в голоцене // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 17–26.
- Зах В. А., Зимина О. Ю., Рябогина Н. Е.** Радиоуглеродные даты археологических и природных комплексов Тоболо-Ишимья (по материалам Тоболо-Ишимской экспедиции ИПОС СО РАН) / Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011 № 1 (14) С. 219–233.
- Зимина О. Ю.** Исследование городища Карагай-Аул 1 в Нижнем Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 5. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-gorodischa-karagay-aul-1-v-nizhnem-pritobolie> (дата обращения: 27.04.2025).
- Зимина О. Ю.** Новые поселения иткульской культуры в Зауралье / Человек и Север: Антропология, археология, экология : материалы всероссийской конференции, г. Тюмень, 6–10 апреля 2015 г. Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. Вып. 3. С. 136–139.
- Зимина О. Ю., Мельникова Л. Н.** Керамика восточного варианта иткульской культуры (по материалам памятников Юртовского археологического микрорайона в Нижнем Притоболье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 4 (28). С. 96–114. URL : <http://old.archaeology.nsc.ru/ru/publish/journal/doc/2006/284/11.pdf> (дата обращения: 27.04.2025).
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф.** Древний Эмдер. Екатеринбург : Институт истории и археологии УрО РАН, 2001.
- Кокшаров С. Ф.** Скульптуры животных бронзового века из таежного Приобья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 2 (58) С. 77–81.
- Кокшаров С. Ф., Зыков А. П., Яковлева Е. А.** Тал I – памятник средневекового княжества Эмдер // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 2. С. 90–105. Режим доступа: <https://doi.org/10.20874/20710437-2024-66-3-8>.
- Колбовский Е. Ю.** Ландшафтоведение : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. Ю. Колбовский. М. : Издательский центр «Академия», 2006.
- Лойко С. В., Кузьмина Д. М., Дудко А. А., Константинов А. О., Васильева Ю. А., Курасова А. О., Лим А. Г., Кулижский С. П.** Древесные угли в подзолах Средней тайги Западной Сибири как индикатор истории геосистем // Почвоведение. 2022. № 2. С. 176–192.
- Ломов П. К., Новиков А. В., Морозов А. А.** Глиняное антропоморфное изображение из урочища Пашкин Бор (Западная Сибирь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 790–794.
- Малышкин А. В.** Исследования на р. Конде в Тюменской области // Археологические открытия 1977 года. М. : «Наука», 1978.
- Мельник Т. В.** Поселение раннего железного века Ендырское VIII / Т. В. Мельник // I Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых : материалы Всероссийской (с международным участием) конференции, Самара, 1–4 февраля 2018 года. Самара : Самарский университет, 2018. С. 222–224.
- Махонина Г. И., Корина И. Н.** Формирование подзолистых почв на археологических памятниках в Западной Сибири. Екатеринбург : Издательство «Академкнига», 2002.
- Морфодинамика русел равнинных рек / Р. С. Чалов, А. М. Алабян, В. В. Иванов В. В. [и др.] ; под ред. проф. Р. С. Чалова.** М. : изд-во МГУ. 1998. 288 с.
- Мошинская В. И.** Об одной группе глиняных антропоморфных изображений из Западной Сибири // КСИИМК. 1959. № 75. С. 180–184.
- Погодин А. А., Чемякин Ю. П.** Поселение эпохи раннего железа / Поселение Лемья 19.1 в верховьях Конды: от неолита до Средневековья / коллективная монография. Екатеринбург : издательство и типография «Альфа-Принт», 2019. С. 42–51.
- Плеханова Л. Н.** Особенности культурных слоев неукрепленных поселений эпохи бронзы степного Зауралья // Вестник ЧелГУ. 2006. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kulturnyh-sloev-neukreplennyh-poseleniy-epochi-bronzy-stepnogo-zauralya> (дата обращения: 26.04.2025).
- Приступа О. И.** Средневековая глиняная пластика в коллекции Музея Природы и Человека (Ханты-Мансийск) / фотографии Е. С. Листюк; отв. редактор О. Б. Беликова. Ханты-Мансийск ; Екатеринбург, 2008. 96 с.
- Расторопов А. В.** Исследование комплекса археологических памятников в бассейне Конды у села Старый Катыш / Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований : материалы VII науч.-о-практ. конф. «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвящ. 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). Екатеринбург : Изд-во «Магеллан», 2014. С. 246–254.
- Сизов О. С., Зимина О. Ю.** Особенности системы жизнеобеспечения и пространственного размещения поселений иткульской культуры в Притоболье (VIII–VI вв. до н. э.) / Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19).

Собольникова Т. Н., Кузина А. В. Археологические исследования в Нижнем течении р. Конды в 2018–2019 гг. / Археологические открытия. 2019 год / отв. ред. Н. В. Лопатин. М. : Институт археологии РАН, 2021. С. 382.

Терехова Л. М., Широков В. Н. Глиняная культовая пластика Рачевского археологического комплекса // Вопросы археологии Урала. Выпуск 18. Свердловск : УрГУ, 1986. С. 131–138.

Федоров В. М., Гребенников П. Б. Малый (средневековый) климатический оптимум голоцена и его возможные причины // Жизнь Земли. 2020. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/malyy-srednevekovyy-klimaticheskiy-optimum-golotsena-i-ego-vozmozhnye-prichiny> (дата обращения: 21.04.2025).

Федорова Н. В. Север Западной Сибири в железном веке: традиции и мобильность. Очерки. Омск : Золотой тираж (ООО «Омскбланкиздат»), 2019. 150 с.

Федорова Н. В., Гусев А. В. Три революции Усть-Полуя // Кунсткамера. 2019. № 1 (3). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/tri-revolutsii-ust-poluya> (дата обращения: 23.04.2025).

Челякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут ; Омск : Омский дом печати, 2008. 224 с.

Челякин Ю. П. Керамика кульминского типа // Археология Евразийских степей. 2017. № 4 С. 336–353. URL : <https://www.eurasiaarchaeology.ru/index.php/aes/article/view/228> (дата обращения: 26.04.2025).

Челякин Ю. П. Западно-Сибирская тайга в эпоху железа / Академическая история Югры. В 8 т. / под общ. ред. Р. Г. Пихоя. Ханты-Мансийск : АО Изд. Дом «Новости Югры», 2024. Том 1. Древняя Югра с начала заселения до конца I тысячелетия н. э. / отв. ред. Н. М. Чаиркина, Г. П. Визгалов. С. 478–587.

Чикунова И. Ю. Глиняная антропоморфная пластика Средневекового Зауралья / Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2 (25). С. 54–63.

Сведения об авторах:

Гнатив Владимир Олегович – специалист-археолог; ООО Научный центр «Топос», г. Екатеринбург
E-mail: gnaviv1985@mail.ru

Трунова Наталья Евгеньевна – специалист-археолог; ООО Научный центр «Топос», г. Екатеринбург
E-mail: trunovane@mail.ru

Миронов Павел Викторович – специалист-археолог; ООО Научный центр «Топос», г. Екатеринбург
E-mail: mironov_pael_viktorovich@mail.ru

V. O. Gnativ¹, N. E. Trunova¹, P. V. Mironov¹

¹ Research Center «Topos» LLC, Yekaterinburg, Russia

PRELIMINARY RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL FIELD INVESTIGATIONS CONDUCTED BY THE SURVEY TEAMS OF “TOPOS” RESEARCH CENTER LLC AS PART OF THE ASSESSMENT OF THE TECHNICAL CONDITION AND DELINEATION OF BOUNDARIES OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE SITES IN THE KONDA RIVER BASIN IN 2020 AND 2022–2024

Summary

The research was conducted in the Konda Lowland. Archaeological sites from various periods, ranging from the Neolithic to the Early Iron Age, were investigated. The primary objective of the study was to identify the spatial and temporal patterns of material and spiritual cultural remains of ancient communities during the Neolithic, Eneolithic, Bronze Age, and Early Iron Age. Sources of information included both archival records and new data gathered during archaeological fieldwork.

In the second phase, the spatial distribution of the sites was analyzed, taking their chronological attributions into account. This phase identified zones of high concentration of sites from specific periods, characteristic landscapes, and anomalous locations.

During the Neolithic, the Konda River basin represented a network of interconnected lakes and channels. In the Eneolithic period, a gradual shift in the topography of dwelling placements is observed.

The Early Bronze Age witnessed the transgression of water bodies, prompting communities to alter their house-building paradigms, although the general subsistence strategies remained unchanged. During the Late Bronze Age, a significant climatic cooling and a drop in lake water levels, resulting in a shift towards settlements within floodplain environments.

In the Early Iron Age, further climatic deterioration threatened the traditional extractive economy. In response, more mobile communities emerged in the Konda Lowland, adopting a fundamentally new, mixed economy.

A reexamination of the location of Kulminsky and Sindeysky sites has led to the following hypotheses:

- The economic systems of the Kulminsky and Sindeysky groups included a pastoral component;
- The genesis of Kulminsky and Sindeysky sites may be associated with population migrations from the Trans-Ob and Ishim regions;
- The Kulminsky and Sindeysky sites are interconnected and, at a certain stage, may have represented components of a single, two-part cultural entity.

References

Sources

- Akt gosudarstvennoj istoriko-kul'turnoj ekspertizy № 27 ot 20. 08. 1997 / Otvetstvennyj ispolnitel' Teryohin S.A. Nauchno-proizvodstvennyj arhiv AU HMAO-Yugry «COKN». D. 1089. Inv. № 623.
- Akt gosudarstvennoj istoriko-kul'turnoj ekspertizy № 51 ot 16.02.1998 / Otvetstvennyj ispolnitel' Kondrashev A. N. Nauchno-proizvodstvennyj arhiv AU HMAO-Yugry «COKN». D. 181. Inv. № 1072.
- Arapov V. A.** Otchet o razvedke v Kondinskom rajone Tyumenskoj oblasti studenta 2 kursa istoricheskogo fakul'teta Arapova V. A. Tobol'sk, 1982. Arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie». Op. 6, p. 6.
- Basov L. N.** Otchet o razvedke v Kondinskom rajone Tyumenskoj oblasti. Tobol'sk, 1983. Arhiv IA RAN. R-1. № 9209.
- Besprozvannyj E. M.** Otchet ob issledovaniyah pos. Leushi XIV i razvedkah v Kondinskom rajone Tyumenskoj oblasti. Sverdlovsk, 1985. Arhiv IA RAN. R-1. № 10203.
- Besprozvannyj E. M.** Otchet ob arheologicheskoy razvedke v Garinskom rajone Sverdlovskoj oblasti i ob arheologicheskoy razvedke v Kondinskom rajone Tyumenskoj oblasti v 1986 g. Sverdlovsk, 1986. Arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie». Op. 6, p. 3.
- Besprozvannyj E. M.** Otchet o arheologicheskoy razvedke v Kondinskom rajone Tyumenskoj oblasti v 1989 godu. – Sverdlovsk, 1989. Elektronnyy arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie».
- Besprozvannyj E. M.** Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote po teme: «Razvedochnye raboty v Kondinskom rajone HMAO – Yugry Tyumenskoj oblasti, provedennyye v 2005 godu». Ekaterinburg, 2006. Nauchno-proizvodstvennyj arhiv AU HMAO-Yugry «COKN». D. 146. Inv. № 5424.
- Besprozvannyj E. M.** Otchet ob arheologicheskikh razvedkah na territorii Kondinskogo i Sovetskogo rayonov Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry – Ekaterinburg, 2007. Elektronnyj arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie».
- Besprozvannyj E. M.** Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote: Provedenie arheologicheskikh polevykh rabot v bassejne verhnego i srednego techeniya r. Konda v Sovetskom, Kondinskom rayonah Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – YUgry v 2017 godu. T.1. Ekaterinburg, 2018. Nauchno-proizvodstvennyj arhiv AU HMAO-YUGry «COKN». inv. № 8499, d. 2316.
- Besprozvannyj E. M.** Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote po teme: «Provedenie arheologicheskikh polevykh rabot (razvedok) na territorii zemel'nykh uchastkov OOO «LUKOIL – Zapadnaya Sibir'» TPP «Urajneftegaz» v Oktyabr'skom, Hanty-Mansijskom, Sovetskom, Kondinskom rayonah Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry; na territorii zemel'nykh uchastkov AO «Transneft' – Sibir'» Urajskoe UMN (m/n Surgut – Gor'kij – Polock, Krasnoleninsk – Shaim – Konda, Shaim – Tyumen', Shaim - Konda) v Oktyabr'skom, Sovetskom, Kondinskom rayonah Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry, Garinskom Serovskom rayonah Sverdlovskoj oblasti v 2019 godu». Ekaterinburg, 2020. Elektronnyj arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie».
- Bessmertnyh A. N.** Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote: Arheologicheskoe obsledovanie v zonah hozyajstvennoj deyatel'nosti na territorii Sovetskogo, Kondinskogo, Hanty-Mansijskogo, Nefteyuganskogo i Nizhnevartovskogo rayonov Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga, provedennoe v 2001 godu. Ekaterinburg, 2001. Nauchno-proizvodstvennyj arhiv AU HMAO-Yugry «COKN». D. 56. Inv. №:3809.
- Bessmertnyh A. N.** Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote: Inventarizatsiya ob'ektov arheologicheskogo naslediya v pravoberezh'e r. Bol'shaya Uchin'ya (Kondinskij rajon HMAO). Ekaterinburg, 2003. Elektronnyj arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie».
- Bessmertnyh A. N.** Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote po teme: «Provedenie avariynnykh arheologicheskikh rabot na istoriko-kul'turnom ob'ekte – poselenii Bol'shaya Uchin'ya XXIII, raspolozhennom v stvore stroyashcheysya avtodorogi g. Uraj – p. Polovinka». Ekaterinburg, 2003. Elektronnyj arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie».
- Gnativ V. O.** Otchet ob arheologicheskikh polevykh rabotah po teme: «Obsledovanie tekhnicheskogo sostoyaniya i ustanovlenie granic territorij ob'ektov kul'turnogo naslediya v bassejnakh rek Lem'ya, Bol'shaya Umyt'ya v Sovetskom rajone Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry». Ekaterinburg, 2014. Elektronnyj arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie».
- Gnativ V. O.** Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote po teme: Arheologicheskie polevye raboty (razvedki) v bassejnakh verhnego i srednego techenij r. Konda, r. Tavda, v Sovetskom, Oktyabr'skom, Kondinskom, Hanty-Mansijskom rayonah Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry, Garinskom, Sos'vinskom i Verhoturskom rayonah Sverdlovskoj oblasti v 2020 godu. Ekaterinburg, 2022. Elektronnyj arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie».

Gnativ V. O. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote po teme: «Arheologicheskie razvedki s cel'yu obsledovaniya tekhnicheskogo sostoyaniya i ustanovleniya granic territorij ob»ektov arheologicheskogo naslediya v Kondinskom i Sovetskom rajonah Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry, provedennyye v 2022 godu». Ekaterinburg, 2023a. Elektronnyj arhiv OOO NC «Topos».

Gnativ V. O. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote po teme: «Arheologicheskie razvedki s cel'yu obsledovaniya tekhnicheskogo sostoyaniya i ustanovleniya granic territorij ob»ektov arheologicheskogo naslediya v Kondinskom i Sovetskom rajonah Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry, provedennyye v 2022 godu». Ekaterinburg, 2023b. Elektronnyj arhiv OOO NC «Topos».

Danilov E. A. Provedenie arheologicheskikh razvedok na territorii Sovetskogo rajona Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry v 2019 godu: otchet o NIR: v 9 knigah. Ekaterinburg, 2019. Elektronnyj arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie».

Danilov E. A. Provedenie arheologicheskikh razvedok na territorii Kondinskogo rajona Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry v 2019 godu: otchet o NIR: v 4 chastyah – Ekaterinburg, 2020a. Elektronnyj arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie».

Danilov E. A. Provedenie arheologicheskikh razvedok na territorii Kondinskogo i Sovetskogo rajonov Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry v 2020 godu: otchet o NIR: v 7 knigah. Ekaterinburg, 2020b. Elektronnyj arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie».

Zykov A. P. Otchet ob arheologicheskoy razvedke u p. Polovinka v Kondinskom rajone HMAO v 1996 g. – Ekaterinburg, 1997. Elektronnyj arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie».

Kamenskij S. Yu. Otchet o NIR: Arheologicheskie razvedki v Kondinskom rajone Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry Tyumenskoj oblasti v 2003 g. – Ekaterinburg, 2004. Nauchno-proizvodstvennyj arhiv AU HMAO – Yugry «COKN». D. 82. Inv. № 4713.

Kamenskij S. Yu. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote: Arheologicheskie raskopki i razvedki v Kondinskom rajone Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry Tyumenskoj oblasti, provedennyye v 2004 godu. – Ekaterinburg, 2005. Elektronnyj arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie».

Kamenskij S. Yu. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote: Arheologicheskie raskopki i razvedki v Kondinskom rajone Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry Tyumenskoj oblasti, provedennyye v 2005 godu. – Ekaterinburg, 2006. Elektronnyj arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie».

Klement'eva T. Yu. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote: «Provedenie spasatel'nyh arheologicheskikh rabot na uchastke stroitel'stva ob»ektov TPP «Urajneftegaz» v granicach territorii vyyavlen'nogo ob»ekta arheologicheskogo naslediya «Poselenie Bol'shaya Umyt'ya 58» v Sovetskom rajone Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga v 2011 godu». Ekaterinburg, 2012. Arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie». Op. 3, d. 105.

Koksharov S. F. Otchet o NIR Arheologicheskie raskopki v Sovetskom rajone HMAO Tyumenskoj oblasti, provedennyye v 2003 godu. – Ekaterinburg, 2004. Nauchno-proizvodstvennyj arhiv AU HMAO-Yugry «COKN». D. 80. Inv. № 4710.

Koksharov S. F. Otchet o NIR Arheologicheskie raboty v Sovetskom rajone HMAO Tyumenskoj oblasti, provedennyye v 2004 godu. Ekaterinburg, 2005. Nauchno-proizvodstvennyj arhiv AU HMAO-Yugry «COKN». D. 117. Inv. № 4961.

Koksharov S. F. Otchet o NIR Arheologicheskie raboty v Sovetskom rajone HMAO Tyumenskoj oblasti, provedennyye v 2005 godu. – Ekaterinburg, 2006. Nauchno-proizvodstvennyj arhiv AU HMAO-Yugry «COKN». D. 125. Inv. № 5217.

Koksharov S. F. Otchet o NIR Arheologicheskie raboty v Sovetskom rajone HMAO Tyumenskoj oblasti, provedennyye v 2006 godu. Ekaterinburg, 2007. Nauchno-proizvodstvennyj arhiv AU HMAO-Yugry «COKN». D. 919. Inv. № 5510.

Koksharov S. F. Otchet o NIR Arheologicheskie raskopki v Sovetskom rajone HMAO Tyumenskoj oblasti, provedennyye v 2007 godu. Ekaterinburg, 2008. Nauchno-proizvodstvennyj arhiv AU HMAO-Yugry «COKN». D. 1109. Inv. № 5866.

Konorkin V. M. Otchet o razvedochnykh rabotah v Kondinskom rajone Tyumenskoj oblasti, provedennykh v 1979 g. Sverdlovsk, 1979. Arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie». Op. 6, p.1.

Kruzement S. A. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote po teme: «Arheologicheskie razvedki v bassejne r. Konda v Sovetskom, Kondinskom rajonah HMAO-Yugry». Ekaterinburg, 2010. Arhiv AU HMAO-Yugry «Centr ohrany kul'turnogo naslediya». Inv. № 6188, d. 1288

Kruzement S. A. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote po teme: «Arheologicheskie razvedki s cel'yu obsledovaniya tekhnicheskogo sostoyaniya i ustanovleniya granic territorij ob»ektov arheologicheskogo naslediya v Kondinskom i Sovetskom rajonah Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry, provedennyye v 2024 godu» (otchet na stadii podgotovki).

Lomov P. K. Otchet ob arheologicheskoy razvedke na territorii Sovetskogo, Kondinskogo, Oktyabr'skogo, Hanty-Mansijskogo rajona Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry v 2018 godu. – Novosibirsk, 2019. Elektronnyj arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie».

Neugodnikova L. S. Otchyot o nauchno-issledovatel'skoj rabote. Arheologicheskaya razvedka v Surgutskom i Sovetskom rajonah Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry i v Purovskom rajone Yamalo-Neneckogo avtonomnogo

okruga, provedennaya v 2022 godu. Hanty-Mansijsk, 2023. Elektronnyj arhiv OOO «Nauchno-issledovatel'skij, projekt-no-izyskatel'nyj etnoarheologicheskij centr».

Petrov A. I. Otchet o polevyh rabotah Sredneirtyshskoj arheologicheskoy ekspedicii Omskogo gosudarstvennogo universiteta letom 1978 goda v Tarskom, Tevrizskom i Isil'kul'skom rajonah Omskoj oblasti i Kondinskom rajone Tyumenskoj oblasti. Omsk, 1979. Elektronnyj arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie».

Pogodin A. A. Otchet ob arheologicheskoy razvedke v Kondinskom rajone Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga. Ekaterinburg, 1993. Nauchno-proizvodstvennyj arhiv AU HMAO-Yugry «COKN». D. 187. Inv. № 6448.

Pogodin A. A. Otchet o raskopkah stoyanki Satyga XVIIa i razvedke v okrestnostyah ozera Satyginskij Tuman v Kondinskom rajone HMAO Tyumenskoj oblasti. Ekaterinburg, 2002. Elektronnyj arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie».

Pogodin A. A. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote po teme: «Izuchenie i obsledovanie sovremennogo sostoyaniya arheologicheskikh ob»ektov v Sovetskom i Kondinskom rajone Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry» hozdogovor № 41; 1 kniga 2 chasti chast' 1. Ekaterinburg, 2007. Arhiv AU HMAO-Yugry «Centr ohrany kul'turnogo naslediya». Inv. № 5339, d. 129a.

Pogodin A. A. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote: «Obsledovanie tekhnicheskogo sostoyaniya i ustanovlenie granic territorij ob»ektov kul'turnogo (arheologicheskogo) naslediya v Sovetskom rajone Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry v 2011 godu. Ekaterinburg, 2012. Arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie». Op. 3, d. 107.

Pogodin A. A. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote: «Obsledovanie tekhnicheskogo sostoyaniya i ustanovlenie granic territorij ob»ektov kul'turnogo (arheologicheskogo) naslediya v Sovetskom rajone Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry v 2012 godu. Ekaterinburg, 2013. Arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie». Op. 3, d. 115.

Pogodin A. A. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote. Arheologicheskie razvedki na territorii Kondinskogo rajona Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry v 2021 godu. V 6 tomah. Ekaterinburg, 2022. Arhiv AU HMAO-Yugry /»Centr ohrany kul'turnogo naslediya»/. Op. 7 el. dok-tov za 2023 god. Uchetnye nomera 654–659.

Rusakov G. G. Nahodki i sbory v bassejne r. Kondy v sentyabre 1971 g. Sverdlovsk, 1971. Arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie». Op. 6, p. 13.

Rusakov G. G. Razvedki v urochishche «Mavra» v Kondinskom rajone Tyumenskoj oblasti zimoy 1977 g. Sverdlovsk, 1978. Elektronnyj arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie».

Sladkova L. N. Otchet ob arheologicheskoy razvedke v Kondinskom i Uvatskom rajonah Tyumenskoj oblasti, proizvedennoj letom 1986 goda. Tobol'sk, 1987. Arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie». Op. 6, p. 7.

Sladkova L. N. Otchet ob arheologicheskikh raskopkah na Chertovoj gore v Kondinskom rajone Tyumenskoj oblasti letom 1988 goda. Tobol'sk, 1989. Arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie». Op. 6, p. 8.

Sladkova L. N. Otchet ob arheologicheskoy razvedke v Kondinskom rajone Tyumenskoj oblasti, proizvedennoj letom 1989 g. Tobol'sk, 1990. Elektronnyj arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie».

Sladkova L. N. Otchet ob arheologicheskoy razvedke v Kondinskom rajone Tyumenskoj oblasti, proizvedennoj letom i osen'yu 1992 goda. Tobol'sk, 1992. Arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie». Op. 6, p. 9.

Sladkova L. N. Otchet ob arheologicheskikh raskopkah na pamyatnike Chertova gora v Kondinskom rajone Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga Tyumenskoj oblasti, proizvedennyh letom 2003 goda. Tobol'sk, 2003. Elektronnyj arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie».

Sladkova L. N. Otchet ob arheologicheskikh raskopkah na pamyatnike Chertova gora v Kondinskom rajone Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga Tyumenskoj oblasti, proizvedennyh letom 2004 goda. Tobol'sk, 2004. Elektronnyj arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie».

Starkov A. E. Otchet o razvedochnyh rabotah v Sovetskom rajone Tyumenskoj oblasti v 1993 g. V dvuh tomah. Ekaterinburg, 1994. Arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie». Op. 3, p. 10, d. 36, 36/1.

Starkov A. E. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote: Istoriko-kul'turnaya ekspertiza trass rekonstruirovannykh avtodorog p. Mortka – p. Sotnik i na p. Mezhdurechenskij v Kondinskom rajone Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga, 1996 god. Perm', 1996. Arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie». Op. 6, p. 13.

Stefanova N. K. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah v Kondinskom rajone. 1979 g. Sverdlovsk, 1979. Arhiv IA RAN. R-1. № 8869. 106 l.

Stefanova N. K. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah v Kondinskom rajone Tyumenskoj oblasti letom 1980 – Sverdlovsk, 1981. Arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie». Op. 6, p. 2.

Trunova N. E. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote po teme: Provedenie arheologicheskikh razvedochnyh rabot v Sovetskom i Kondinskom rajonah Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry v 2012 g. Ekaterinburg, 2013. V 2-h tomah. Arhiv AU HMAO-Yugry /»Centr ohrany kul'turnogo naslediya»/. Inv. № 8399, d. 2268; inv. № 8400, d. 2269.

Trunova N. E. Otchet o NIR po teme: «Provedenie arheologicheskikh razvedochnyh rabot v bassejnakh rek Mulym'ya i Konda v granicah Kondinskogo rajona Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry v 2013 godu». Ekaterinburg, 2014. Arhiv AU HMAO-Yugry /»Centr ohrany kul'turnogo naslediya»/. Inv. № 7469, d. 2032

Turyanskij A. I. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote po teme: «Arheologicheskie razvedki s cel'yu obsledovaniya tekhnicheskogo sostoyaniya i ustanovleniya granic territorij ob»ektov arheologicheskogo naslediya v Kondinskom rajone Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry v 2020 godu». Ekaterinburg, 2023. Elektronnyj arhiv OOO NC «Topos».

Cemenkov A. E. Otchet ob arheologicheskikh rabotah v Kondinskom rajone HMAO i Uvatskom rajone Tyumenskoj oblasti, provedennyh letom 1997 g. Ekaterinburg – 1998. Arhiv AU HMAO-YUgry «Centr ohrany kul'turnogo naslediya». Inv. № 4869, d.96.

Cemenkov A. E. Otchet o razvedochnyh rabotah v Sovetskom i Hanty-Mansijskom rajonah Tyumenskoj oblasti v 1995 godu. – Ekaterinburg, 1996. Arhiv OOO NAC «AV KOM – Nasledie». Op. 3, p. 14, d. 45, 46.

Cemenkov A. E. Otchet ob arheologicheskikh polevyh rabotah po teme: «Provedenie arheologicheskikh rabot v bassejne r. Konda, na territorii Sovetskogo, Kondinskogo rajonov Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry (reka Sotnikovskaya, oz. Shaimskij Tuman, oz. Tursuntskij Tuman). Tom 8. Ekaterinburg, 2015. Arhiv AU HMAO-Yugry /»Centr ohrany kul'turnogo naslediya»/. Inv. 8420, d. 2289.

Cemenkov A. E. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Provedenie arheologicheskikh polevyh rabot (razvedok) na territorii Sovetskogo, Kondinskogo rajonov Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry v 2018 g.» (Otkrytyj list № 1466). 8 tomov. Ekaterinburg, 2019. Arhiv AU HMAO-Yugry /»Centr ohrany kul'turnogo naslediya»/. Inv. 8575, d. 2392.

Literature

Arheologicheskie pamyatniki na territorii HMAO – Yugry v epohu neolita i eneolita / Akademicheskaya istoriya Yugry: v 8 t. / Dubovceva E. N., Klement'eva T. Yu., Kosinskaya L. L. i dr. Hanty-Mansijsk : AO Izd. Dom «Novosti Yugry», 2024. Tom 1. Drevnyaya Yugra s nachala zaseleniya do konca I tysyacheletiya n.e. / otv. red. N. M. Chairkina, G.P. Vizgalov. 768 s. S. 47–75.

Antipina T. G., Galimov A. T. Rezul'taty sporovo-pyl'cevogo analiza torfyanyh razrezov HMAO-Yugry. Kondinskaya levoberezhnaya srednetaezhnaya provinciya / Akademicheskaya istoriya Yugry: v 8 t. / pod obshch. red. R. G. Pihoya. Hanty-Mansijsk : AO Izd. Dom «Novosti Yugry», 2024. Tom 1. Drevnyaya Yugra s nachala zaseleniya do konca I tysyacheletiya n.e. / otv. red. N. M. Chairkina, G. P. Vizgalov. 768 s. S. 47–75.

Anciferova O. A. Zhelezistye okislennye gorizonty v osushennyh pochvah Kaliningradskoj oblasti // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya : Estestvennye i medicinskie nauki. 2013. № 1. S. 110–113. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/zhelezistye-okislennye-gorizonty-v-osushennyh-pochvah-kaliningradskoj-oblasti> (data obrashcheniya: 03.04.2025).

Viktorova V. D. Nauchnyj poisk v arheologii. Sverdlovsk : Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1989. 152 s.

Ershov Yu. I. Genetiko-geograficheskie osobennosti granzemov // Pochvovedenie. 2021. № 5. S. 529–541.

Zajceva E. A. Arheologicheskaya karta Surgut'skogo Priob'ya. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2013. 199 s.

Zah V. A. Periody transformacii v istorii drevnih obshchestv Tobolo-Ishim'ya v golocene // Vestnik arheologii, antropologii i etnografii. 2012. № 4 (19). S. 17–26.

Zah V. A., Zimina O. Yu., Ryabogina N. E. Radiouglerodnye daty arheologicheskikh i prirodnyh kompleksov Tobolo-Ishim'ya (po materialam Tobolo-Ishim'skoj ekspedicii IPOS SO RAN) / Vestnik arheologii, antropologii i etnografii. 2011 № 1 (14) S. 219–233.

Zimina O. Yu. Issledovanie gorodishcha Karagaj-Aul 1 v Nizhnem Pritobol'e // Vestnik arheologii, antropologii i etnografii. 2005. № 5. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-gorodishcha-karagaj-aul-1-v-nizhnem-pritobolie> (data obrashcheniya: 27.04.2025).

Zimina O. Yu. Novye poseleniya itkul'skoj kul'tury v Zaural'e / Chelovek i Sever: Antropologiya, arheologiya, ekologiya: Materialy vserossijskoj konferencii, g. Tyumen', 6–10 aprelya 2015 g. Tyumen' : Izd-vo IPOS SO RAN, 2015. Vyp. 3. S. 136–139.

Zimina O. Yu., Myl'nikova L. N. Keramika vostochnogo varianta itkul'skoj kul'tury (po materialam pamyatnikov Yurtoborskogo arheologicheskogo mikrorajona v Nizhnem Pritobol'e) // Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2006. № 4 (28). S. 96–114. URL : <http://old.archaeology.nsc.ru/ru/publish/journal/doc/2006/284/11.pdf> (data obrashcheniya: 27.04.2025).

Zykov A. P., Koksharov S. F. Drevnij Emder. Ekaterinburg: Institut istorii i arheologii UrO RAN, 2001.

Koksharov S. F. Skul'ptury zhivotnyh bronzovogo veka iz taezhnogo Priob'ya // Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2014. № 2 (58) S. 77–81.

Koksharov S. F., Zykov A. P., Yakovleva E. A. Tal I – pamyatnik srednevekovogo knyazhestva Emder // Vestnik arheologii, antropologii i etnografii. 2024. № 2. S. 90–105. Rezhim dostupa : <https://doi.org/10.20874/20710437-2024-66-3-8>.

Kolbovskij E. Yu. Landshaftovedenie: ucheb. Posobie dlya stud. Vyssh. ucheb. zavedenij / E.Yu. Kolbovskij. – M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2006.

Lojko S. V., Kuz'mina D. M., Dudko A. A., Konstantinov A. O., Vasil'eva Yu. A., Kurasova A. O., Lim A. G., Kulizhskij S. P. Drevesnye ugli v podzolah Srednej tajgi Zapadnoj Sibiri kak indikator istorii geosystem // Pochvovedenie. 2022. № 2. S. 176–192.

Lomov P. K., Novikov A. V., Morozov A. A. Glinyanoie antropomorfnoie izobrazhenie iz urochishcha Pashkin Bor (Zapadnaya Sibir') // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. Novosibirsk : Izd-vo IAET SO RAN, 2019. T. XXV. S. 790–794.

Malyshkin A. V. Issledovaniya na r. Konde v Tyumenskoj oblasti // Arheologicheskie otkrytiya 1977 goda. M. : «Nauka», 1978.

Mel'nik T. V. Poselenie rannego zheleznoego veka Endyrskoe VIII / T. V. Mel'nik // L. Uralo-Povolzhskaya arheologicheskaya konferenciya studentov i molodyh uchenykh: materialy Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) konferencii, Samara, 1–4 fevralya 2018 goda. Samara : Samarskij universitet, 2018. S. 222–224.

Mahonina G. I., Korina I. N. Formirovanie podzolistykh pochv naarheologicheskikh pamyatnikah v Zapadnoj Sibiri. Ekaterinburg: Izdatel'stvo «Akademkniga», 2002.

Morfodinamika rusel ravninnykh rek / R. S. Chalov, A. M. Alabyan, V. V. Ivanov [i dr.] ; pod red. Prof. R.S. Chalova. M. : izd-vo MGU. 1998. 288 s.

Moshinskaya V. I. Ob odnoj gruppe glinyanykh antropomorfnykh izobrazhenij iz Zapadnoj Sibiri // KSIIMK. 1959. № 75. S. 180–184.

Pogodin A. A., Chemyakin Yu. P. Poselenie epohi rannego zheleza / Poselenie Lem'ya 19.1 v verhov'yah Kondy: ot neolita do srednevekov'ya / kollektivnaya monografiya. Ekaterinburg : izdatel'stvo i tipografiya «Al'fa-Print», 2019. S. 42–51.

Plekhanova L. N. Osobennosti kul'turnykh sloev neukreplennykh poselenij epohi bronzы stepnogo Zaural'ya // Vestnik ChelGU. 2006. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kulturnykh-sloev-neukreplennykh-poselenij-epohi-bronzы-stepnogo-zaural'ya> (data obrashcheniya: 26.04.2025).

Pristupa O. I. Srednevekovaya glinyanaya plastika v kollekcii Muzeya Prirody i Cheloveka (Hanty-Mansijsk) / fotografii E. S. Listyuk; otv. redaktor O. B. Belikova. Hanty-Mansijsk ; Ekaterinburg, 2008. 96 s.

Rastoropov A. V. Issledovanie kompleksa arheologicheskikh pamyatnikov v bassejne Kondy u sela Staryj Katysh / Problemy sohraneniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya: istoriya, metody i problemy arheologicheskikh issledovanij: Materialy VII nauchno-prakticheskoy konferencii «Sohranenie i izuchenie nedvizhimogo kul'turnogo naslediya Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry», posvyashchennoj 90-letiyu so dnya rozhdeniya V. F. Geninga (Nefteyugansk, 14–16 maya 2014 g.). Ekaterinburg: Izd-vo Magellan, 2014. S. 246–254.

Sizov O. S., Zimina O. Yu. Osobennosti sistemy zhizneobespecheniya i prostranstvennogo razmeshcheniya poselenij itkul'skoj kul'tury v Pritobol'e (VIII–VI vv. do n. e.) / Vestnik arheologii, antropologii i etnografii. 2012. № 4 (19).

Sobol'nikova T. N., Kuzina A. V. Arheologicheskie issledovaniya v Nizhnem techenii r. Kondy v 2018–2019 gg. / Arheologicheskie otkrytiya. 2019 god / otv. red. N. V. Lopatin. M. : Institut arheologii RAN, 2021. S. 382.

Terekhova L. M., Shirokov V. N. Glinyanyaya kul'tovaya plastika Rachevskogo arheologicheskogo kompleksa // Voprosy arheologii Urala. Vypusk 18. Sverdlovsk : UrGU, 1986. S. 131–138.

Fedorov V. M., Grebennikov P. B. Malyj (srednevekovyj) klimaticheskij optimum golocena i ego vozmozhnye prichiny // Zhizn' Zemli. 2020. №4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/malyj-srednevekovyy-klimaticheskij-optimum-golotse-na-i-ego-vozmozhnye-prichiny> (data obrashcheniya: 21.04.2025).

Fedorova N. V. Sever Zapadnoj Sibiri v zheleznom veke: tradicii i mobil'nost'. Ocherki. Omsk: Zolotoj tirazh (OOO «Omskblankizdat»), 2019. 150 s.

Fedorova N. V., Gusev A. V. Tri revolyucii Ust'-Poluya // Kunstkamera. 2019. № 1 (3). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/tri-revoljutsii-ust-poluya> (data obrashcheniya: 23.04.2025).

Chemyakin Yu. P. Barsova Gora: ocherki arheologii Surgut'skogo Priob'ya. Drevnost'. Surgut; Omsk : Omskij dom pechaty, 2008. 224 s.

Chemyakin Yu. P. Keramika kul'minskogo tipa // Areologiya Evrazijskikh stepej 2017. № 4. S. 336–353. URL : <https://www.evrastep.ru/index.php/aes/article/view/228> (data obrashcheniya: 26.04.2025).

Chemyakin Yu. P. Zapadno-Sibirskaya tajga v epohu zheleza / Akademicheskaya istoriya Yugry: v 8 t. / pod obshch. red. R.G. Pihoya. – Hanty-Mansijsk: AO Izd. Dom «Novosti Yugry», 2024. Tom 1. Drevnyaya Yugra s nachala zaseleniya do konca I tysyacheletiya n.e. / otv. red. N.M. Chairkina, G.P. Vizgalov. 768 s. S. 478–587.

Chikunova I.Yu. Glinyanyaya antropomorfnyaya plastika Srednevekovogo Zaural'ya / Vestnik arheologii, antropologii i etnografii. 2014. № 2 (25). S. 54–63.

Information about the authors:

Gnativ Vladimir O. – archaeologist, Research Centre “Topos”, LLC, Ekaterinburg

E-mail: gnativ1985@mail.ru

Trunova Natalia E. – archaeologist, Research Centre “Topos”, LLC, Ekaterinburg

E-mail: trunovane@mail.ru

Mironov Pavel V. – archaeologist, Research Centre “Topos”, LLC, Ekaterinburg

E-mail: mironov_pael_viktorovich@mail.ru

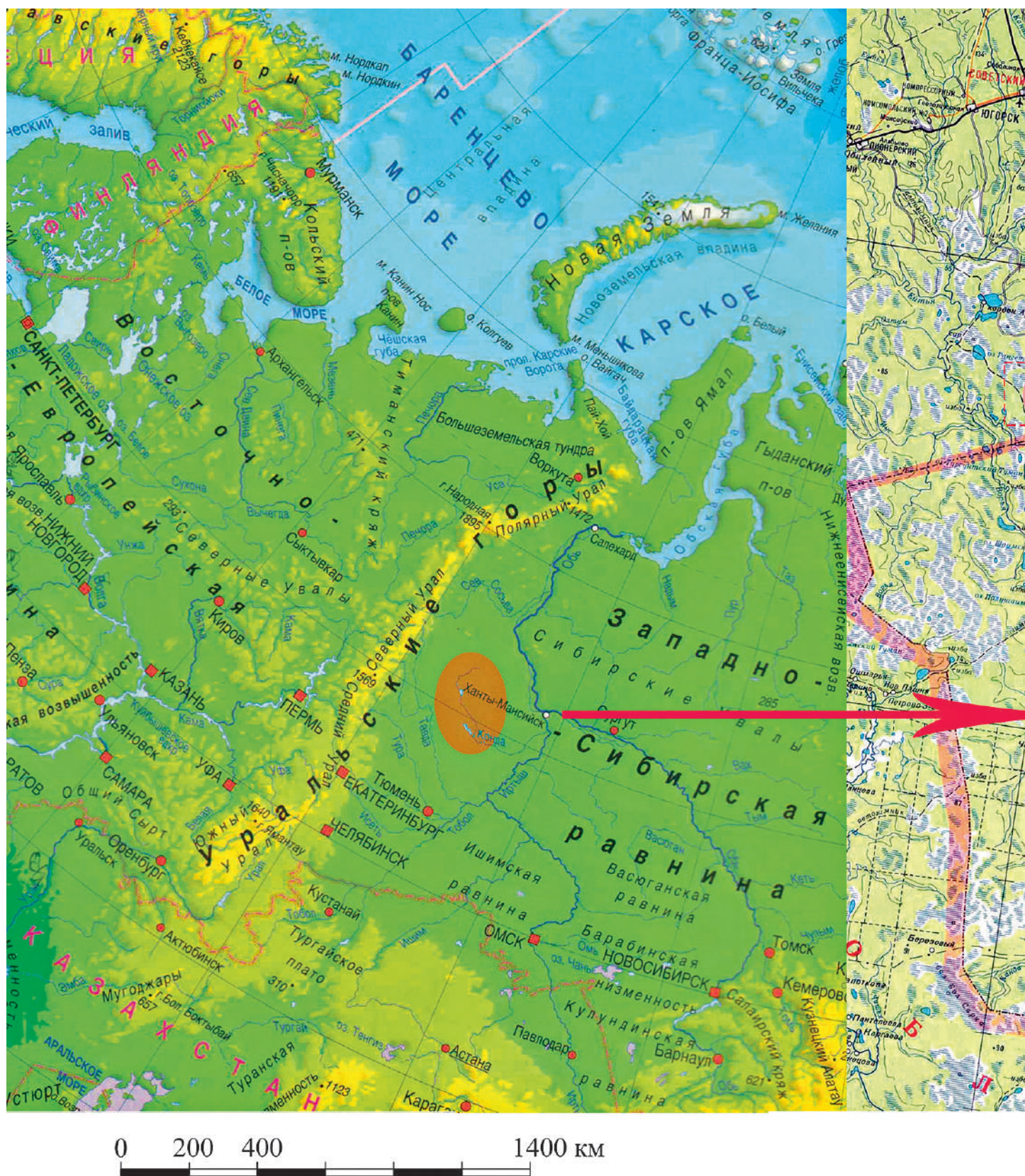

Рис. 1. Местоположение участков проведения полевых исследований. Западно-Сибирская равнина. Бассейн верхнего и среднего течения р. Конда

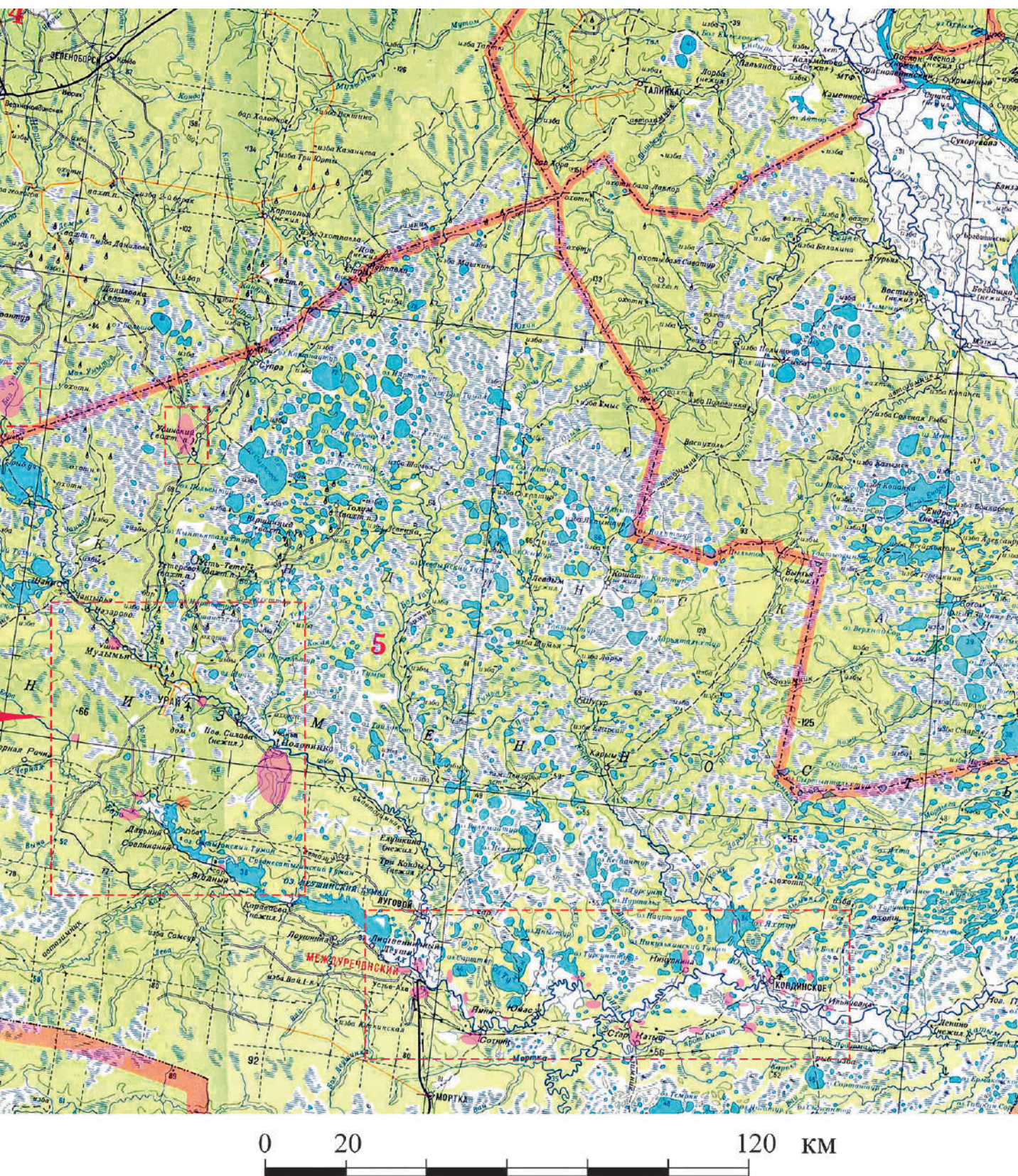

Fig. 1. Locations of field research sites. West Siberian Plain. Basin of the upper and middle flow of the Konda River

Рис. 2. Пространственные модели освоения территорий. Очаговый тип. Река Большая Речка (Запорская). Мысовое местоположение в среднем течении и пойменное местоположение – в нижнем течении

Fig. 2. Spatial models of territorial development. Cluster type. Bolshaya Rechka (Zaporskaya) River. A headland location in the middle course and a floodplain location in the lower course

Рис. 3. Пространственные модели освоения территорий. Линейный тип. Останец на правом берегу р. Конда. Поселения на останце группируются вдоль старичного русла, в глубине останца расположен промысловый объект

Fig. 3. Spatial models of territorial development. Linear type. A terrace remnant on the right bank of the Konda River. Settlements on the terrace remnant are grouped along an old riverbed; an industrial site is located in the interior

Рис. 4. Пространственные модели освоения территорий. Приозерный тип. Объекты сверху приурочены к озеру
Fig. 4. Spatial models of territorial development. Lakeside type. Objects from above are associated with a lake

Рис. 5. Пространственные модели освоения территорий. Приозерный тип. Объекты сверху приурочены к озеру Деревенскому (Заборскому), левее и ниже – к протоке
Fig. 5. Spatial models of territorial development. Lakeside type. Objects from above are associated with Derevenskoye (Zaborskoye) Lake; to the left and below – associated with a channel

Рис. 6. Пространственные модели освоения территорий. Фоновый тип. Большинство объектов тяготеет к руслу и к пойме р. Большая Умытъя; два памятника археологии локализуются на водоразделе

Fig. 6. Spatial models of territorial development. Background type. Most objects are concentrated along the channel and floodplain of the Bolshaya Umytya River; two archaeological sites are located on a watershed

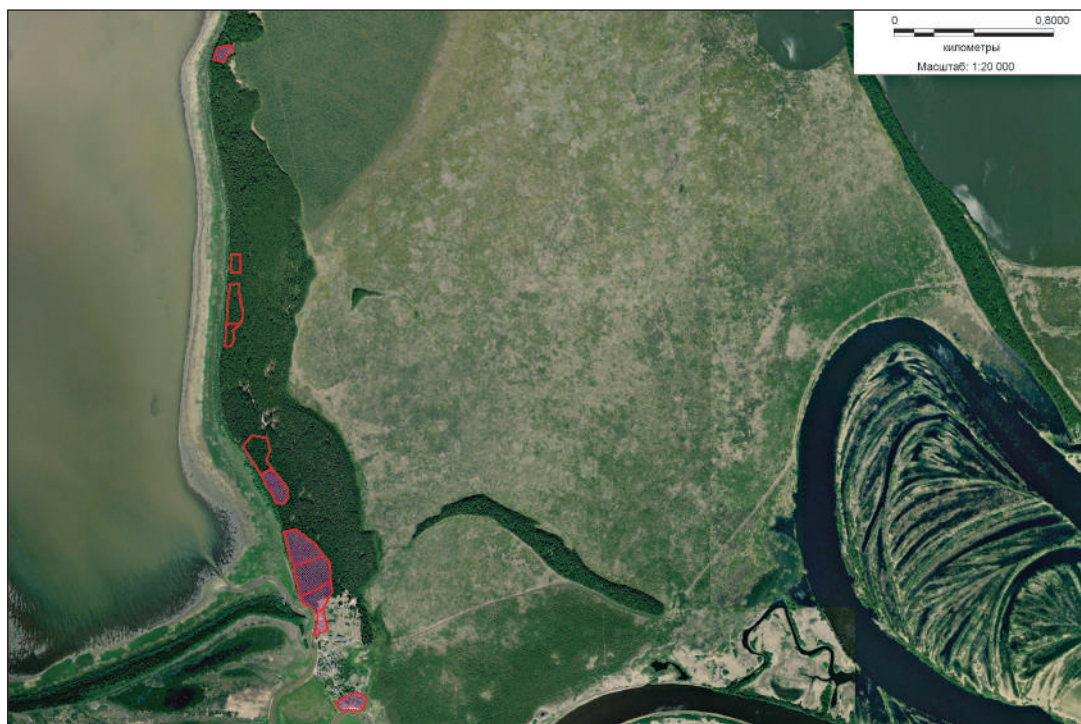

Рис. 7. Неолитические объекты на останце возле Никулькинского Тумана. Штриховкой отмечены памятники, которые датированы эпохой неолита

Fig. 7. Neolithic sites on a terrace remnant near Nikulkinsky Tuman. Neolithic monuments are marked with hatching

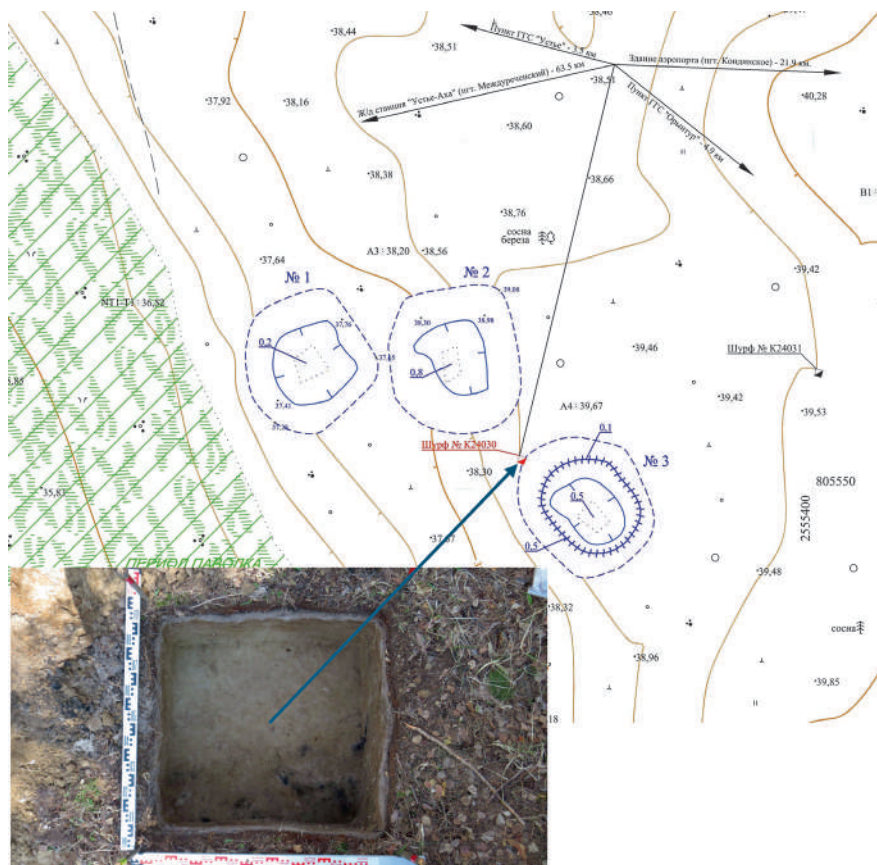

Рис. 8 а. Место отбора пробы угля на поселении Никулькинский Туман 1

Fig. 8 a. Site of coal sample collection at the Nikulkinsky Tuman 1 settlement

РЕЗУЛЬТАТЫ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ

Лабораторный номер	Описание образца	Место отбора	Радиоуглеродный возраст	Календарный возраст
ИМКЭС-14С3102	Угли (глубина от поверхности 0,6 м)	Поселение Никулькинский Туман 1. Шурф К24030 ХМАО-Югра, Кондинский район, 63,5 км к востоку-северо-востоку от ж/д ст. Устье-Аха 1,15 км к северо-северо-западу от д. Никулина (пристань). Левый берег р. Конда (левый приток р. Иртыш), восточный берег оз. Никулькинский Туман	6950±170	По 1σ (68%) 5989-5672BC По 2σ (95%) 6215-5535BC Среднее вероятн. Значение -5840BC

1

RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAM*
CALIB REV8.2

Copyright 1986-2020 M Stuiver and PJ Reimer

*To be used in conjunction with:

Stuiver, M., and Reimer, P.J., 1993, Radiocarbon, 35, 215-230.

Sample ID

3102

Description

Radiocarbon Age BP 6950 +/- 170

Calibration data set: intcal20.14c

% area enclosed cal AD age ranges

68.3 (1 sigma)

cal BC 5989- 5710

5688- 5672

95.4 (2 sigma)

cal BC 6215- 6184

6174- 6144

6092- 5535

Reimer et al. 2020

relative area under
probability distribution

0.959

0.041

0.011

0.011

0.978

Median Probability: -5840

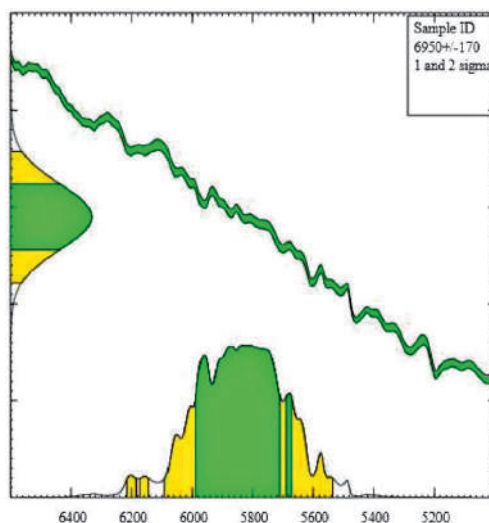

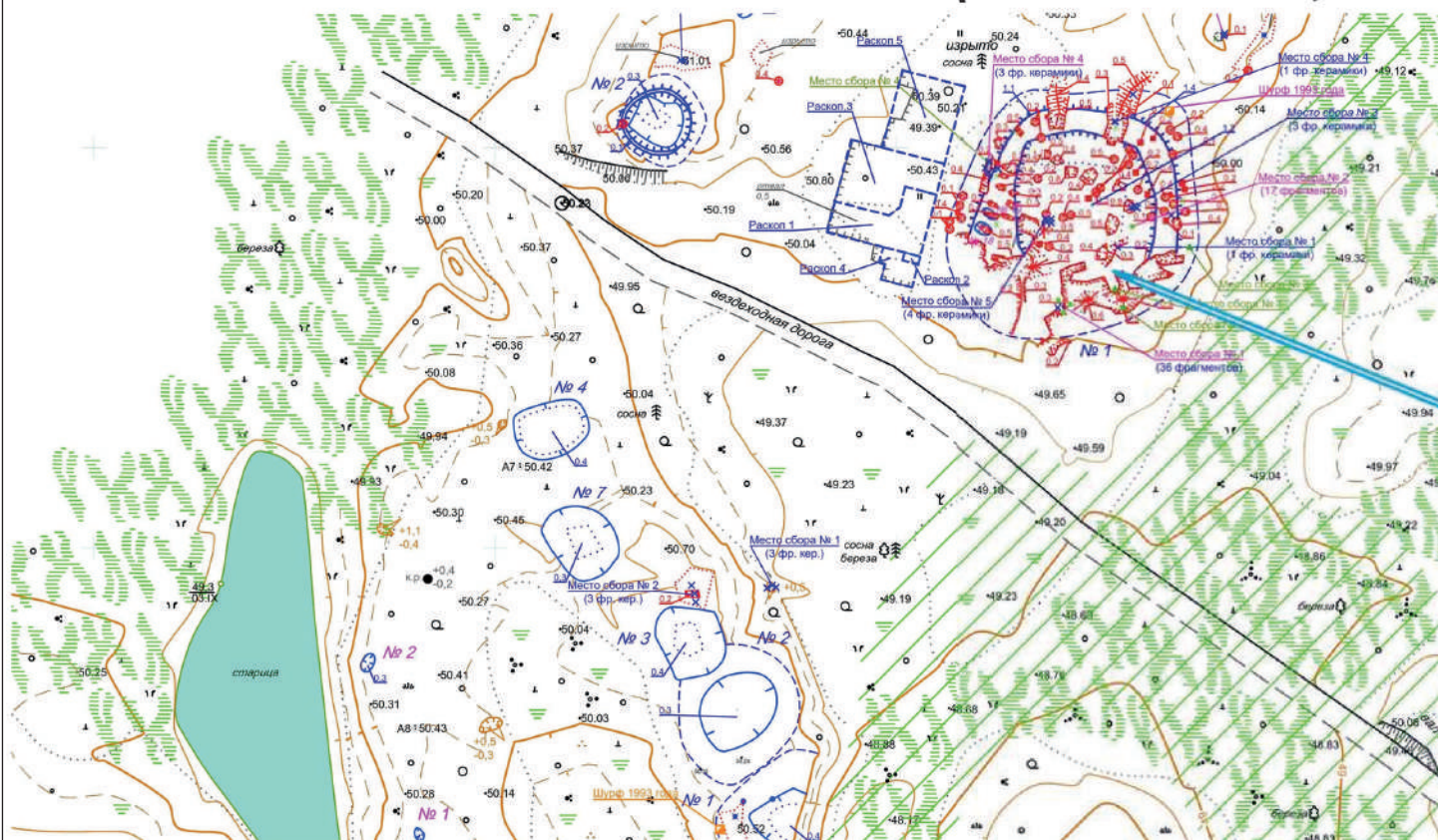
Рис.1. График калибровки радиоуглеродного возраста в календарный (образец №1)

Датировка углистых конструкций сооружения № 3, зафиксированных в шурфе № К24030, сопоставима со средним неолитом исследуемой территории: по 1σ (68%) 5989-5672BC; по 2σ (95%) 6215-5535BC. Среднее вероятностное значение -5840BC

Рис. 8 б. Место отбора пробы угля на поселении Никулькинский Туман 1

Fig. 8 b. Site of coal sample collection at the Nikulkinsky Tuman 1 settlement

Поселение Большая Умытъя 28/1 (Б.Умытъя 28, Юго

Поселение Большая Умытъя 30/2 (Б.Умытъя 31, Юго

Рис. 9. Неолитические памятники на грядах и останцах в пойме р. Большая Умытъя приурочены к ложбинам стока крупного палеозера и затонным озерам

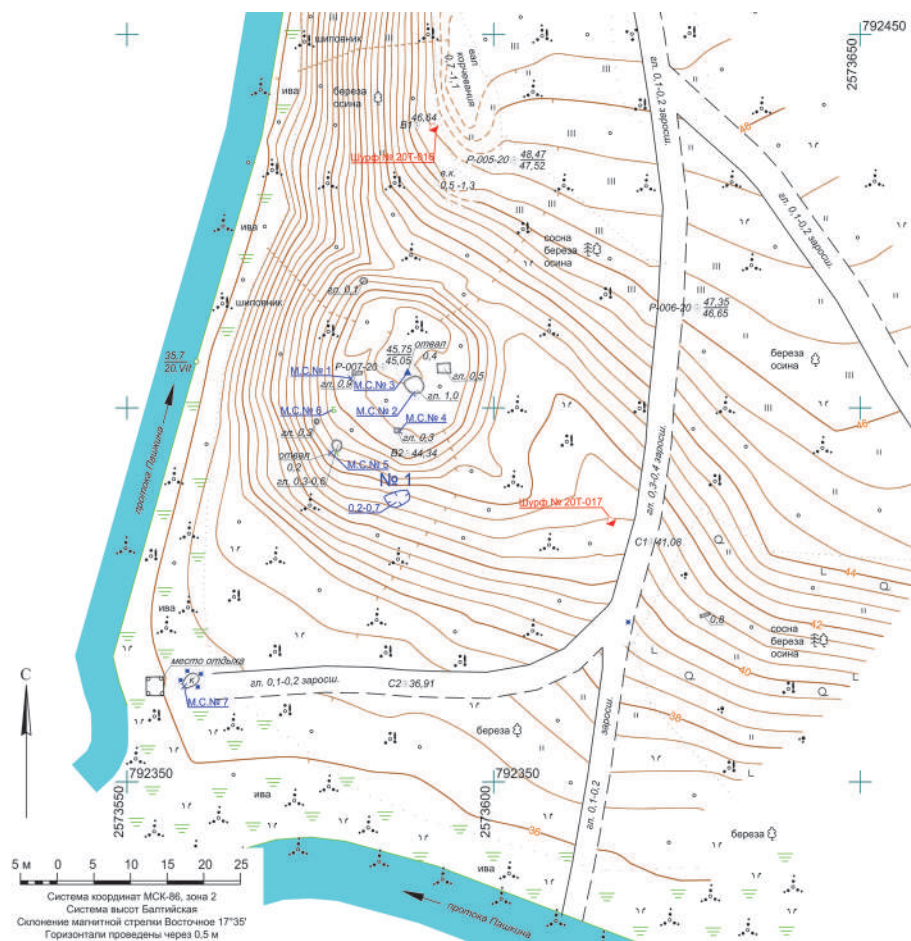

Рис. 10. Топография холма на поселении Пашкин Бор 5
Fig. 10. Topography of the hill at the Pashkin Bor 5 settlement

Рис. 11. Энеолитические объекты в Волвончинском и Деревенском борах (показаны штриховкой). Синей линией показаны очертания останцов, зеленой – затопляемые гряды, фиолетовой – отмирающая протока р. Юконда
Fig. 11. Eneolithic sites in the Volvonchinsky and Derevensky forests (marked with hatching). Blue lines show the terrace remnant outlines, green – flooded ridges, purple – a dying channel of the Yukonda River

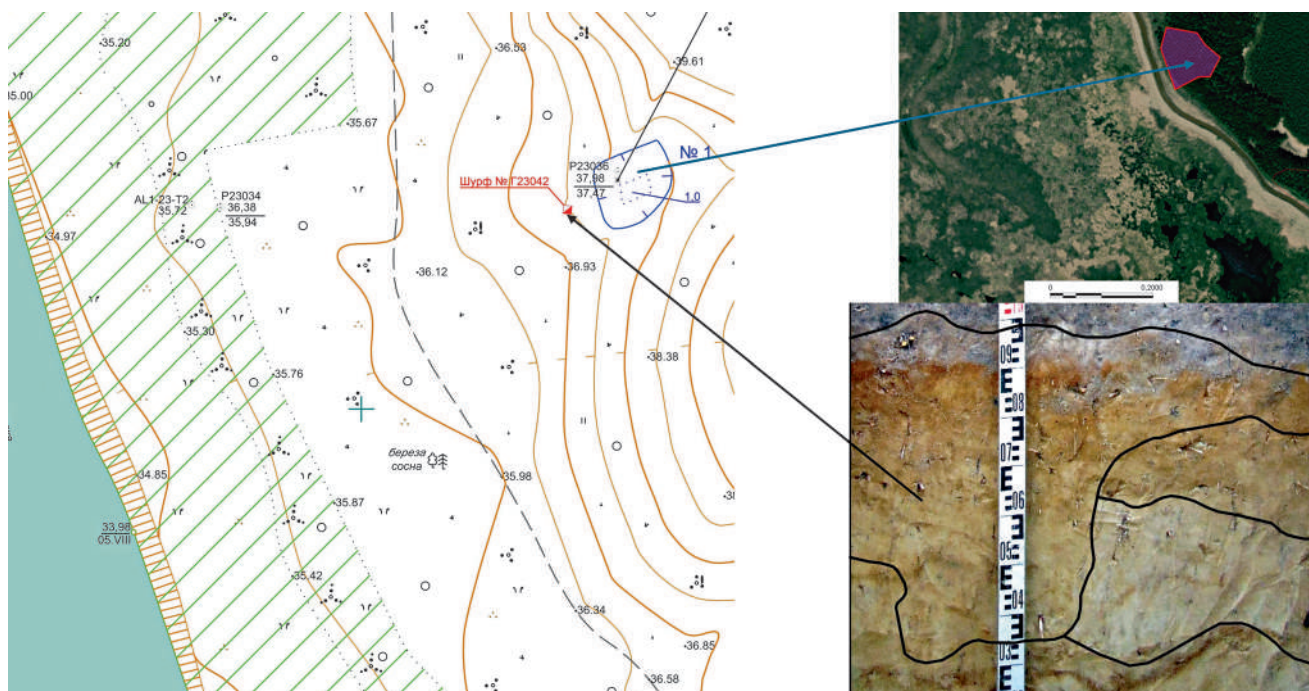

Рис. 12. Гармонично вписанное в ландшафт сооружение на поселении Алымский Бор 1 (слева), его местоположение (справа сверху) и стратиграфия (справа внизу)

Fig. 12. A structure harmoniously integrated into the landscape at the Alymsky Bor 1 settlement (left), its location (top right), and stratigraphy (bottom right)

Рис. 14. Расположение энеолитических объектов в бассейне реки Ушенья

Fig. 14. Distribution of Eneolithic sites in the Ushenya River basin

Рис. 13. Энеолитические объекты в бассейне рек Малая и Большая Учинья. Синим цветом показана деградировавшая сеть проточных озер

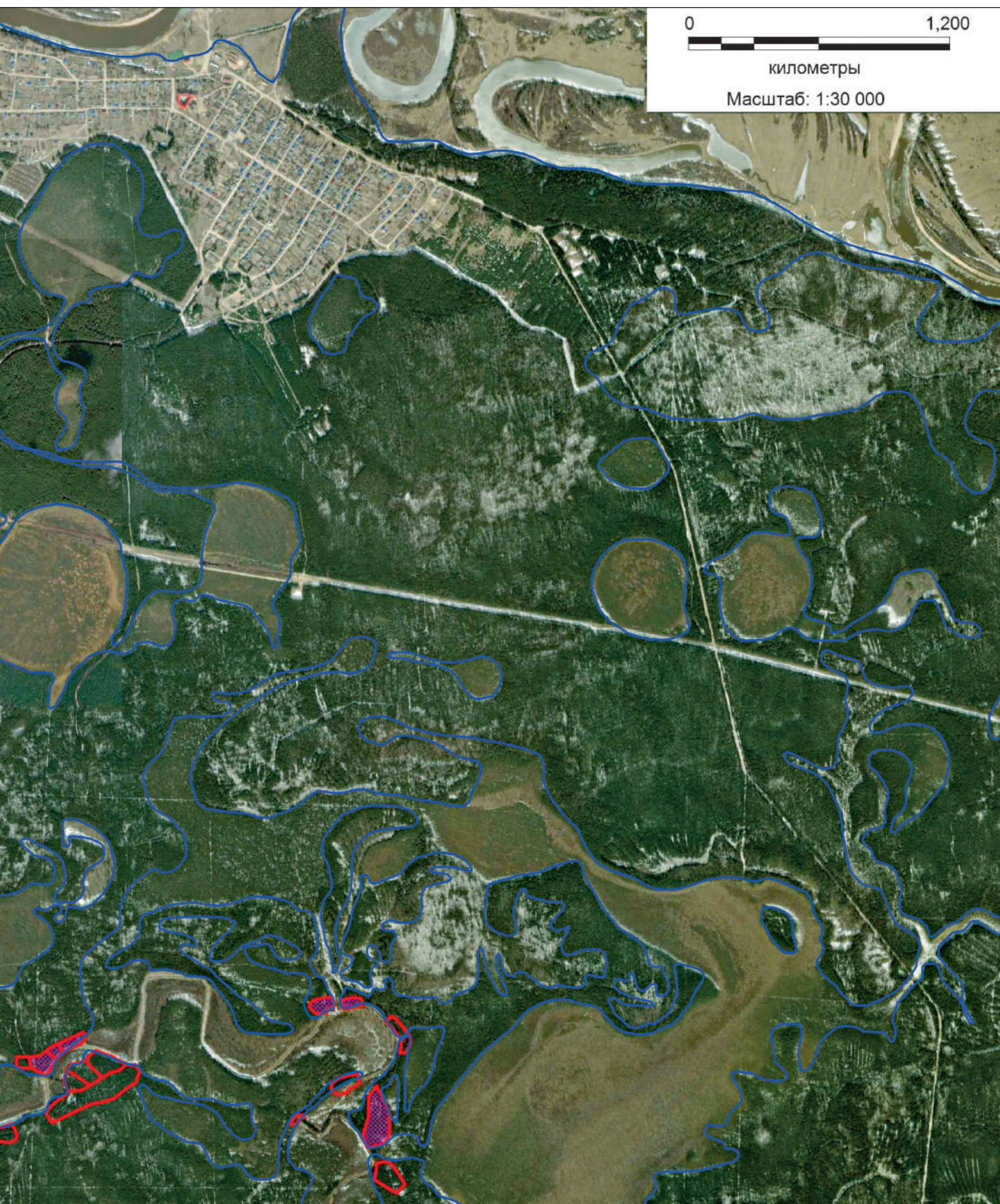

Fig. 13. Eneolithic sites in the basins of the Malaya and Bolshaya Uchin'ya rivers. The degraded network of flow-through lakes is shown in blue

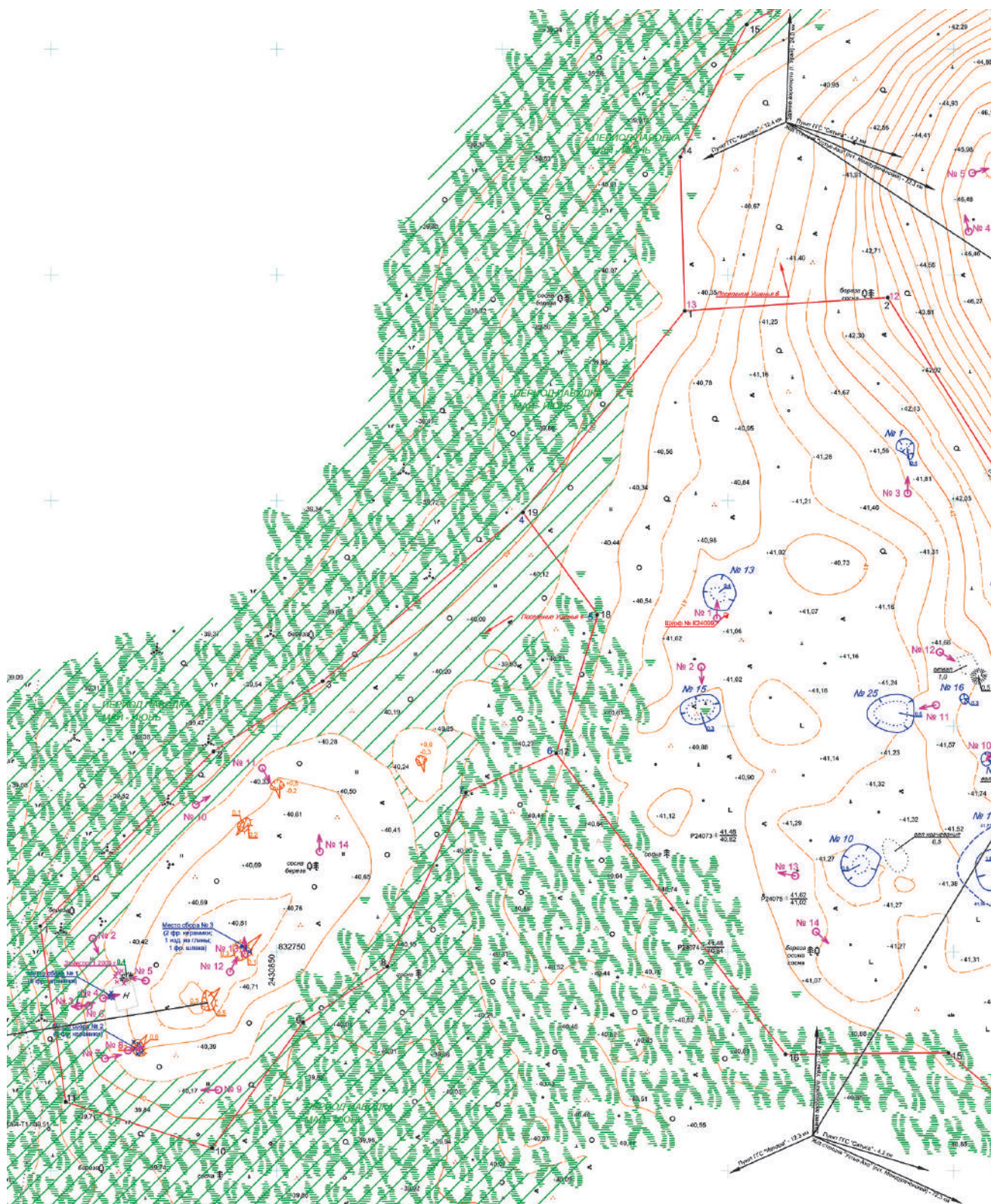
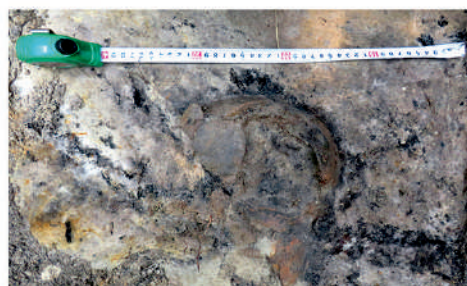

Рис. 15. Фрагмент топографического плана поселений Ушенья 4, 5 (слева), уровни фиксации -0,50 м и -0,60 м шурфа № К24099, энеолитические сосуды in situ (справа и справа сверху), результаты радиоуглеродного датирования энеолитической постройки (справа внизу)

Поселение Ушенья 5.
Шурф № K24099.
Горизонт фиксации 40.67 м
(-0.50 м от уровня современной
дневной поверхности)

Поселение Ушенья 5.
Шурф № K24099.
Горизонт фиксации 40.57 м
(-0.60 м от уровня
современной дневной
поверхности)

1

RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAM*

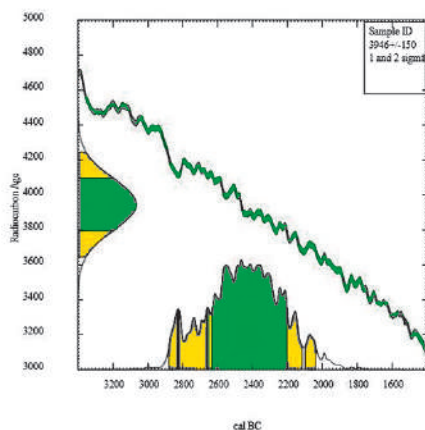
CALIB REV5.2

Copyright 1996-2020 H Stuiver and P J Reimer

*To be used in conjunction with:

Stuiver, M., and Reimer, P.J., 1993, Radiocarbon, 55, 215-230.

Sample ID	3109	
Description		
Radiocarbon Age BP	2946 ± 150	
Calibration date act:	IntCal20.18c	
5 Area enclosed	rel 20 age ranges	# Reimer et al. 2020
		relative area under
		probability distribution
68.3 (1 sigma)	cal BC 2828 - 2201	0.000
	2663 - 2652	0.017
	2623 - 2201	0.570
95.4 (2 sigma)	cal BC 2879 - 2315	0.966
	2059 - 2057	0.058
Median Probability:	2443	

По 1σ (68%)
2828-2201BC
По 2σ (95%)
2879-2037BC
Среднее вероятн.
Значение
-2443BC

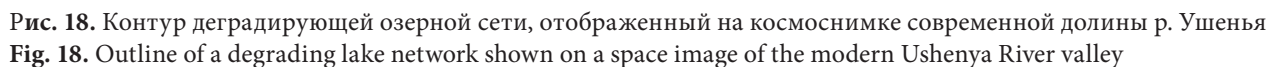
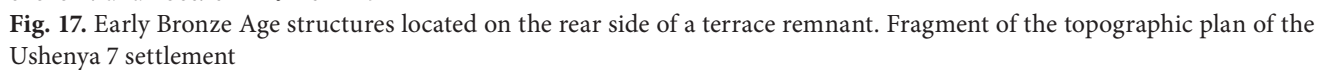
Fig. 15. Fragment of the topographic plan of the Ushenya 4 and 5 settlements (left), fixation levels at -0.50 m and -0.60 m of pit No. K24099, Eneolithic vessels in situ (right and top right), results of radiocarbon dating of the Eneolithic construction (bottom right)

Рис. 16. Энеолитические сосуды, залегающие в шурфе № K24099 на глубине 40.62–40.57 м (от -0.55 до -0.60 м от уровня современной дневной поверхности) на поселении Ушенья 5

Fig. 16. Eneolithic vessels found in pit No. K24099 at a depth of 40.62–40.57 m (from -0.55 to -0.60 m below the modern ground surface) at the Ushenya 5 settlement

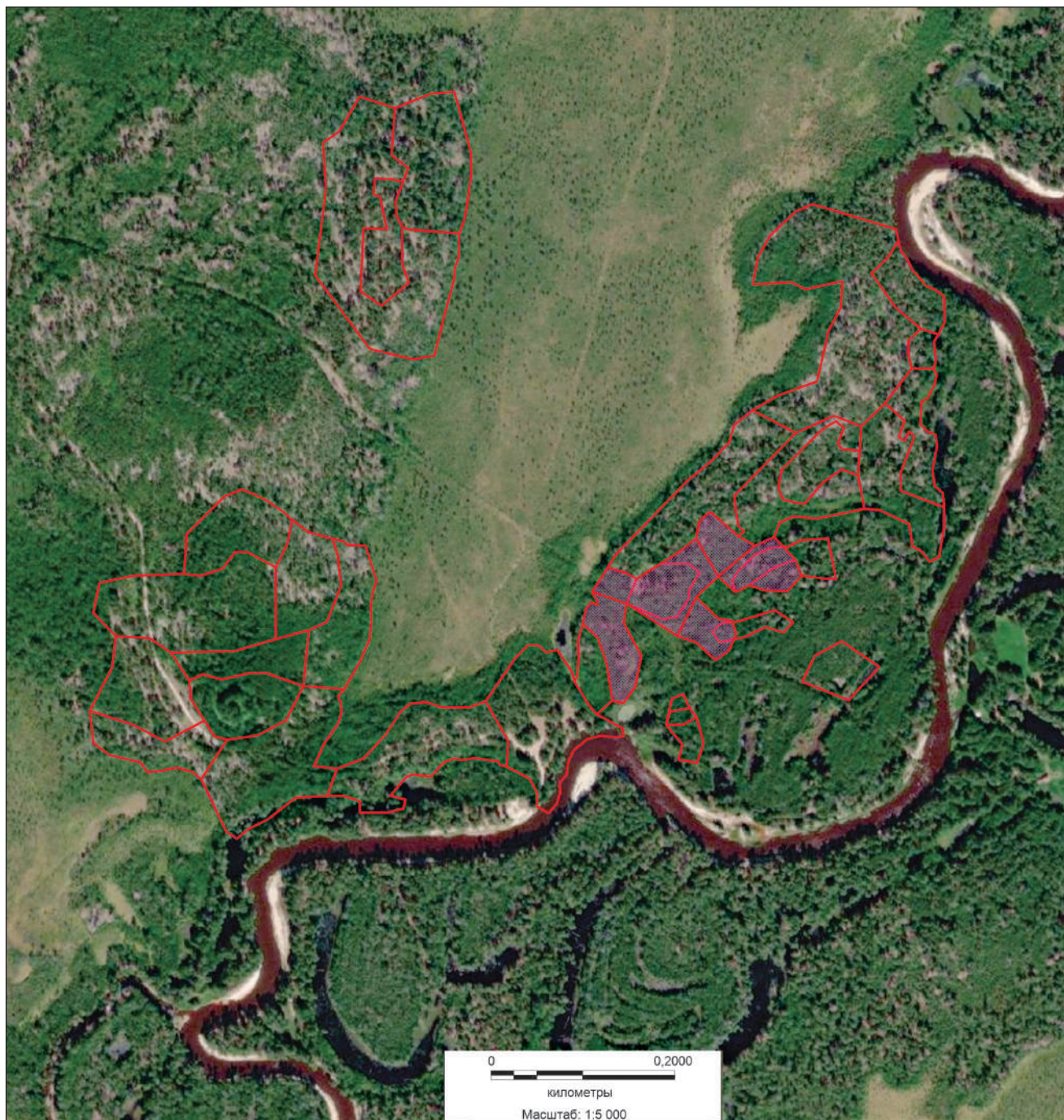

Рис. 19. Пойменные урочища эпохи ранней и поздней бронзы в низовьях р. Большая Умытъя (объекты отмечены штриховкой)

Fig. 19. Floodplain locations of Early and Late Bronze Age in the lower reaches of the Bolshaya Umytya River (objects marked with hatching)

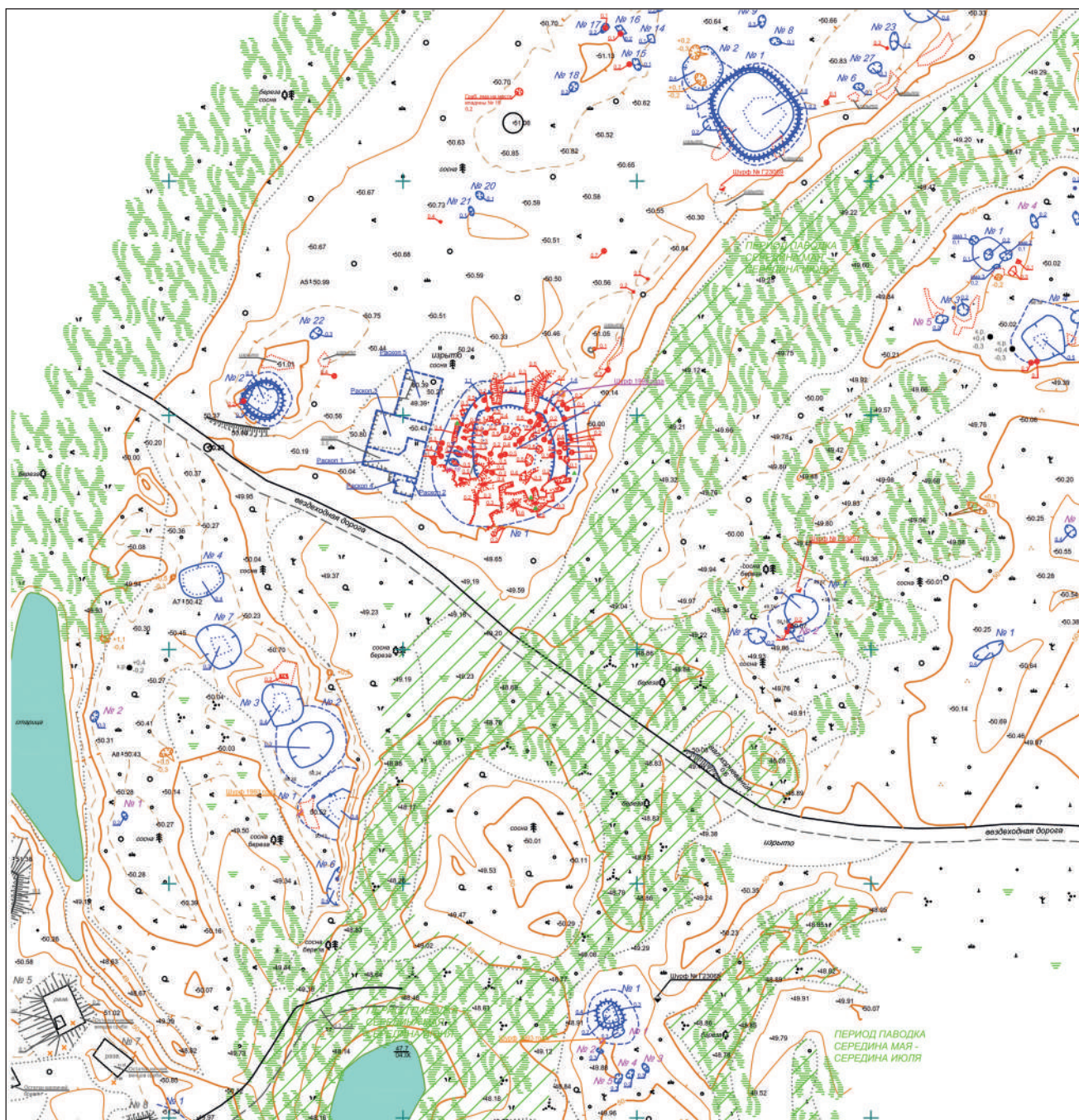

Рис. 20. Участок поймы р. Большая Умытъя с объектами эпох ранней и поздней бронзы. Фрагмент топографического плана

Fig. 20. Section of the floodplain of the Bolshaya Umytya River with objects from the Early and Late Bronze Ages. Fragment of a topographic plan

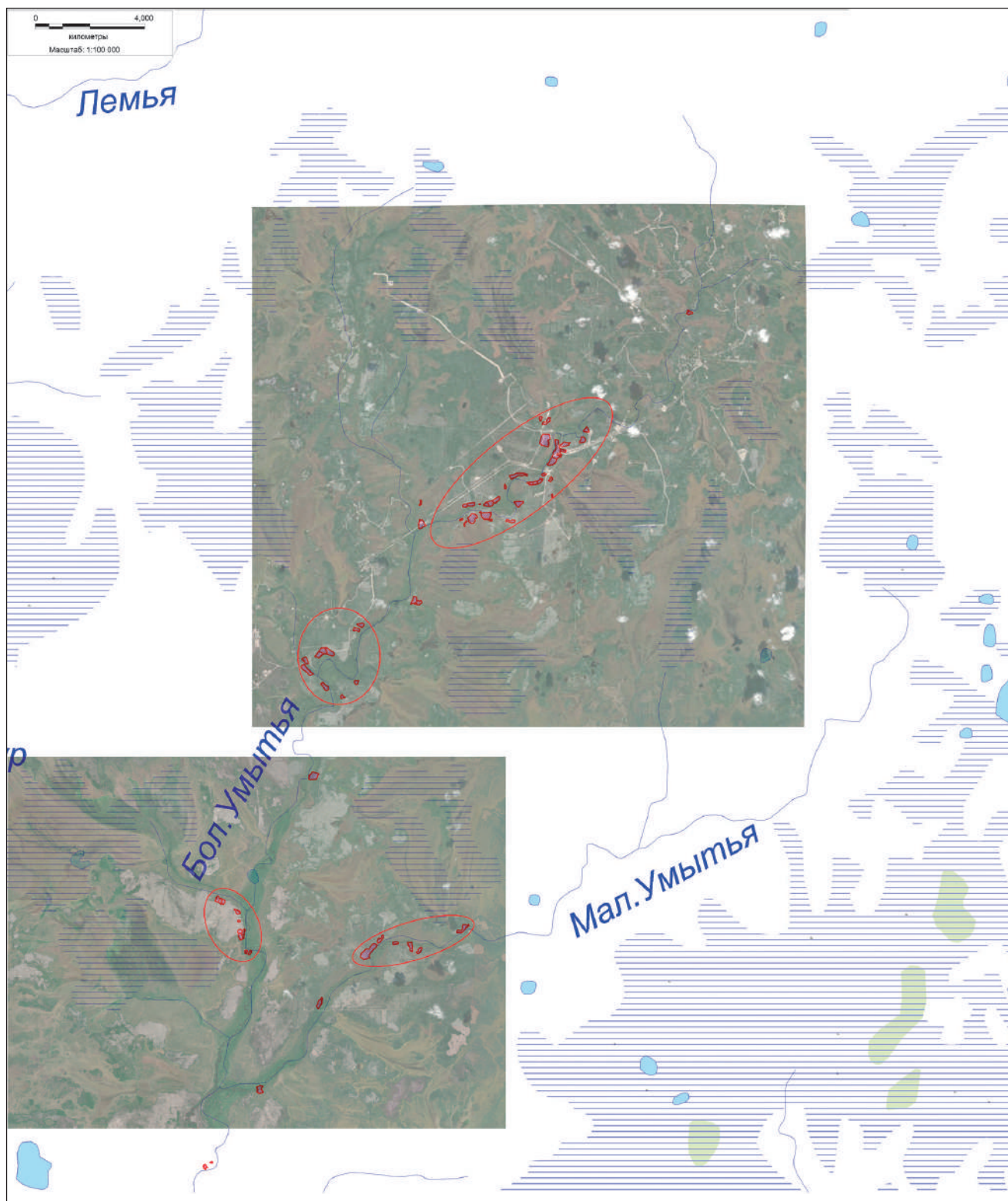

Рис. 21. Места фиксации кульминских древностей в бассейне р. Большая Умытья и ее притоков. Эллипсами выделены участки с высокой концентрацией объектов

Fig. 21. Locations of Kulminsky cultural artifacts in the basin of the Bolshaya Umytya River and its tributaries. Areas of high object concentration are outlined with ellipses

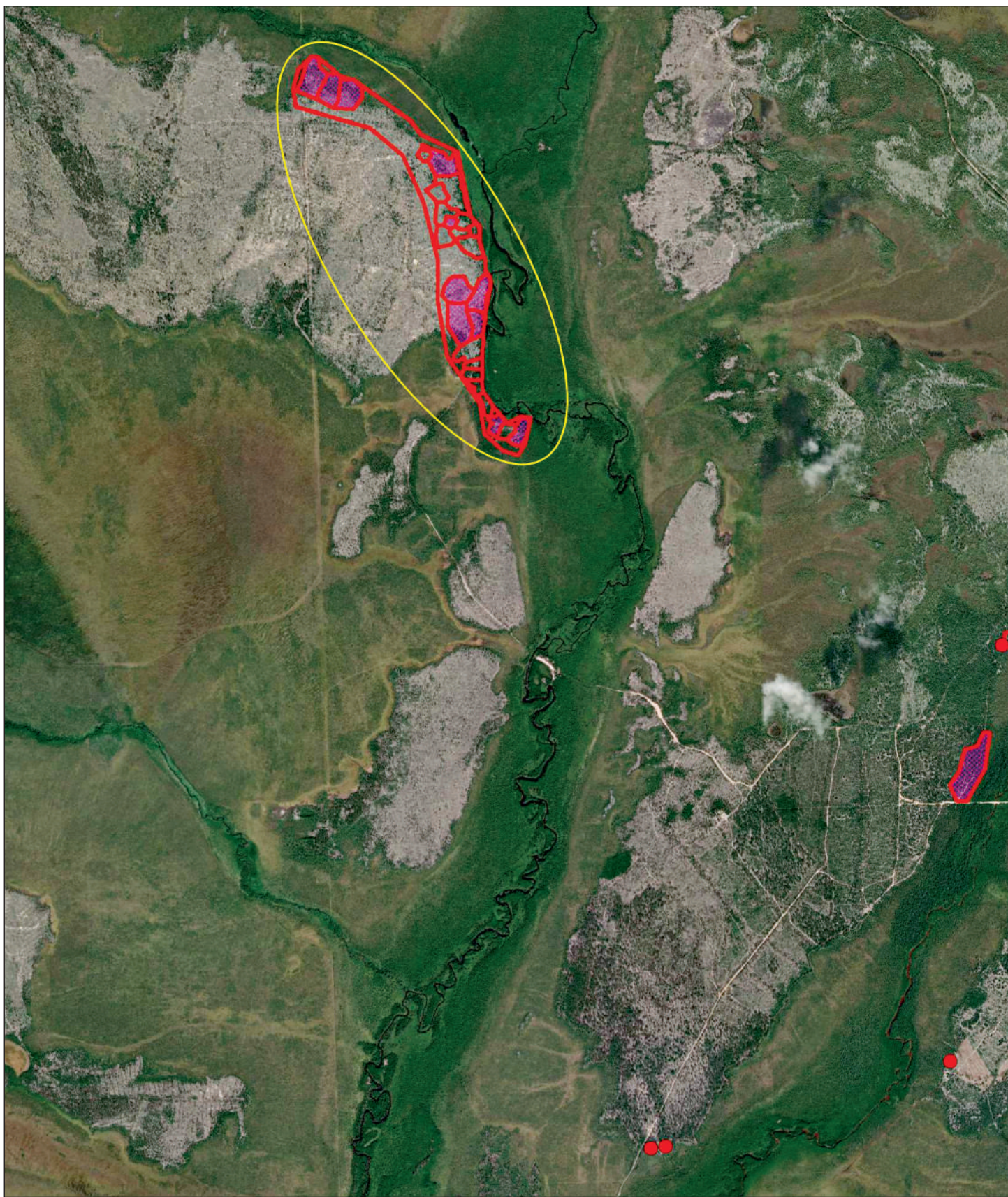

Рис. 22. Места расположения долговременных кульминских и синдейских укрепленных поселенческих комплексов (выделены эллипсами) в низовьях р. Большая Умыт'я

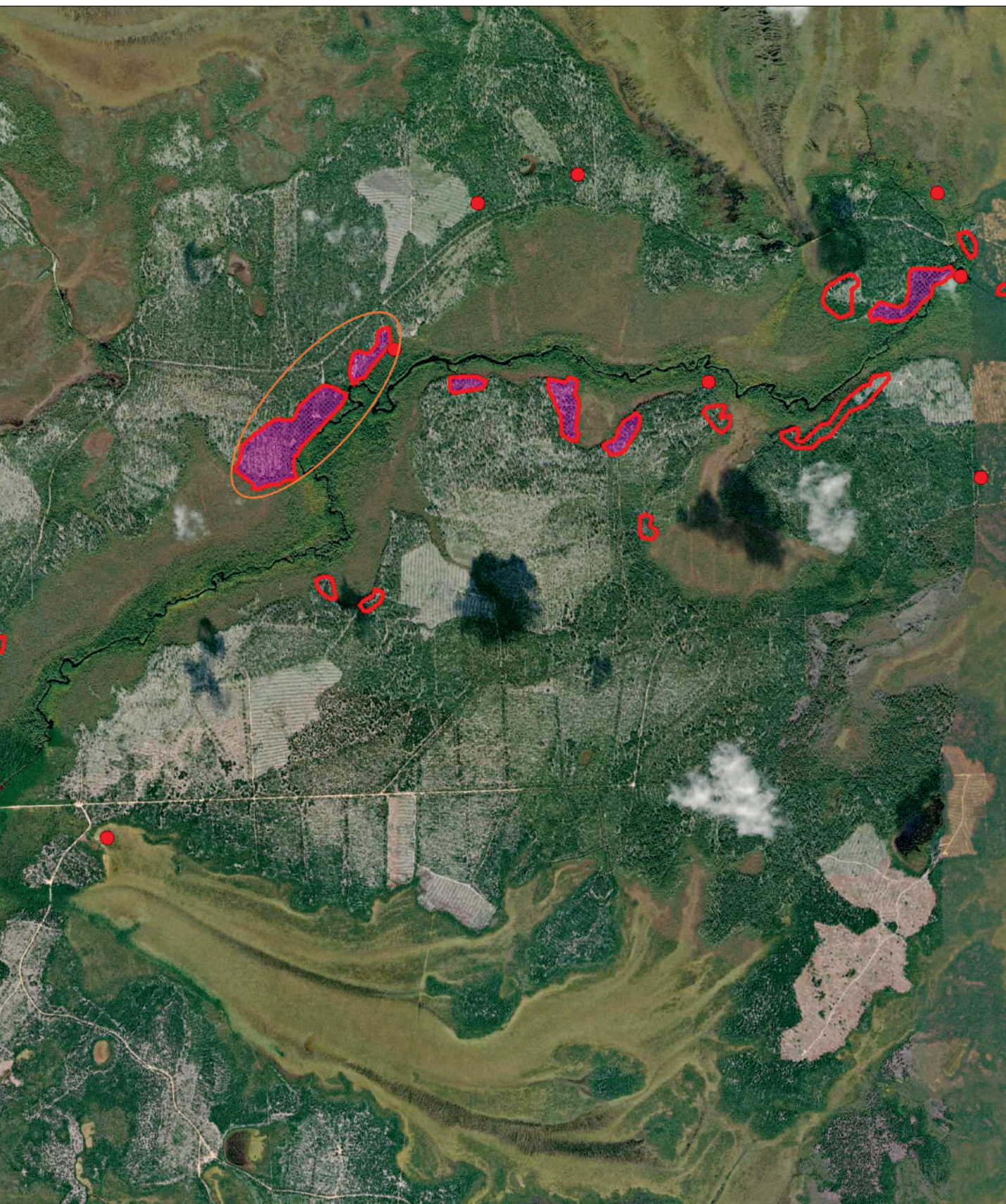

Fig. 22. Locations of long-term Kulminsky and Sindeysky fortified settlement complexes (highlighted with ellipses) in the lower Bolshaya Umytya River basin

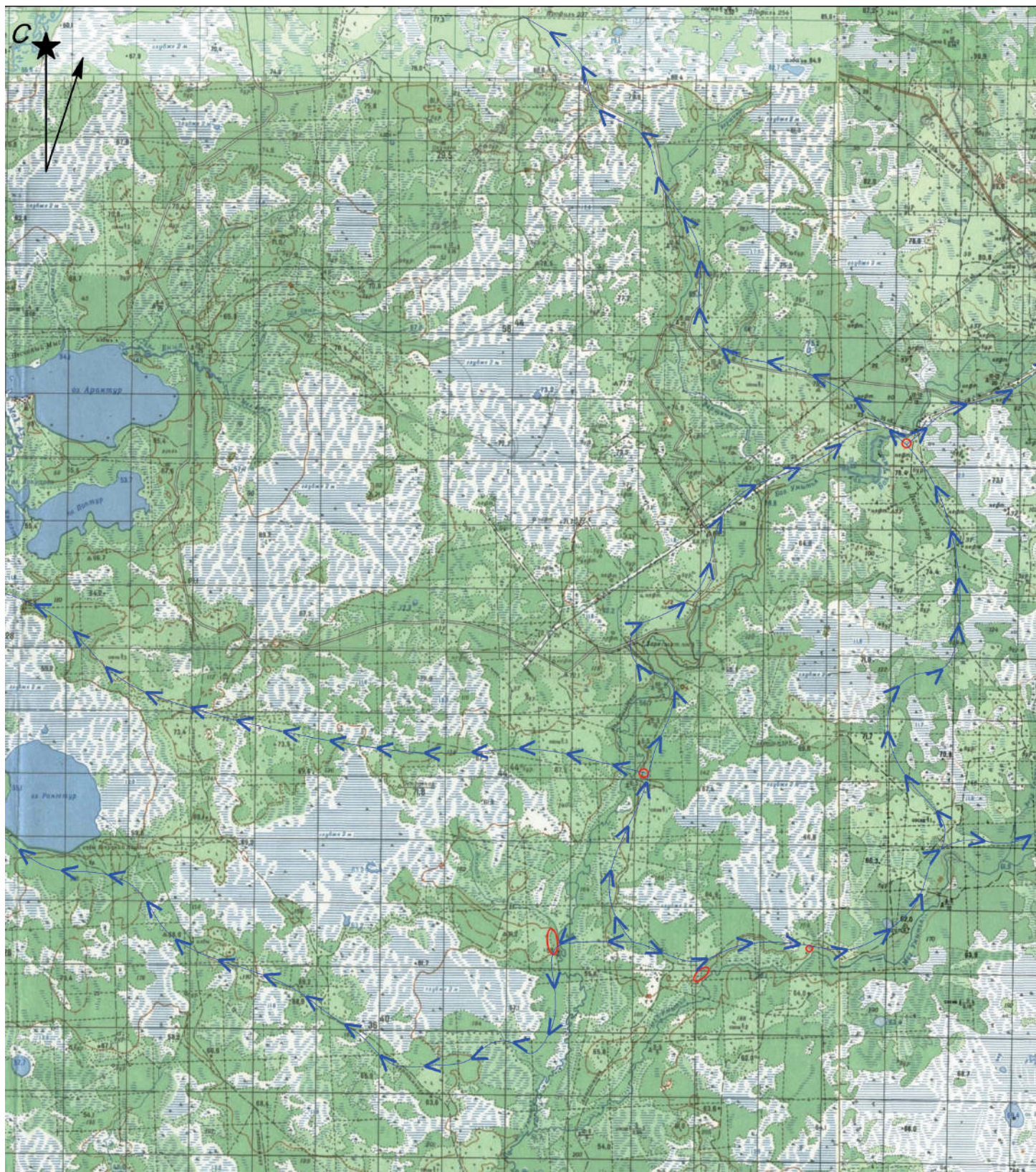

Рис. 23. Схема расположения кульминских и синдейских укреплений и городищ с наиболее оптимальными промыслово-хозяйственными маршрутами

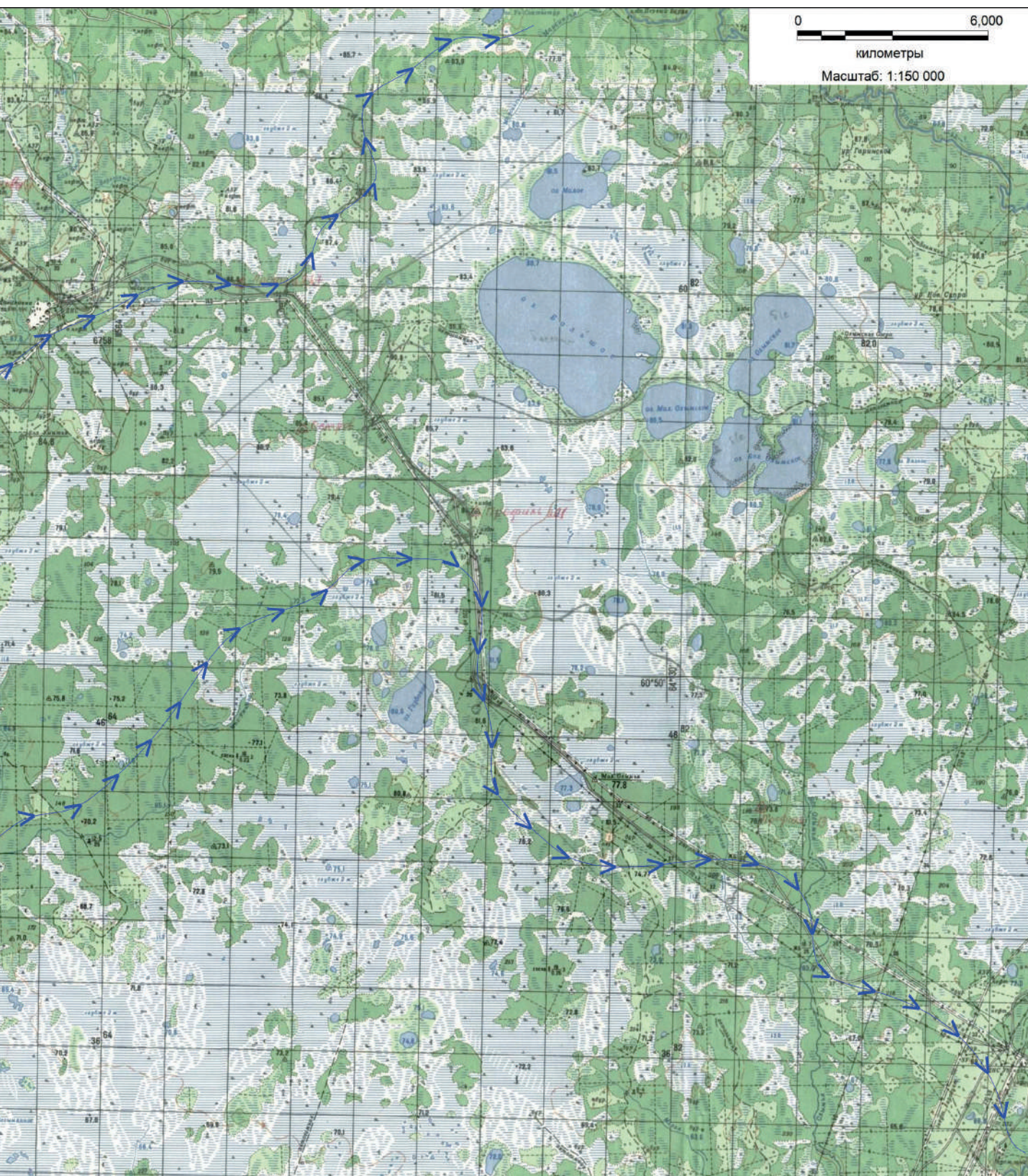

Fig. 23. Scheme of the location of Kulminsky and Sindeysky fortifications and hillforts with the most optimal industrial-economic routes

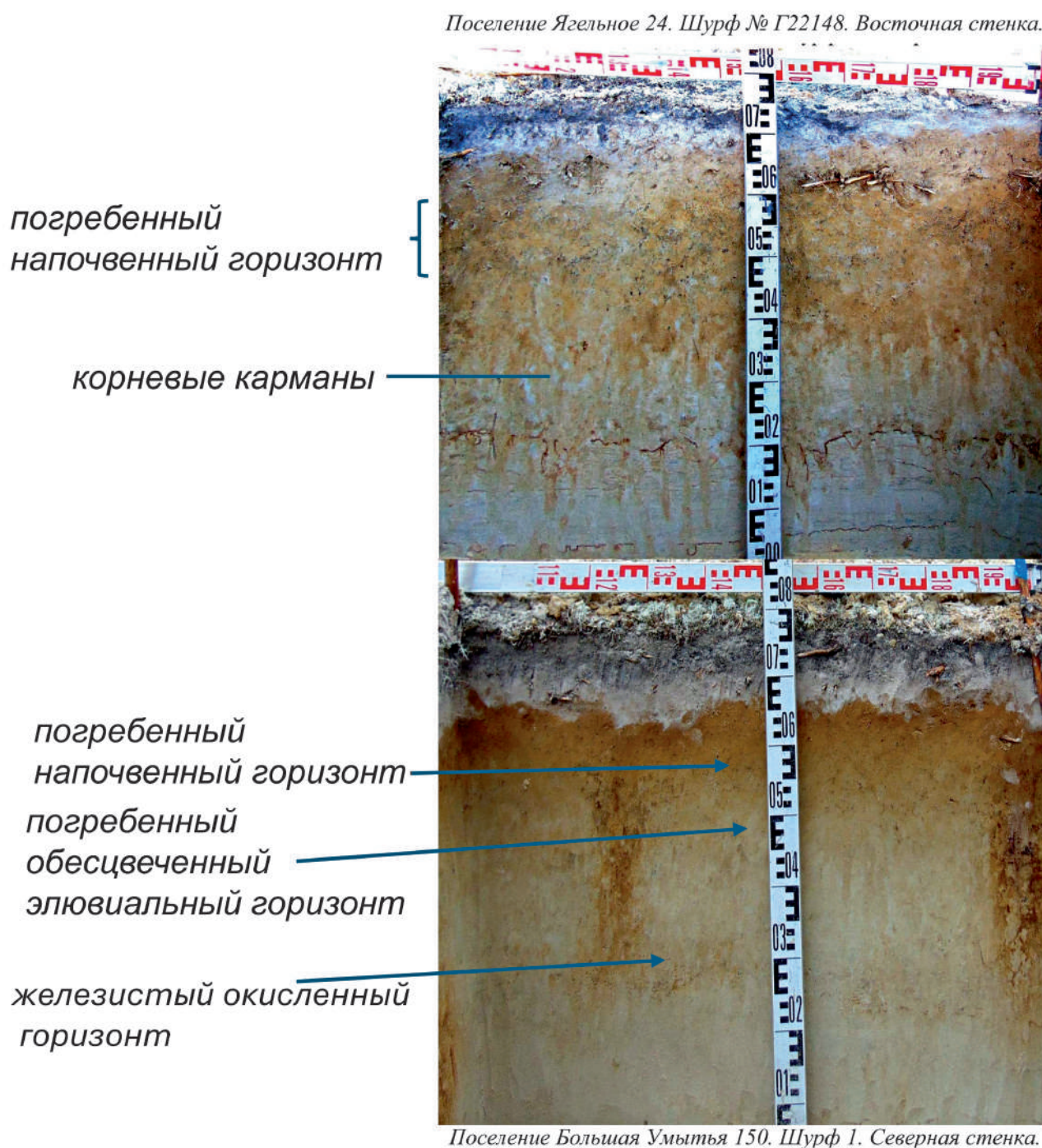
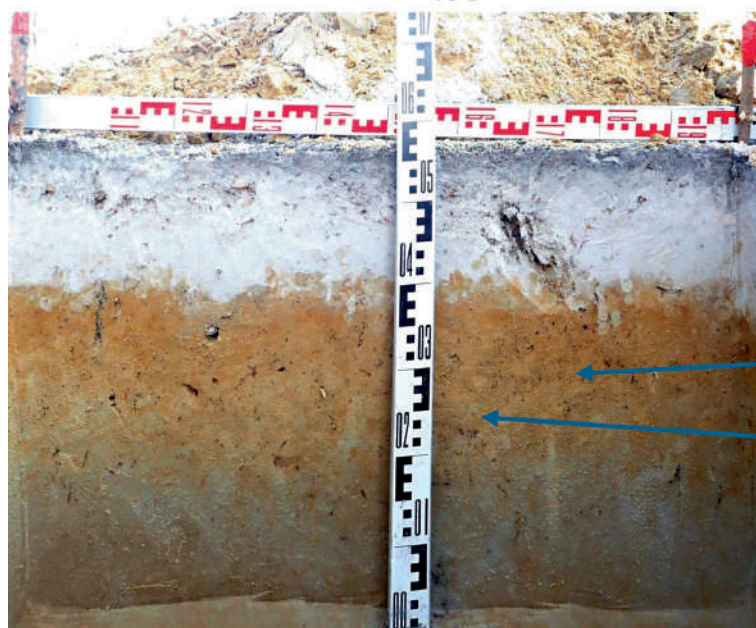

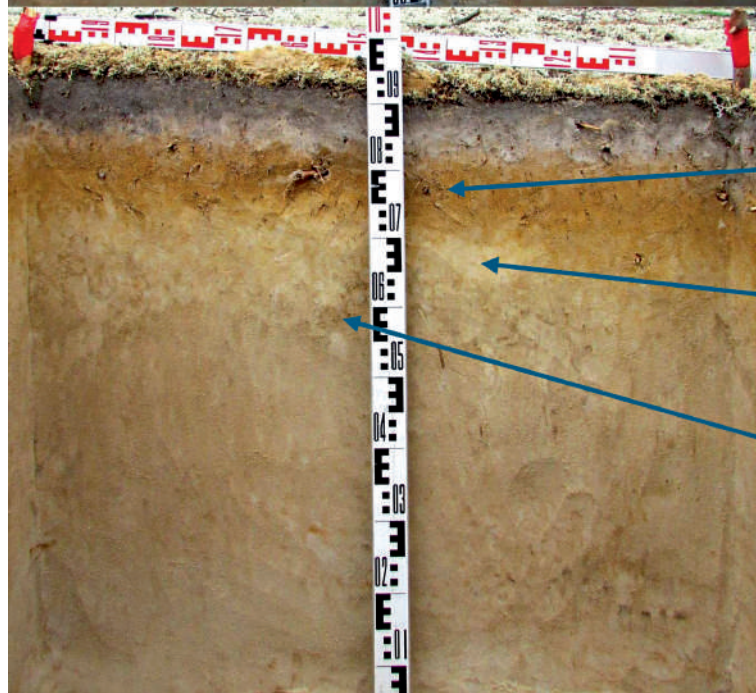
Рис. 24. Стенки шурфов с признаками наличия горизонта обитания, ассоциируемого с кульминскими и синдейскими древностями, погребенной древней дневной поверхности и других элементов древнего почвенного профиля

Поселение Большая Умытъя 149. Шурф 12. Восточная стенка

погребенный
напочвенный горизонт

погребенный
обесцвеченный
элювиальный горизонт

погребенный
напочвенный горизонт

погребенный
обесцвеченный
элювиальный горизонт

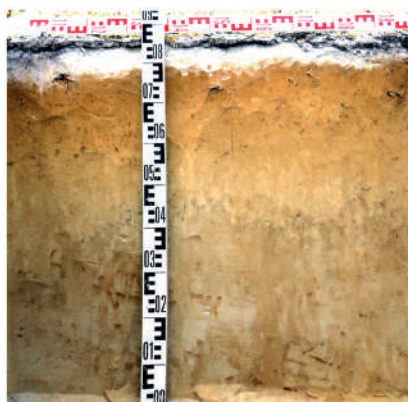
железистый окисленный
горизонт

Поселение Большая Умытъя 149. Шурф 13. Северная стенка.

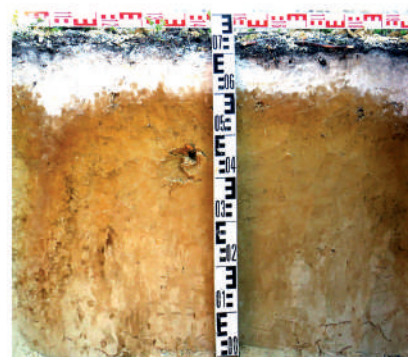
Fig. 24. Pit walls showing signs of habitation horizons associated with Kulminsky and Sindeysky artifacts, buried ancient land surfaces, and other elements of the ancient soil profile

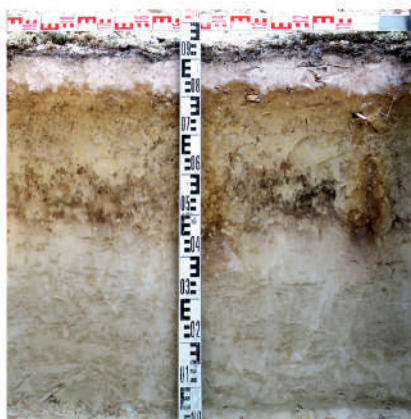
Поселение Б.Умытья 150. Шурф № 2.
Восточная стенка. [Неугодникова, 2023]

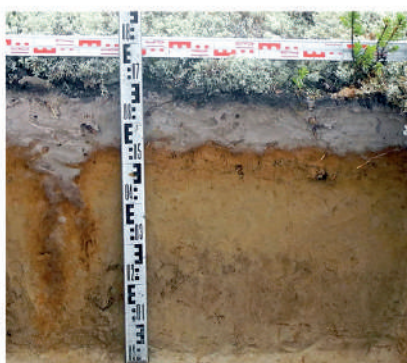
Местонахождение Ягельное 14.
Шурф № 22159. Западная стенка.
[Гнатив, 2023а.]

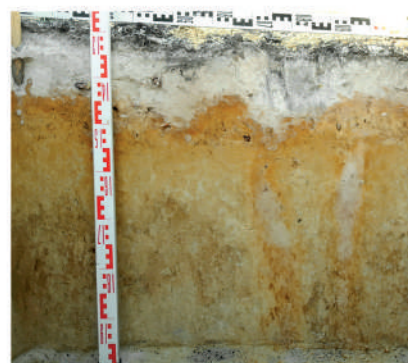
Местонахождение Ягельное 2.
Шурф № Г22145. Восточная стенка.
[Гнатив, 2023а]

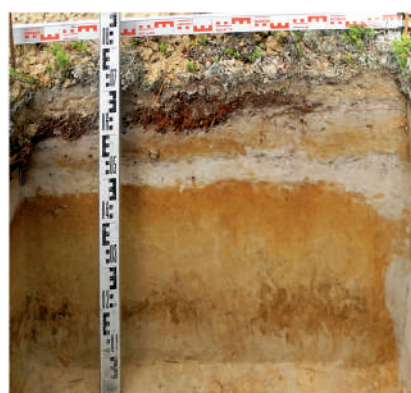
Поселение Б.Умытья 42/1
(Югорское 42). Шурф № Г23060.
Восточная стенка [Гнатив, 2023б]

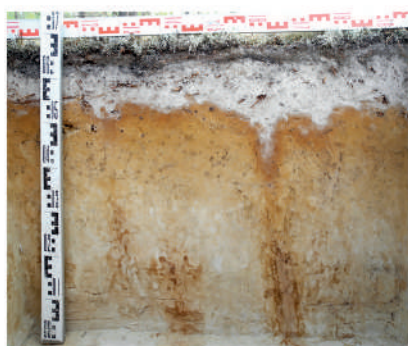
Поселение Большая Умытья 140.
Шурф № 1. Северная стенка
[Погодин, 2013]

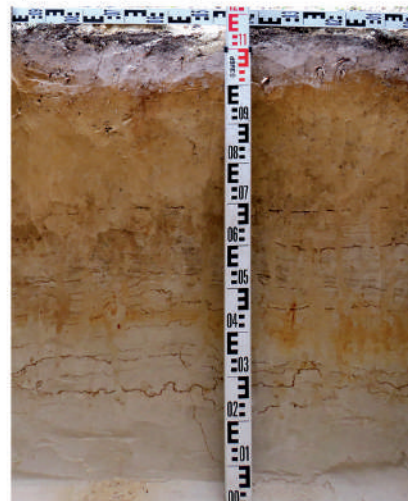
Поселение Большая Умытья 107.
Шурф № 2. Северная стенка
[Погодин, 2012]

Поселение Большая Умытья 127.
Шурф № 1. Западная стенка
[Погодин, 2013]

Местонахождение Б.Умытья 62.
Шурф № 2. Южная стенка
[Погодин, 2012]

Поселение Малая 3. Шурф № 24084.
Восточная стенка [Круземент, 2025]

Рис. 25. Примеры стенок шурфов с признаками наличия горизонта обитания, ассоциируемого с кульминскими и синдейскими древностями, погребенной древней дневной поверхности и других элементов древнего почвенного профиля

Fig. 25. Examples of pit walls with signs of habitation horizons associated with Kulminsky and Sindeysky artifacts, buried ancient land surfaces, and other elements of the ancient soil profile

Рис. 26. Стенки шурфов с турбированными верхними почвенными горизонтами в результате выпаса скота в настоящее время

Fig. 26. Pit walls with disturbed upper soil horizons due to modern-day livestock grazing

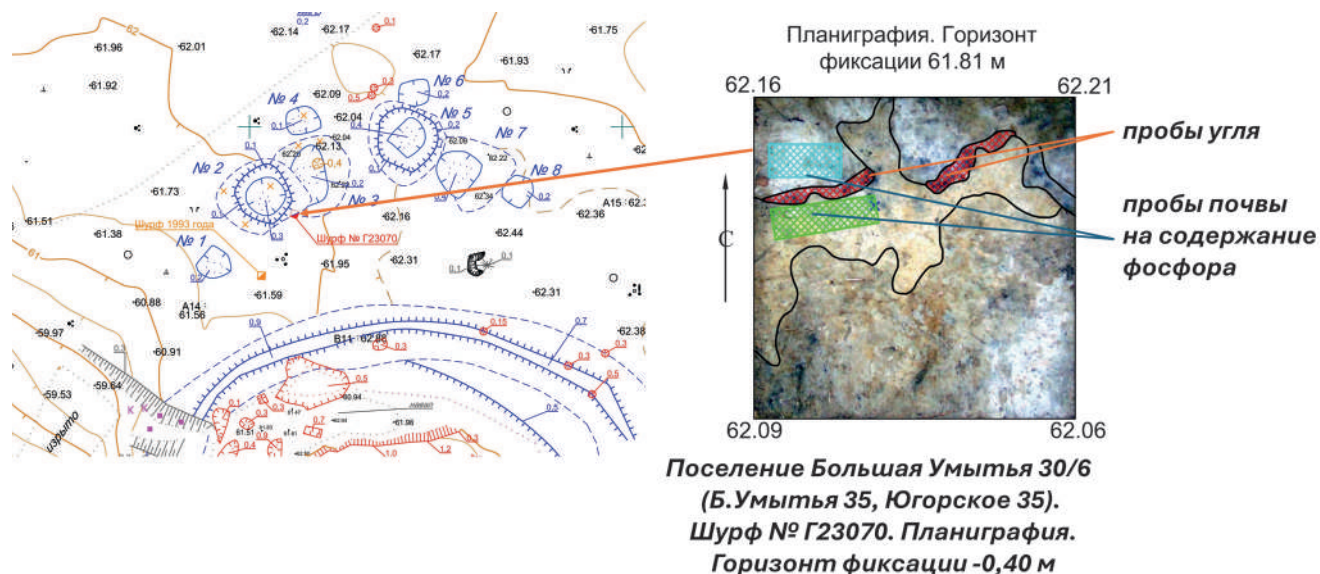
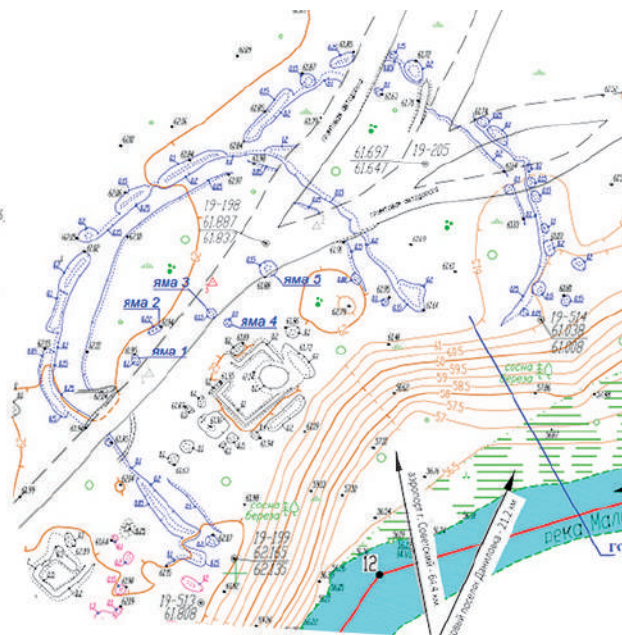
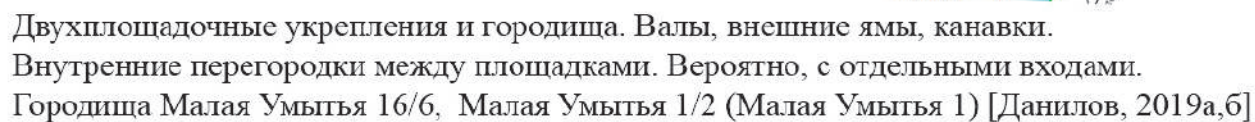
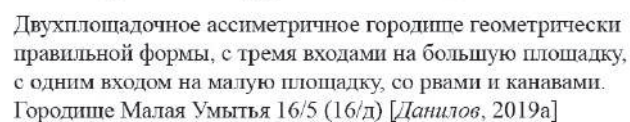
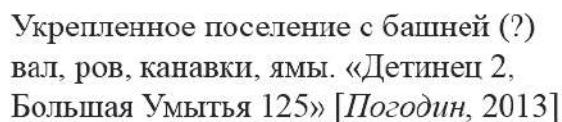
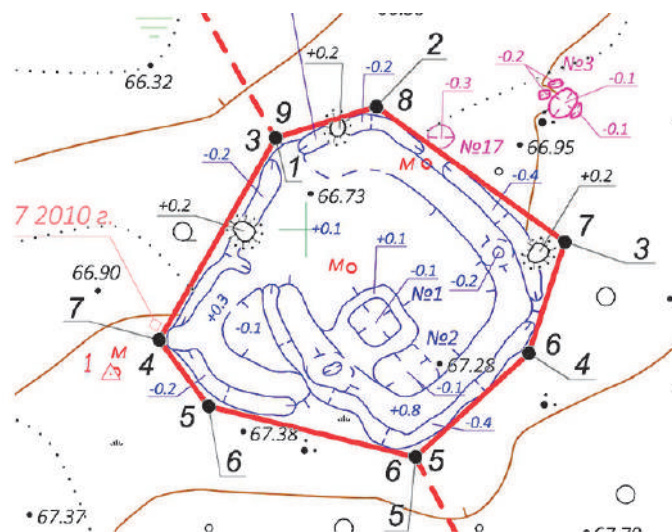

Рис. 31. Котлован синдейского сооружения на уровне консервации шурфа № 23070, заложенного на поселении Большая Умытъя 30/6 (Бол. Умытъя 35, Югорское 35). На фото планиграфии шурфа указаны места отбора проб

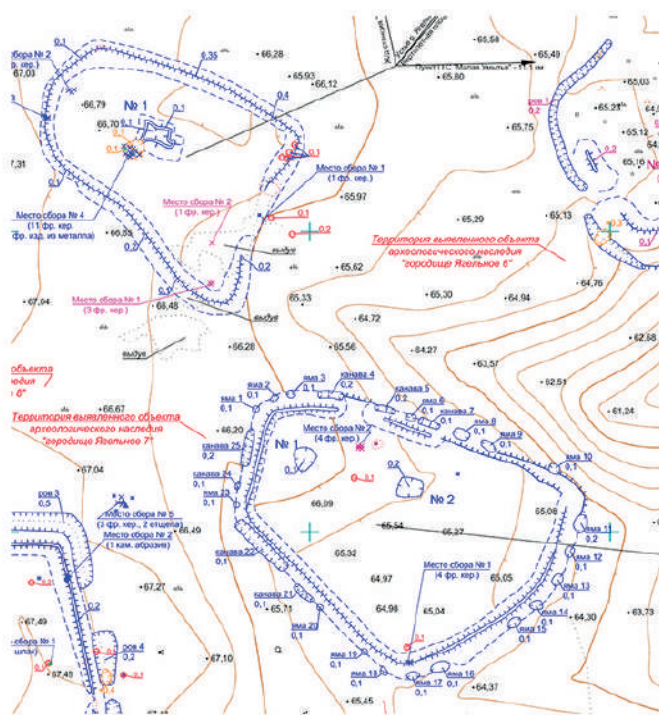
Fig. 31. Ditch of the Sindeysky structure at the conservation level in the pit No. G23070, excavated at the Bolshaya Umytya 30/6 settlement (Bol. Umytya 35, Yugorskoe 35). The photo of the pit's planigraphy shows the sampling locations

92

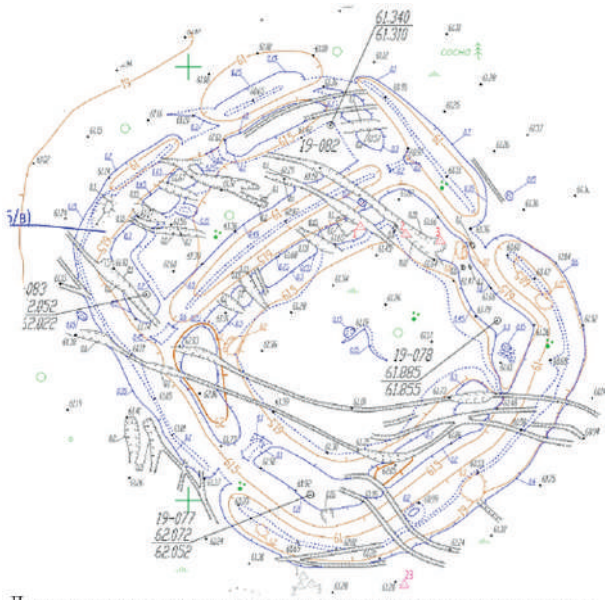

Городище с бастином, размер которого сопоставим с размером городища. Выраженный вал с внешними канавами. Возможно, башня также располагалась с внутренней стороны вала. Бастион вписан с внешней стороны первой линии укреплений, [Данилов, 20196]

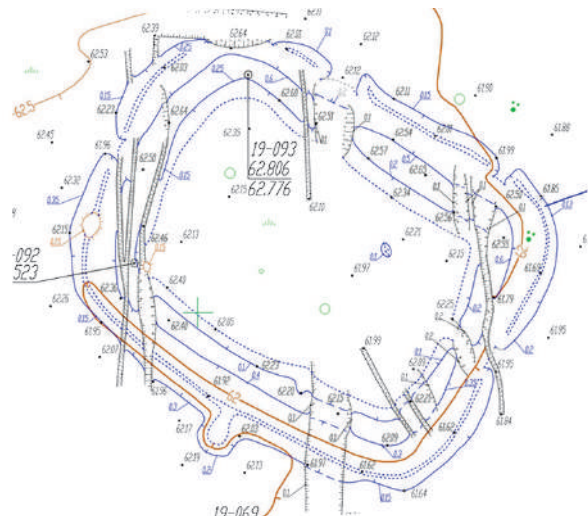

Поселения, обнесённые валообразной насыпью с внешними ямами и канавками, с эскарпом/ без выраженных элементов с внешней стороны насыпи укрепленное поселение Ягельное 25, городище Ягельное 7 [Цеменков, 1996; Гнатив, 2022; Круземент, 2025]

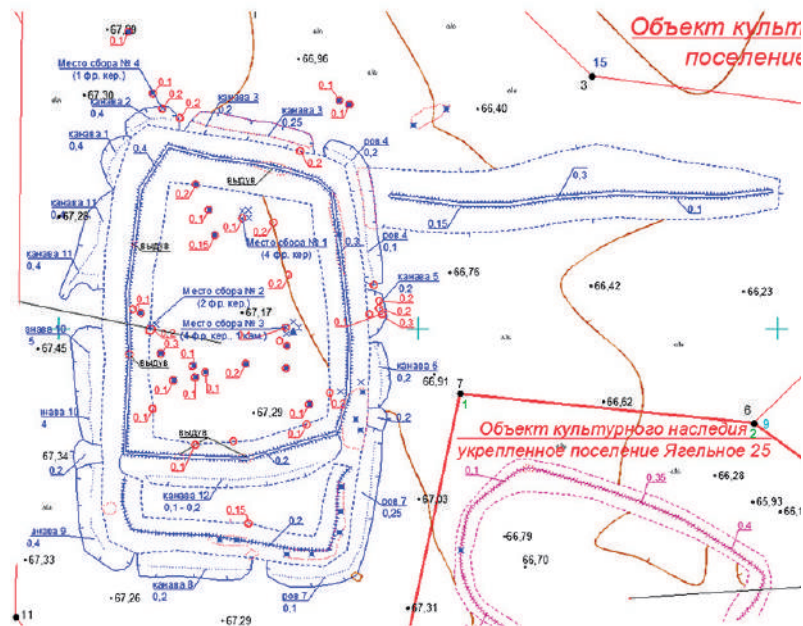
Рис. 27. Кульминские и синдейские постройки, укрепления и городища

Двухплощадочное асимметричное городище геометрически правильной формы, менее вытянутое, более выпуклой в плане формы, с тремя входами на большую площадку, с одним входом на малую площадку, со рвами и канавами. Городище Малая Умытга 16/5 (16/д) [Данилов, 2019а]

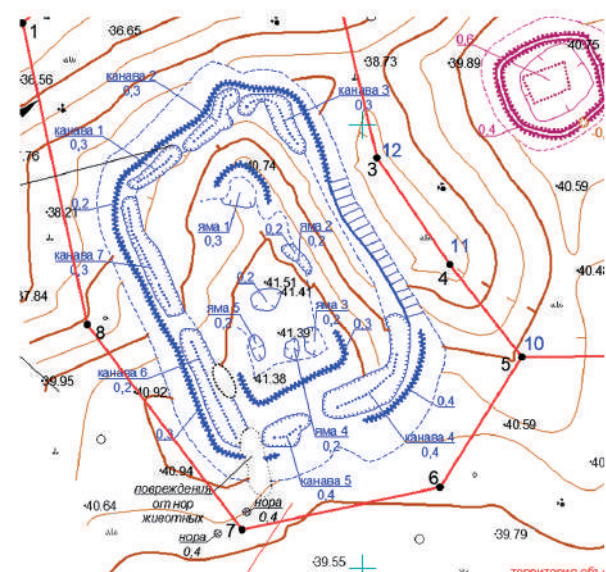

Городище с бастином. Выраженный вал и ров, с разрывами в местах входов (не менее четырех). Бастион в виде углубления правильной формы, примыкающей ко рву. [Цемиков, 1996; Данилов, 2019а]

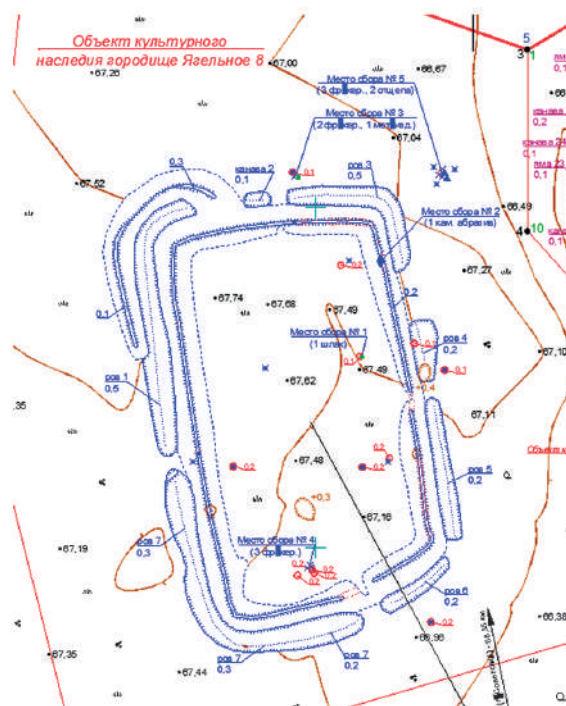

Двухплощадочное асимметричное городище геометрически правильной формы, вытянутое, с отдельными входами на большую и малую площадки, со рвами и канавами, с выраженным ответвлением. Вал большой площадки плосковершинный, малой - островершинный. Городище Ягельное 5 [Гнатив, 2023а]

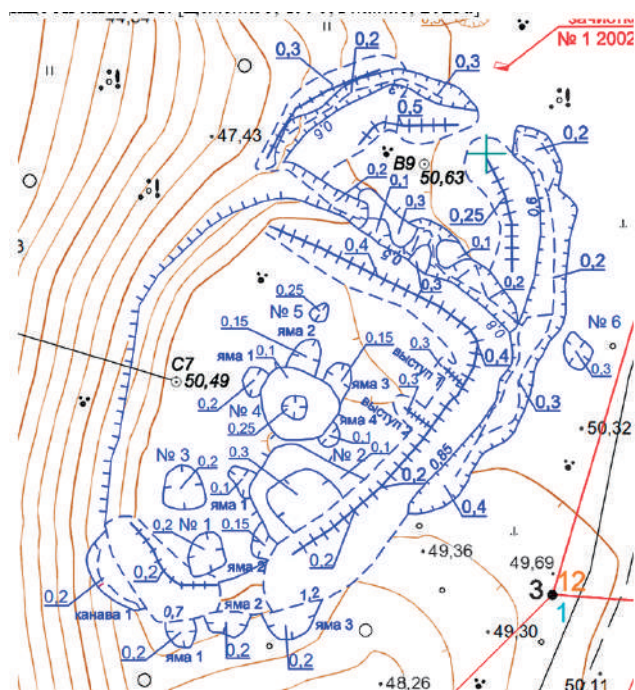
Fig. 27. Kulminsky and Sindeysky constructions, fortifications, and hillforts

Городище Варын-Тор 6 максимально эффективно вписано в окружающий ландшафт. Фортификации максимально эффективно задействуют перегибы, вогнутые и выпуклые склоновые поверхности. [Гнатив, 2023а]

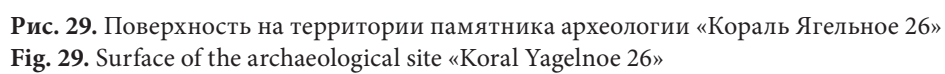

Городище правильной трапециевидной в плане формы, с валом и рвом, с четырьмя входами и участком второй линии обороны с северо-запада. Укрепления более массивные, гребень вала - плосковершинный. Городище Ягельное 5 [Цемленков, 1996; Гнатив, 2023а]

Городище Марыина Гора 3 имеет сложную конфигурацию фортификационных сооружений с применением бастионов и башен, эскарпов, участками вала и рва. Со стороны входа намечается две линии обороны. [Турынский, 2023]

Рис. 28. Кульминские и синдейские городища и крепости

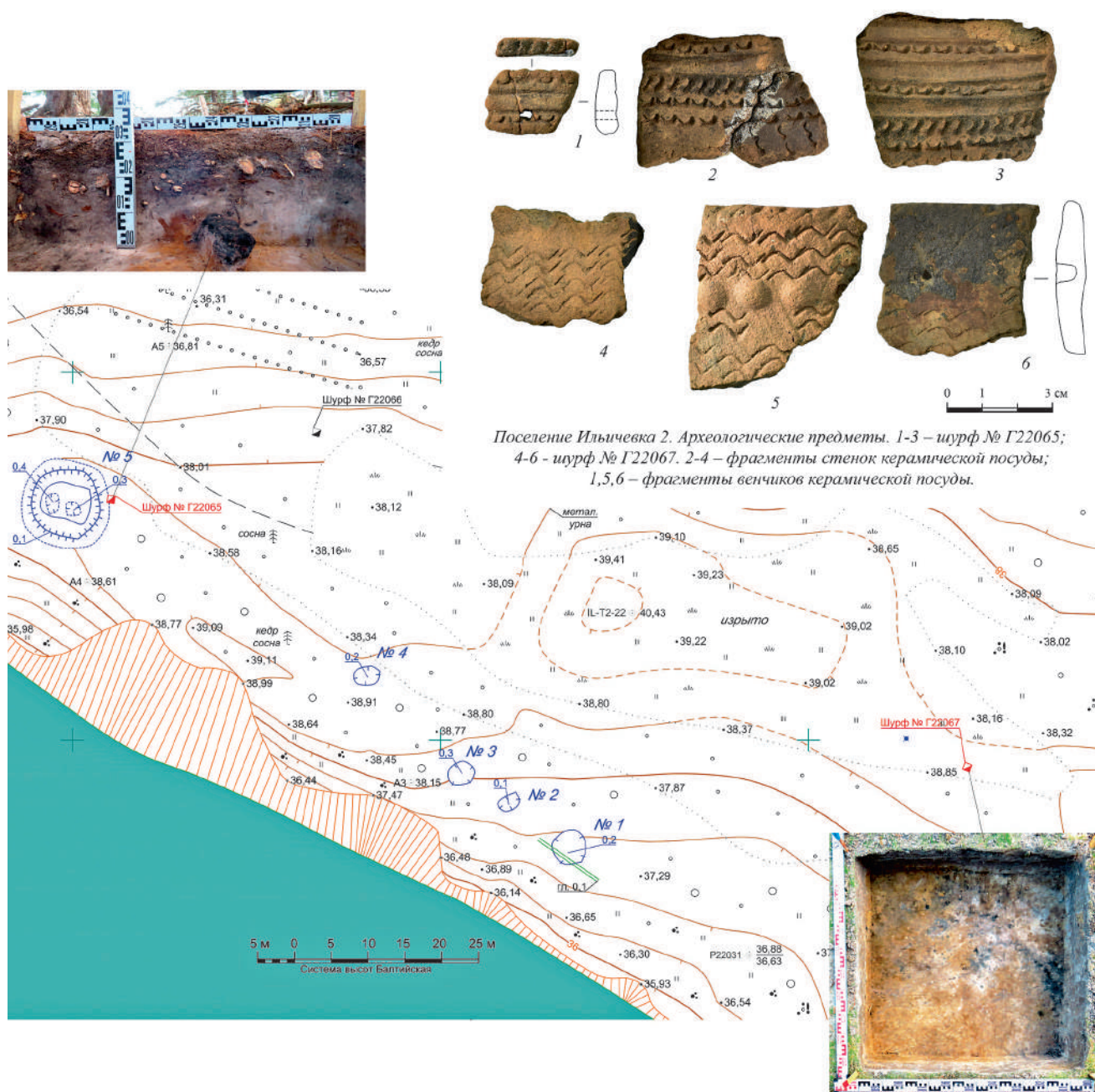

Рис. 30. Элементы конструкций археологических сооружений эпохи раннего железа в шурфах на поселении Ильичевка 2. Слева сверху – южная стенка шурфа № Г22065 на уровне консервации. Справа внизу – очертания кулайской наземной постройки в шурфе № Г22067 на глубине 0,30 м от уровня современной дневной поверхности. Справа сверху – находки, полученные из этих шурфов

Fig. 30. Elements of constructions archaeological structures from the Early Iron Age in the pits at the Illichevka 2 settlement. Top left – southern wall of pit No. G22065 at the conservation level. Bottom right – outline of a Kulay aboveground structure in pit No. G22067 at a depth of 0.30 m from the modern ground surface. Top right – finds recovered from these pits

Рис. 32. Фрагменты керамической посуды из культурного слоя заполнения котлована синдейской постройки. Шурф № Г23070. 1–6 – сосуд 2; 7 – сосуд 1; 1–4, 7 – фрагменты венчиков керамических сосудов; 5, 6 – фрагменты стенок керамического сосуда. Поселение Большая Умытья 30/6 (Большая Умытья 35, Югорское 35)

Fig. 32. Ceramic vessel fragments from the cultural layer filling the ditch of a Sindeysky structure. Pit No. G23070. 1–6: Vessel 2; 7: Vessel 1. Fragments 1–4 and 7 are rims of ceramic vessels; 5 and 6 are wall fragments.

Site: Bolshaya Umytya 30/6 (Bolshaya Umytya 35, Yugorskoe 35)

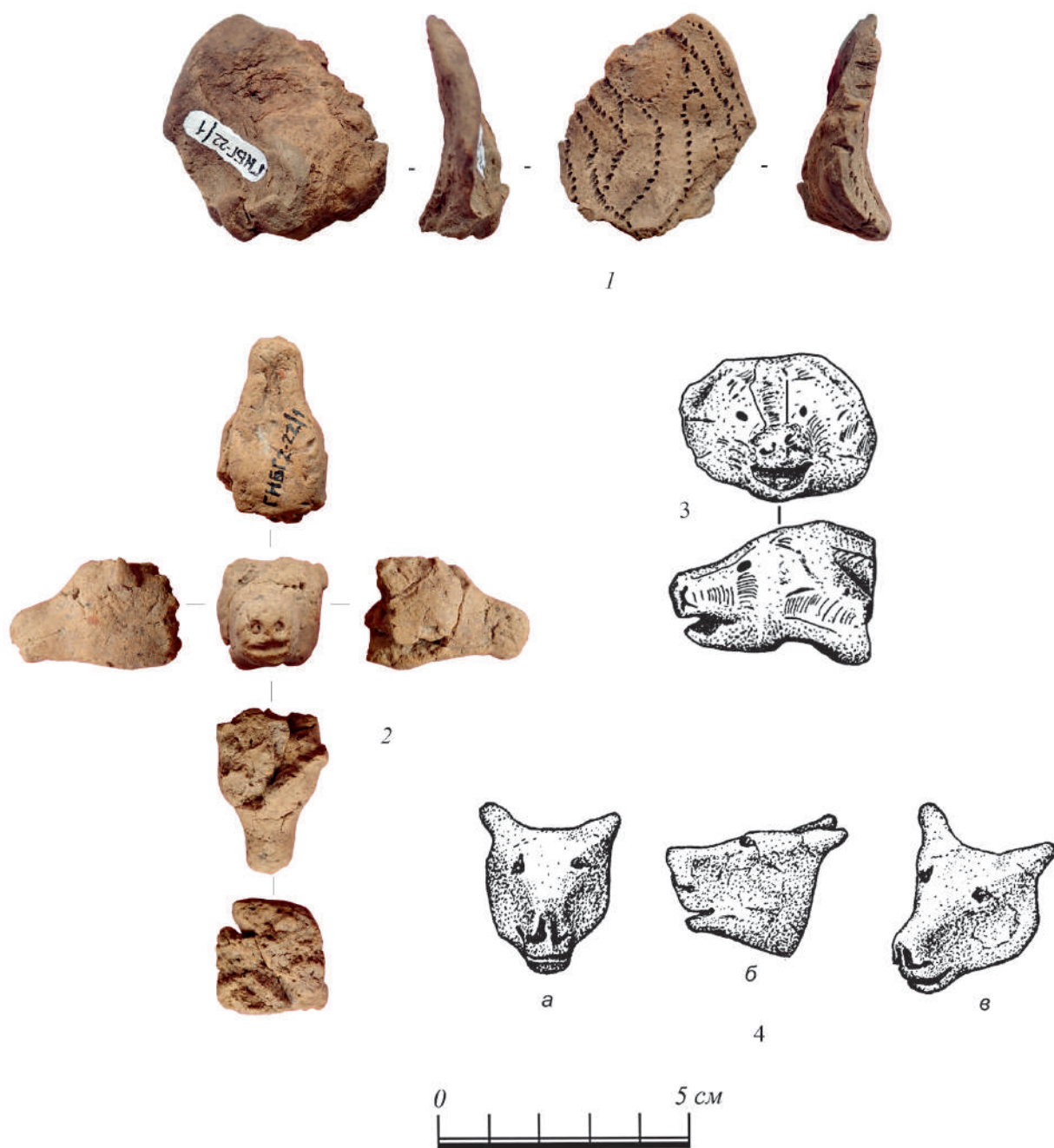

Рис. 33. 1 – антропоморфная глиняная фигурка с поселения Новая Белая Гора [Гнатив, 2022]; 2 – фрагмент фигурки головы медведя с поселения Новая Белая Гора 2 [Гнатив, 2022]; 3 – голова медведя из необожженной глины с городища Старокатышского [Расторопов, 2015]; 4 – скульптурное изображение головы медведя с поселения Сырой Аган 1 [Арефьев, 2002; Кокшаров, 2014]

Fig. 33. 1 – Anthropomorphic clay figurine from the Novaya Belaya Gora settlement [Gnativ, 2022]; 2 – Fragment of a bear head figurine from Novaya Belaya Gora 2 [Gnativ, 2022]; 3 – Unfired clay bear head from the Starokatyshe Hillfort [Rastoropov, 2015]; 4 – Sculptural depiction of a bear head from the Syroy Agan 1 settlement [Arefyev, 2002; Koksharov, 2014]

УДК 94:248.158(571.122):(477.62)15/17”
DOI 10.31630/2949-3609-2026-1-102-123

Е. А. Горбатенко¹

¹ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей», Донецк, Россия

НАТЕЛЬНЫЕ КРЕСТЫ И ИКОНКИ XVI–XVIII ВВ. В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЯХ ЮГРЫ И ПОДОНЦОВЬЯ

Аннотация. Статья посвящена сопоставлению православных культовых предметов XVI–XVIII вв., найденных на территории Югры и Подонцовья. Данный период на южных и восточных рубежах Московского государства отмечен сходными историческими процессами: на фронтире строились русские города-крепости, обязательным элементом застройки которых являлись православные храмы. Все русское население крепостей-острогов было православным, особое место отводилось миссионерской деятельности священников. Археологические находки культовых предметов, таких как нательные иконки и кресты, дорожные и походные складни, являются свидетельствами общности культуры Донбасса и Западной Сибири. Для сравнения использовались материалы археологических исследований, информация из Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации, а также фондовых коллекций музеев.

Annotation. The article is devoted to the comparison of Orthodox religious objects of the XVI–XVIII centuries, found on the territory of Yugra and the Donets region. This period on the southern and eastern borders of the Moscow state is marked by similar historical processes: Russian fortress cities were built on the frontier, with Orthodox churches as an obligatory building element. The entire Russian population of the fortress-prisons was Orthodox, and a special place was given to the missionary work of priests. Archaeological finds of religious objects, such as icons and crosses, road and camping folds, are evidence of the common culture of Donbass and Western Siberia. For comparison, materials from archaeological research, information from the State Catalog of the Museum Fund of the Russian Federation, as well as museum collections were used.

Ключевые слова: культовые предметы, православие, иконы, Никола Ратный (Можайский), Югра, Подонцовье, Донбасс, археологические исследования

Keywords: religious objects, Orthodoxy, icons, Nikola Ratny (Mozhaisky), Yugra, Podontovy, Donbass, archaeological research

XVI–XVIII вв. – время расширения Московского государства на Восток и Юг, именно в этот период строятся фортификационные сооружения на освоенных территориях. Это время связано с укреплением центральной власти и формированием новых административных единиц. Изучение данного периода позволяет лучше понять механизмы государственного управления новыми землями.

Православное население, которое одновременно осваивало Сибирь и донецкие степи, приносило с собой христианскую атрибутику и традиции. Это проявлялось в различных аспектах жизни и культуры, включая строительство церквей, распространение религиозных обрядов и обычаев. Важным элементом православной культуры стали храмы и часовни, которые строились как в крупных населенных пунктах, так и в отдаленных районах. Они служили центрами духовной жизни и объединяли местное население. Православные христиане привозили с собой иконы, кресты и другую религиозную атрибутику. Эти предметы не только служили для личного поклонения,

но и становились символами веры для новых общин. Православные традиции, включая празднование церковных праздников, крещение, венчание и другие обряды, стали частью жизни новых поселенцев. Православная церковь также активно занималась миссионерской деятельностью, направленной на обращение местного населения в христианство. Это способствовало распространению православия среди коренных народов Сибири. Прибытие нового православного населения на Юг и Восток сопровождалось изменениями в социальной структуре этих регионов.

Строительство крепостей и храмов свидетельствует о развитии военной стратегии и распространении русской культуры. Христианская атрибутика, появлявшаяся на новых территориях, отражает процесс распространения православия и интеграции различных этнических групп в единое культурное пространство. Это создало основу для дальнейшего изучения религиозных и культурных трансформаций в России.

Таким образом, христианская атрибутика стала важным свидетельством присутствия православного населения на новых территориях, его стремления сохранить свою веру и культурные традиции в условиях освоения Сибири.

Сходство процессов, происходивших как на южных, так и на северных и восточных рубежах Московского государства, подтверждается не только историческими документами, но и материалами археологических исследований. При этом общие тенденции можно наблюдать не только в градостроительстве (сходные конструктивные особенности русского оборонного и церковного зодчества прослеживаются в заполярном Пустозерске, ряде укрепленных поселений Среднего Подонцовья, русских крепостях Югры, других земель, находившихся в это время на фронтире русского государства), но и в других проявлениях материальной культуры русских, в частности, в культовых предметах православной церкви.

В данной статье на основе выборочного сравнительного анализа археологических находок православных культовых предметов (нательных крестов, иконок и складней) в музейных коллекциях Югры и Донбасса выявлены общие культурные тенденции, являющиеся еще одним подтверждением единства исторических процессов на северных, восточных и южных рубежах Московского государства.

Общие исторические корни и события демонстрируют культурную принадлежность Донбасса к Российской Федерации и являются важным фактором, способствующим укреплению связей между различными регионами страны. Одним из ключевых моментов является православное вероисповедание. В данной работе будет показано сходство культовых предметов, найденных в результате археологических экспедиций.

На территории Донбасса археологические исследования проводились экспедицией ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей» под руководством Э. Е. Кравченко в 1998–1999 гг. Их результаты были опубликованы в работах: «Предметы христианского культа с южной окраины Слобожанщины» [Кравченко, 2001. С. 131–144], «Материальная культура населения среднего течения Северского Донца на рубеже XVII–XVIII вв. (по материалам раскопок поселения Казачья Пристань)» [Кравченко, Мирошниченко, 2007. С. 43–51]. Историкографические исследования по данной теме отражены в работах Г. Г. Чепиги [Чепига, 2021. С. 277–280]. Раскопки на территории археологического памятника «Мангазея» и городской застройки города Берёзова проводились Г. П. Визгаловым [Визгалов, Пархимович, 2017. С. 100; Визгалов, Пархимович, Петрова 2022. С. 128]. Также с результатами исследований можно ознакомиться в статье «Нательные кресты

XVII–XVIII вв. из раскопок Берёзовского городища» [Столбов, Володеева, 2020. С. 142–147]. И. В. Фролов в исследовании, посвященном сравнению изображений Николы Ратного (Можайского), опирается на информацию из Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации [Фролов, 2021. С. 121–137].

Также существует ряд авторов из других регионов России, статьи которых соответствуют заявленной теме [Попов, 2024. С. 181–187], [Молодин, 2007. С. 248].

Цель публикации – провести выборочный сравнительный анализ складней, нательных крестов и иконок XVI–XVIII вв. в археологических коллекциях Югры и Донбасса. Материалы исследования представлены в двух таблицах: 1. Нагрудные панагии, складни, иконы с образом Николы Ратного (Можайского); 2. Нательные кресты разных типов.

Географические рамки статьи охватывают территорию Югры и Подонцовья, а хронологические – XVI–XVIII вв. Для сравнения использовались материалы археологических исследований, информация из Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации, а также фондовых коллекций музеев.

В качестве источников для исследования взяты данные Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации, фондовые коллекции республиканского и муниципальных музеев Донецкой Народной Республики, городов Сургута и Верхотурья, материалы археологических исследований НПО «Северная археология – 1». Были рассмотрены более сотни предметов, которые попадают тематически в диапазон хронологических и географических рамок данной статьи. В таблицах приведены наиболее характерные для сравнения находки. Сходство предметов, таких как нательные кресты и походные и путные складни, действительно может служить одной из точек для исследования культурных и исторических взаимосвязей между регионами Российской Федерации.

На территории России одним из самых узнаваемых иконографических типов святого Николая Чудотворца является образ Николы Ратного (Можайского). Святого традиционно изображают с поднятыми руками, держащим в правой руке меч или саблю, а в левой – град, символизирующий город или Царствие Небесное. Самым ранним из сохранившихся изображений Николы Ратного (Можайского) считается деревянная скульптура из Никольского собора в Можайске, время создания которой относят к XIV в. (собрание Государственной Третьяковской галереи, инв. 22956). Никола Ратный (Можайский) почитался не только как защитник городов, но и как небесный покровитель воинов – городских казаков, стрельцов и пушкарей. Предметы личного

благочестия с образом Николы Ратного (Можайского), вероятно, были связаны со служилым сословием Русского государства, в частности, со стрельцами и городовыми казаками.

Распространение прорезных меднолитых икон Николы Ратного (Можайского) представляет значительный интерес. Важно учитывать, что данные Госкаталога указывают на место хранения предмета, а не на место его происхождения. В Москве подобные образы представлены в шести музеях. Больше всего экземпляров (девять) хранится в Музее Андрея Рублева. Второе место занимает ГМЗ «Ростовский Кремль» с восемью образами. На третьем месте – Сергиев Посад, где находится шесть иконок [Фролов, 2021. С. 121–137].

Церкви святителя Николая Чудотворца закрепились в традиции как маркеры русского присутствия на новых землях. Образ Николая Чудотворца стал восприниматься как символ защитника границ материального и духовного мира русских людей – покорителей Арктики [Фролов, 2024. С. 139].

Начало освоения Донецкого региона связано с историей города Царёва-Борисова, простроенного в 1599 г. В царском наказе воеводам Богдану Бельскому и Семену Алферову по поводу будущей постройки Царёва-Борисова о церкви Николая Ратного не упоминается. Предполагалось построить два храма: Троицкую церковь и церковь Бориса и Глеба. Однако в Царёве-Борисове была построена церковь Николая Ратного (Можайского). Из источников известно, что в 1612 г. утварь церкви Николы Ратного была перевезена в Валуйки. После Смутного времени заселение и хозяйственное освоение края было продолжено, также не прервалась и духовная традиция почитания Николы Ратного (Можайского).

Северная часть Донецкого края в конце XVI – начале XVIII в. относилась к территории Южного пограничья Российского государства. Край осваивался одновременно со строительством оборонительных сооружений и под их прикрытием. К оборонительным сооружениям относились, кроме прочего, города-остроги. Одним из таких острогов была крепость Райгородок, расположенная у впадения р. Тор (совр. Казенный Торец) в р. Северский Донец, построенная в 1684 г. в составе Торской оборонительной черты. На территории исторического местонахождения крепости проводились археологические раскопки, давшие многочисленные данные о материальной культуре местного населения. Памятник, где велись археологические раскопки, получил название Казачья Пристань.

Раскопками на Казачьей Пристани была вскрыта площадь около 1500 кв. м. Раскопки дали богатый материал по истории заселения Донецкого края в период военно-земледельческого освоения Южной окраины Российского государства. Подробные све-

дения о результатах археологических исследований на территории Среднего Подонцовья опубликованы Э. Е. Кравченко [Кравченко, Мирошниченко, 2007. С. 43–51]. Среди наиболее значимых находок для истории духовной культуры Донецкого края – свидетельства о вероисповедании местных жителей. Предметы христианского культа являются одними из распространенных находок на поселениях в среднем течении Северского Донца. На памятнике Казачья Пристань были обнаружены две бронзовые иконки с изображением святителя Николы Ратного (Можайского). Эти иконки называют «прорезными» или «просечными». На культовых предметах, найденных на археологическом памятнике Казачья Пристань (Райгородок), Николай Ратный изображен с сильно искривленным мечом в руках, напоминающим саблю, что ближе к российской действительности XVII в. Почитание этого образа на степной окраине Русского государства, в Среднем Подонцовье, где велась постоянная борьба с нападениями кочевников, не удивительно.

Нательные кресты, иконки и складни, найденные в археологических экспедициях, хранятся в фондах ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей». В коллекции есть изображение Николы Ратного (Можайского) (Кп 109675, а 2940), которое представляет собой образок «Святой Никола Можайский» и датируется XVII – первой половиной XVIII в. (табл. 1, рис. 1а). Объемная ростовая фигура святого в епископском облачении. Руки раскинуты крестообразно, в одной руке меч, в другой – здание храма, вокруг головы плоский округлый нимб с надписью NIKOLAI. Этот образок найден на поселении Казачья Пристань (с. Райгородок, Славянский р-н, г. Славянск, 1998 г.). Похожий образец – нагрудная (панagia) икона «Никола Можайский» хранится в Сергиево-Посадском государственном историко-художественном музее-заповеднике (табл. 1, рис. 1в).

Второе изображение Николы Ратного (Можайского) в рамке из фондовой коллекции ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей» (Кп 109674, а 2936) представляет собой фрагмент триптиха (табл. 1, рис. 2а). Подобный фрагмент находится в ГБУКИ Республики Башкортостан «Башкирский государственный художественный музей имени М. В. Нестерова» (табл. 1, рис. 2в). Изображение из фондов МБУК «Сургутский краеведческий музей» (табл. 1, рис. 2б) является нательной иконкой, однако образ святого внешне близок к двум фрагментам триптиха, описанным выше.

Однотипными являются образки «Святой Николай» из фондовых коллекций ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей» (табл. 1, рис. 3а) и ФГБУК «Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» (табл. 1, рис. 3в). В один ряд

можно поставить близкий внешне образок «Святой Николай» Тамбовского областного ГБУК «Тамбовский областной краеведческий музей» (табл. 1, рис. 4в).

Таким образом, первые страницы истории заселения Донецкого края, его духовной культуры связаны с почитанием иконы святителя Николы Ратного (Можайского). О его почитании в крае известно уже в конце XVI в., т. к. административно Среднее Подонцовье вошло в округу Царёва-Борисова. В Донбассе и в дальнейшем бытовал культ этого святого, о чем говорят находки его изображений на Казачьей Пристани [Чепига, 2021. С. 277–280].

Наиболее распространенными среди предметов христианской атрибутики являются нательные кресты. Классификаций нательных крестов множество. В этой статье за основу была взята классификация Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника [Нагрудные кресты..., 2014. С. 84]. А для подтверждения использована классификация, представленная в работе В. И. Молодина, в которой он дает характеристику находкам христианских культовых предметов Илимского острога [Молодин, 2007. С. 248].

В результате археологических раскопок 2001–2004 гг. русского города Мангазея, существовавшего в XVII в. на Крайнем Севере Западной Сибири, было найдено 15 нательных крестов. Из них – два серебряных, остальные медные [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 105, 284].

Более поздние археологические исследования, проводимые НПО «Северная археология – 1» на территории археологического памятника «Мангазея», позволили выявить еще несколько артефактов православного культа. Два серебряных креста и два бронзовых. У трех из них нижние ветви были обломаны и в раскопе не найдены [Визгалов, Пархимович, 2017. С. 100].

Многолетние археологические работы, проводимые НПО «Северная археология – 1» в городской застройке Берёзово, позволили изучить несколько десятков нательных крестов. Были найдены обломки и целые нательные кресты (71 экземпляр), отлитые из меди, бронзы и серебра [Визгалов, Пархимович, Петрова, 2022. С. 128].

Нательные кресты, найденные на территории Среднего Подонцовья, представляют собой значимые археологические артефакты, которые не ограничиваются только экспонатами, хранящимися в фондах ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей». Подобные находки также представлены и в других музеях, что подчеркивает их культурную и историческую ценность. Исследование и сохранение таких артефактов в различных музейных учреждениях способствует более глубокому пониманию истории региона и его духовного наследия.

При проведении археологических работ на поселении Казачья Пристань (о которых уже шла речь выше) было обнаружено около двух десятков крестов [Кравченко, Мирошниченко, 2007. С. 43–51].

Нательные кресты представлены более широко, нежели иконки, панации и образки. Поэтому их можно разделить по типологическим признакам на группы согласно классификации Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника [Нагрудные кресты... 2014. С. 19, 28, 47].

Нательный крест со скругленным завершением лопастей и дугами в средокрестии (XVI в.) был найден на поселении Казачья Пристань (табл. 2, рис. 1а), в с. Райгородок, Славянского р-на в результате раскопок археологической экспедиции ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей» в 1998 г. На лицевой стороне распятие, на концах – изображения святых, надписи: «СПАСИ И СОХРАНИ», НИКА, остальные неразборчивы. Аналогичный крест был найден в 2019 г. при археологических работах, проводимых НПО «Северная археология – 1» в пгт Берёзово (табл. 2, рис. 1б). Раскопки на территории археологического памятника Мангазея в период 2001–2004 гг. позволили выявить ряд культовых предметов, среди которых был однотипный нательный крест (с обломанным нижним краем) (табл. 2, рис. 2б). В музейной коллекции ГБУКИ Республики Башкортостан «Башкирский государственный художественный музей имени М. В. Нестерова» находится крест-тельник того же типа (табл. 2, рис. 2в). Подобный медный двусторонний крест-тельник обнаружен в культурном слое Тобольска [Аношко, 2011. С. 267] (табл. 2, рис. 1в).

Два нательных креста с четырехконечной удлиненной нижней лопастью, прямоугольными концами и прямыми углами в средокрестии (XVI в.) были найдены на поселении Казачья Пристань и хранятся в фондах ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей» (табл. 2, рис. 3а, 4а). Подобные кресты также встречаются в частных коллекциях региона (табл. 2, рис. 5а). Кресты данной типологии можно увидеть в МБУК «Сургутский краеведческий музей» (табл. 2, рис. 3б), ФГБУК «Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» (табл. 2, рис. 3в), а также в работах НПО «Северная археология – 1», посвященных раскопкам в пгт Берёзово (табл. 2, рис. 4б), ХМАО [Визгалов, Пархимович, Петрова, 2022. С. 128] и археологического памятника Мангазея [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 125] (табл. 2, рис. 5б), а также В. И. Молодина «Кресты-тельники Илимского острога» (табл. 2, рис. 4в) [Молодин, 2007. С. 248]. Крестики данной типологии описаны в статье «Нательные кресты XVII–XVIII вв. из раскопок Берёзовского городища» [Столбов, Володеева, 2020. С. 143]. Аналогичный крест-тельник был

обнаружен в культурном слое Тобольска [Аношко, 2011. С. 267] (табл. 2, рис. 5в).

Самой многочисленной группой являются 4-конечные нательные кресты с трапециевидными лопастями и средокрестием, оформленным в виде квадрата, на котором выгравированы расходящиеся лучи. Один из них хранится в фондах ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей» (табл. 2, рис. 6а), два находятся в музеях Донбасса на неосвоенной территории (табл. 2, рис. 7а, 8а), в таблице также представлены варианты из частной коллекции (табл. 2, рис. 9а, 10а). При раскопках в пгт Берёзово (табл. 2, рис. 6б, 7б) и Илимском остроге (табл. 2, рис. 7в, 8в) были найдены нательные кресты подобного типа. Из публикации В. А. Попова [Попов, 2024] взята информация о нательном кресте, найденном при раскопках погребений на территории Верхотурского кремля (табл. 2, рис. 9в). В монографии, посвященной археологическим работам, проведенным в Мангазее, представлены кресты того же типа (табл. 2, рис. 8б, 10б). Также по одному экземпляру, относящемуся к данной группе, хранятся в МБУК «Сургутский краеведческий музей» (табл. 2, рис. 9б) и Отделе музейных практик и технологий ФГБУН Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (табл. 2, рис. 6в). Аналогичный крест-тельник был обнаружен в культурном слое Тобольска [Аношко, 2011. С. 267] (табл. 2, рис. 10в).

Фондовые коллекции ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей» частично описаны в статье «Предметы христианского культа с южной окраины Слобожанщины» [Кравченко, 2001. С. 131–144] и представлены на страницах Музейного вестника № 3 [Музейный вестник... 2021. С. 27–35, 41–53].

Таким образом, в музейных коллекциях Югры и Донбасса хранятся похожие нательные кресты и иконы, характерные для православных культовых предметов Московского государства в XVI–XVIII вв. Сходство артефактов показывает культурную общность людей, селившихся на южных, северных и восточных рубежах русского государства.

В результате проведения выборочного сравнительного анализа складней, нательных крестов и иконок XVI–XVIII вв. в археологических коллекциях Югры и Донбасса были выявлены аналогии, что подтверждает культурную общность через православную веру русского народа различных территорий Московского государства.

Публикация И. В. Фролова показывает эффективность исследований, базирующихся на информации, полученной из Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации. Дальнейшее его пополнение новыми экспонатами будет расширять поле исследования, предоставлять более полные и, следовательно, более достоверные данные по изучению

территорий Московского государства в период его активного расширения. Помимо этого, активное сотрудничество музеев из различных регионов страны и археологических научно-производственных объединений, таких как «Северная археология – 1», поможет историкам, археологам и краоведам в изучении исторических процессов, происходивших на фронтирах Московского государства. Участие исследователей из вновь присоединенных территорий в научных конференциях в других регионах Российской Федерации способствует обсуждению актуальных тем и проблем, улучшению качества исследований и внедрению новых методов работы. Конференции создают возможности для установления профессиональных связей, которые могут быть полезны для дальнейшего сотрудничества.

В связи с небольшим количеством археологических экспедиций на территории Донбасса на памятниках, относящихся к XVI–XVIII вв., количество находок православных культовых предметов невелико в сравнении с другими регионами Российской Федерации. В некоторых случаях находки православных культовых предметов носят случайный характер и связаны с изучением памятников более раннего времени. Например, при раскопках в Ростовской области в 2007–2008 гг. на трех могильниках кургана Таловый I обнаружено позднее православное погребение, в котором был найден нательный крест из медного сплава с остатками красного шнура (гайтана) [Усачук, 2018. С. 123]. При проведении археологических работ на северном берегу оз. Москвино (Краснолиманский р-н Донецкой обл.) на памятнике, относящемуся к позднему мезолиту – раннему неолиту, были открыты девять могильных ям. Единый погребальный обряд, стратиграфия позволяют датировать кладбище серединой – второй половиной XVIII в., а находки монет (деньга 1741 г., деньга 1743 г., деньга 1746 г., деньга 1748 г., копейка 1768 г.) в погребении № 5 подтверждают эти даты. Нательных крестов обнаружено не было. По всей вероятности, на усопших были деревянные кресты [Дегерменджи, 1987. С. 41]. Поэтому, при столь малом количестве данных применение математических и статистических методов для изучения данной проблематики нецелесообразно.

В перспективе методы пространственного анализа могут помочь в изучении распределения артефактов на определенной территории, а статистические модели могут использоваться для оценки вероятности нахождения определенных объектов. Кроме того, применение математических методов может способствовать более эффективному планированию будущих раскопок.

Разумеется, подобные находки можно встретить во многих регионах страны (ряд примеров приводится в третьей колонке таблиц). Однако задача нашего исследования – провести параллель между различ-

ными субъектами Российской Федерации. В данной работе дается сравнительная характеристика культурных предметов (нательных крестиков и иконок) из музейных коллекций Донецкого края, Югры, других регионов России, найденных в ходе археологических экспедиций.

Литература и источники

Аношко О. М. Кресты-тельники из культурного слоя Тобольска // Культура русских в археологических исследованиях : междисциплинарные методы и технологии : сб. науч. ст. Омск : Издательство Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. 430 с.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург ; Нефтеюганск : изд-во «Магеллан», 2008. 296 с.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: усадьба заполярного города. Нефтеюганск ; Екатеринбург : «Издательская группа Караван», 2017. 360 с.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Петрова Е. Н. Берёзов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования). Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск ; Нефтеюганск ; Сургут, 2022. 158 с.

Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=1706346> (дата обращения: 16.03.2025).

Дегерменджи С. М., Дубовская О. Р., Колесник А. В. Отчет об археологических исследованиях в Донецкой области в 1986 г. сектором археологии отдела охраны памятников. Донецк, 1987. 88 с.

Кравченко Э. Е. Предметы христианского культа с южной окраины Слобожанщины // ДАС № 9. Донецк, 2001. С. 131–144.

Кравченко Э. Е., Мирошниченко В. В. Материальная культура населения среднего течения Северского Донца на рубеже XVII–XVIII вв. (по материалам раскопок поселения Казачья Пристань) // Святогорский альманах 2007. Донецк, 2007. С. 43–51.

Молодин В. И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск : ИНФОЛИО, 2007. 248 с.

Музейный вестник Республики. № 3. Донецк : ЧП «БРЭНД ИМИДЖ», 2021. 184 с.

Нагрудные кресты позднего Средневековья и Нового времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Владимир, 2014. 84 с.

Попов В. А. Кресты из раскопок погребений на территории Верхотурского кремля и городских раскопок в Екатеринбурге // Культура русских в археологических исследованиях: сборник научных статей : в 2 томах. Братск ; Омск : Издательский дом «Наука», 2024. Т. 1. С. 181–187.

Столбов В. И., Володеева Ю. С. Нательные кресты XVII–XVIII вв. из раскопок Берёзовского городища // Северный регион: наука, образование, культура. 2020. № 1 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natelnnye-kresty-xvii-xviii-vv-iz-raskopok-beryozovskogo-gorodischa> (дата обращения: 15.03.2025).

Усачук А. Н. Погребение Нового времени могильника Таловый I: попытка интерпретации // Р. А. Мимоход. Стратифицированные курганы бронзового века на правом берегу Северского Донца : материалы спасательных археологических исследований. Том 23. М. : ИА РАН, 2018. 288 с.

Фролов И. В. Прорезные меднолитые образы Николая Можайского в Государственном каталоге Музейного фонда РФ: к постановке проблемы датировки и географического распространения // Святитель Николай. Отражение образа в историко-культурном наследии и русских исторических топонимах : сб. ст. и материалов Всерос. круглого стола. Ярославль : ООО «Издательско-полиграфический комплекс «Индиго», 2021. С. 121–137. EDN VIAJER.

Фролов И. В., Горшков И. Д. Церковь Николая Чудотворца, что у Студеного моря... // Святитель Николай: научно-исследовательский и просветительский проект : сб. ст. и материалов / под ред. проф. В. М. Марасановой. Ярославль : ООО ИПК Индиго, 2024. С. 121–142.

Чепига Г. Г. Культ Николая Ратного на южной окраине Российского государства (конец XVI – начало XVIII в.) / Донецкие чтения 2021 : образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы VI Междунар. науч. конф. Том 7: Исторические науки. Донецк : Изд-во ДонНУ, 2021. С. 277–280.

Сведения об авторе:

Екатерина Александровна Горбатенко – заведующий научно-методическим отделом, ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей», г. Донецк, Донецкая Народная Республика.

E-mail: katiasholnce_1995@mail.ru

E. A. Gorbatenko¹

¹*State budgetary institution Donetsk People's Republic «Donetsk Republican Museum of Local Lore», Donetsk, Russia*

BODY CROSSES AND ICONS OF THE XVI-XVIII CENTURIES IN THE ARCHAEOLOGICAL COLLECTIONS OF YUGRA AND PODONTSOVYE

Summary

The similarity of the processes that took place on both the Southern, Northern and Eastern borders of the Moscow state is confirmed not only by historical documents, but also by archaeological research materials. Russian tend to have similar design features in urban planning (similar design features of Russian defense and church architecture can be traced in the arctic region of Pustozersk, a number of fortified settlements in the Middle Donets region, Russian fortresses in Yugra, and other lands that were at that time on the frontier of the Russian state), but also in other manifestations of Russian material culture, in particular, in religious buildings and subjects of the Orthodox Church. Based on a selective comparative analysis of archaeological finds of Orthodox religious objects (such as crosses, icons and folding tables) in the museum collections of Ugra and Donbass, to identify common cultural trends, which are another confirmation of the unity of historical processes on the Northern, Eastern and Southern borders of the Moscow state.

The purpose of the publication is to conduct a selective comparative analysis of folding crosses, crosses and icons of the XVI–XVIII centuries in the archaeological collections of Yugra and Donbass. The research materials are presented in two tables: Body panagia, folds, icons with the image of Nicholas the Soldier (Mozhaisky). 2. Body crosses of various types. The following data are used as sources for the study The State Catalog of the Museum Fund of the Russian Federation, stock collections of the republican and municipal museums of the Donetsk People's Republic, Surgut and Verkhoturys, materials of archaeological research of the «Northern Archeology – 1».

As a result of a selective comparative analysis of folding belts, crosses and icons of the XVI–XVIII centuries in the archaeological collections of Yugra and Donbass, similarities were revealed, which confirms the cultural community through the Orthodox faith of the Russian people of various territories of the Moscow state.

References

Anoshko O. M. Kresty-tel'niki iz kul'turnogo sloya Tobol'ska [Krestovniki from the cultural stratum of Tobolsk] // Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovaniyakh : mezhdisciplinarnye metody i tekhnologii : sb. nauch. st. Omsk : Izdatel'stvo Omskij institut (filial) RGTEU, 2011. 430 s.

Chepiga G. G. Kul't Nikolaya Ratnogo na yuzhnoj okraine Rossijskogo gosudarstva (konec XVI – nachalo XVI-II v.) [The cult of Nikolai Ratnoy on the southern outskirts of the Russian state (late 16th – early 18th centuries)] / Doneckie chteniya 2021 : obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti : materialy VI Mezhdunar. nauch. konf. Tom 7: Istoricheskie nauki. Doneck : Izd-vo DonNU, 2021. S. 277–280.

Degermendzhi S. M., Dubovskaya O. R., Kolesnik A. V. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh v Doneckoj oblasti v 1986 g. sektorom arheologii otdela ohrany pamyatnikov. Doneck, 1987. 88 s.

Frolov I. V. Proreznnye mednolitye obrazy Nikolaya Mozhajskogo v Gosudarstvennom kataloge Muzejnogo fonda RF: k postanovke problemy datirovki i geograficheskogo rasprostraneniya [Slotted copper-cast images of Nikolai Mozhaisky in the State Catalog of the Museum Fund of the Russian Federation: on the problem of dating and geographical distribution] / I. V. Frolov // Svyatitel' Nikolaj. Otrazhenie obraza v istoriko-kul'turnom nasledii i russkikh istoricheskikh toponimakh : sb. st. i materialov Vseros. kruglogo stola. Yaroslavl' : OOO «Izdatel'sko-poligraficheskij kompleks «Indigo», 2021. S. 121–137. EDN VIAJER.

Frolov I. V., Gorshkov I. D. Cerkov' Nikolaya Chudotvorca, chto u Studenogo morya... [The Church of St. Nicholas the Wonderworker, near the Frozen Sea...] // Svyatitel' Nikolaj: nauchno-issledovatel'skij i prosvetitel'skij proekt : sb. st. i materialov / pod red. prof. V. M. Marasanoj. Yaroslavl' : OOO IPK Indigo, 2024. S. 121–142.

Gosudarstvennyj katalog Muzejnogo fonda Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=1706346> (data obrashcheniya: 16.03.2025).

Kravchenko E. E. Predmety hristianskogo kul'ta s yuzhnoj okrainy Slobozhanshchiny [Objects of Christian worship from the southern outskirts of Slobozhanshchina] // DAS № 9. Doneck, 2001. S. 131–144.

Kravchenko E. E., Miroshnichenko V. V. Material'naya kul'tura naseleniya srednego techeniya Severskogo Donca na rubezhe XVII–XVIII vv. (po materialam raskopok poseleniya Kazach'ya Pristan') [The material culture of the population of the middle reaches of the Seversky Donets at the turn of the XVII–XVIII centuries. (based on the ma-

terials of the excavations of the Kazachya Pier settlement)] / E. E. Kravchenko, V. V. Miroshnichenko // Svyatogorskiy al'manah 2007. Doneck, 2007. S. 43–51.

Molodin V. I. Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga [Krestovniki of the Ilimsky prison]. Novosibirsk : INFOLIO, 2007. 248 s.

Muzejnyy vestnik Respubliki. № 3. Doneck : CHP «BREND IMIDZH», 2021. 184 s.

Nagrudnye kresty pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni iz arheologicheskikh kollekciy Gosudarstvennogo Vladimiro-Suzdal'skogo muzeya-zapovednika. Vladimir, 2014. 84 s.

Popov V. A. Kresty iz raskopok pogrebenij na territorii Verhoturskogo kremlya i gorodskih raskopok v Ekaterinburge [Crosses from the excavations of burials on the territory of the Verkhoturksy Kremlin and urban excavations in Yekaterinburg] // Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovaniyah: sbornik nauchnykh statej : v 2 tomah. Bratsk ; Omsk : Izdatel'skiy dom «Nauka», 2024. T. 1. S. 181–187.

Stolbov V. I., Volodeeva Yu. S. Natel'nye kresty XVII–XVIII vv. iz raskopok Beryozovskogo gorodishcha [Crosses of the XVII–XVIII centuries from the excavations of the Berezovsky settlement] // Severnyj region: nauka, obrazovanie, kul'tura. 2020. № 1 (45).

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natelnye-kresty-xvii-xviii-vv-iz-raskopok-beryzovskogo-gorodisha> (data obrashcheniya: 15.03.2025).

Vizgalov G. P., Parhimovich S. G. Mangazeya: novye arheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.) [Mangazeya: new archaeological research (materials from 2001–2004)]. Ekaterinburg ; Nefteyugansk : izd-vo «Magel-lan», 2008. 296 s.

Vizgalov G. P., Parhimovich S. G. Mangazeya: usad'ba zapolyarnogo goroda [Mangazeya: estate of the polar city]. Nefteyugansk ; Ekaterinburg : «Izdatel'skaya gruppa Karavan», 2017. 360 s.

Vizgalov G. P., Parhimovich S. G., Petrova E. N. Beryozov: pervyj russkij gorod YUgry XVI–XVIII vekov (kratkie rezul'taty kompleksnogo arheologicheskogo issledovaniya) [Berezov: the first Russian city of Yugra of the XVI–XVIII centuries (brief results of a comprehensive archaeological study)] / G. P. Vizgalov, S. G. Parkhimovich, E. N. Petrova // Hanty-Mansijskiy avtonomnyj okrug v zerkale proshlogo. Vyp. 20. Hanty-Mansijsk ; Nefteyugansk ; Surgut, 2022. 158 s.

Usachuk A. N. Pogrebenie Novogo vremeni mogil'nika Talovyj I: popytka interpretacii [The burial of the Talovy I burial ground in Modern times: an attempt at interpretation] // R. A. Mimohod. Stratificirovannye kurgany bronzovogo veka na pravoberezh'e Severskogo Donca : materialy spasatel'nyh arheologicheskikh issledovanij [Stratified burial mounds of the Bronze Age on the right bank of the Seversky Donets. Materials of rescue archaeological research]. Tom 23. M. : IA RAN, 2018. 288 s.

Information about the author:

Ekaterina Alexandrovna Gorbatenko – Head of the Scientific and Methodological Department, State budgetary institution Donetsk People's Republic «Donetsk Republican Museum of Local Lore», Donetsk.

E-mail: katiapolnce_1995@mail.ru

Таблица 1. Нагрудные панагии, складни, иконы с образом Николы Можайского (Николы Рагного) (XVI–XVIII вв.)
Table 1. Body panagia, folds, icons with the image of Nicholas the Soldier (Mozhaisky)

п/п №	Находки на территории Донбасса	Находки на территории Югры	Находки на сопредельных территориях
	а	б	в
	Изображения Николы Можайского (Николы Рагного)		
1	 Образок «Святой Никола Можайский». Медный сплав, литье. 6,5×4,7 × 1,4 см КП: 109675, а 2940		 Икона нагрудная (панагия) «Никола Можайский». Медь, гравировка, литье, золочение. 6,0 × 4,8 × 0,5 см КП (ГИК): СПМЗ КП ИХО-927 Инвентарный номер: 63-ИХО Номер в Госкаталоге: 11004158
	ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей» Образок «Святой Никола Можайский» XVII – первая половина XVIII в. Россия. Найден на поселении Казачья Пристань, с. Райгородок, Славянский р-н, 1980-е гг. Объемная ростовая фигура святого в епископском облачении. Руки раскинуты крестообразно, в одной руке меч, в другой – здание храма, вокруг головы плоский округлый нимб с надписью NIKOLAI		Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник» Панагия медная литая, изображающая Николая Можайского с мечом. На обратной стороне головы святого имеется грубое резное изображение человеческого лица. Ниже следы прикрепления к фону (теперь отсутствующему)

№ п/п	Находки на территории Донбасса	Находки на территории Югры	Находки на сопредельных территориях
	а	б	в
2	Складень «Святой Николай Можайский» (фрагмент триптиха). КП: 109674, а 2936 	Икона «Святой Николай Можайский» прорезная. Медный сплав, литье. 7,5 × 5,4 × 0,3 см КП (ГИК): СКМ КП-4307 Инвентарный номер: ФДПИ-204 Номер в Госкаталоге: 7352754 	Центральная створка трехстворчатого складня «Святой Никола Можайский». Медный сплав, литье просечное. 7,8 × 5,0 × 0,2 см. КП (ГИК): БГХМ КП 538 Инвентарный номер: П-12 Номер в Госкаталоге: 12994283
	ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей» Складень «Святой Николай Можайский»	Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Сургутский краеведческий музей» Прорезная икона с изображением стоящего в рост Святого Николая Можайского, который в правой руке держит занесенный меч, в левой – символический храм с крестом. Фигура Святого Николая отлита схематично с примитивными пропорциями. За узкой прямой фигурой полукругом ниспадает фелонь. В прорезном среднике оставлен отлитый позем. Рамочка вокруг изображенной украшена травным орнаментом и двумя шариками-навершиями по краям сверху. В оглавии иконы изображен Спас Нерукотворный, над которым также помещен шарик – навершие. На обороте за изображением Спаса находилась петля. Отливка с оборота имеет впадины в местах рельефа. Стиль отливки соответствует московскому узорочью конца XVII в.	Государственное бюджетное учреждение культуры и искусства Республики Башкортостан «Башкирский государственный художественный музей имени М. В. Нестерова» Центральная створка трехстворчатого складня «Святой Никола Можайский» XVII–XVIII вв.

П/П №	Находки на территории Донбасса		Находки на территории Югры		Находки на сопредельных территориях	
	а	б	в			
3	 Образок «Святой Николай». Медный сплав, литье. 4,2 × 4,6 см Кп 109673, а 2937			 Образок «Святитель Николай Чудотворец». Медный сплав, литье. 10,7 × 9,5 × 0,4 см КП (ГИК): В-22204 Инвентарный номер: М-219 Номер в Госкаталоге: 13440199		Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» Датируется XVIII в.
	ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей» Датируется XVII – первой половиной XVIII в. Россия. Найден на поселении Казачья Пристань, с. Райгородок, Славянский р-н, 1980-е гг. Поясное изображение святого в епископском облачении. В левой руке Евангелие, правая в благословляющем жесте. Нимб обозначен зубчатой линией. По бокам на облаках – фигуры Иисуса Христа и Богоматери. По периметру зубчатая рамка. Сверху надписи «СТЫЙ НИКОЛАЕ», слева – IC XC, справа – МР ОУ. Изображения рельефные					

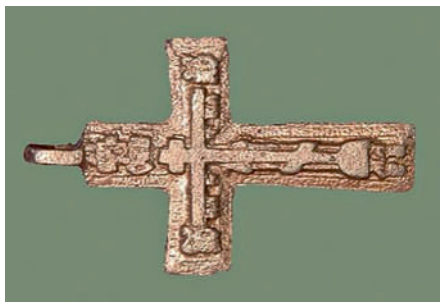
№ п/п	Находки на территории Донбасса		Находки на территории Югры		Находки на сопредельных территориях	
	а		б		в	
4					 Икона (образок) «Святой Николай Чудотворец». Металл. 6 × 4 см Место создания: Россия Номер по КП (ГИК): ТОКМ КП 18751 Инвентарный номер: – Номер в Госкаталоге: 53419209	Тамбовское областное государственное бюджетное учреждение культуры «Тамбовский областной краеведческий музей» Датируется предположительно XVII–XVIII вв. В верхней части изображен Спас Нерукотворного. В центре изображен Николай Чудотворец с благословляющим жестом правой руки и Евангелием в левой

Примечание: Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации; фонды ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей».

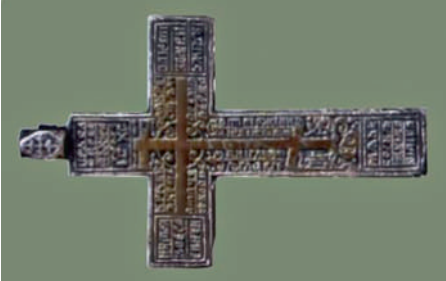
Таблица 2. Нательные кресты разных типов (XVI–XVIII вв.)
Table 2. Body crosses of various types.

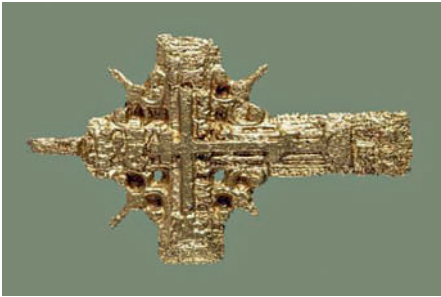
№ п/п	Находки на территории Донбасса	Находки на территории Югры	Находки на сопредельных территориях
	а	б	в
	Нательные кресты со скруглённым завершением лопастей и дугами в средокрестии (XVI в.)		
1	 Крест нательный. Медный сплав, литьё. 5,7 × 3,9 см Кп 110281, а 3083	 Крест нательный. Бронза	 Крест нательный. Медь. 5,7 (6,4 с ушком) × 4,4 см
	ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей» Конец XVII – начало XVIII в. Слобожанщина. Найден на поселении Казачья Пристань, с. Райгородок, Славянский р-н. Раскопки археологической экспедиции Донецкого краеведческого музея, 1998 г. Нательный крест 4-конечный, лопасти с закруглёнными концами. Л.с. – распятие, на концах – изображения святых, надписи: «СПАСИ И СОХРАНИ», НИКА, остальные неразборчивы. О. с. – гладкая. Вверху ушко для подвешивания	Раскопки в пгт Берёзово, ХМАО («Северная археология – 1» Опубликовано: Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Петрова Е. Н. Берёзов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования). Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. 158 с.	Крест медный, двусторонний, для него характерно низкое качество литья, детали изображений плохо проработаны. Он четырёхконечный с овальными, постепенно расширяющимися к концам лопастями и закруглёнными углами в средокрестии. В его верхней части фиксируется стержень с петелькой, а в нижней – каплевидный отросток. Опубликовано: Аношко О. М. Кресты-тельники из культурного слоя Тобольска // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст. Омск: Издательство Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. 430 с.

№ п/п	Находки на территории Донбасса		Находки на территории Югры		Находки на сопредельных территориях	
	а	б	в	г	д	е
2		 Крест нательный. Бронза	 Крест-тельник. Медь, литье. 7,2 × 5 см Номер по КП (ГИК): БГХМ КП 499 Инвентарный номер: П 197 Номер в Госкаталоге: 53639406			Государственное бюджетное учреждение культуры и искусства Республики Башкортостан «Башкирский государственный художественный музей имени М. В. Нестерова» Датируется XVI в.
		Раскопки памятника Мангазея, ХМАО («Северная археология – 1») Опубликовано: Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: усадьба заполярного города. Нефтеюганск ; Екатеринбург : «Издательская группа Караван», 2017. 360 с.				

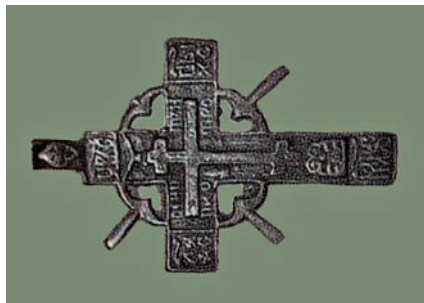
№ п/п	Находки на территории Донбасса	Находки на территории Югры	Находки на сопредельных территориях
	а	б	в
Нательные кресты с четырехконечной удлинённой нижней лопастью, прямоугольными концами и прямыми углами в средокрестии (XVI в.)			
3	 Крест нательный. Медный сплав, литье, гравировка. 5,5 × 4,3 см КП: 110279, а 3081	 Крест-тельник. Медный сплав. 6,2 × 3,6 × 0,4 КП (ГИК): СКМ КП-12501/8 Номер в Госкаталоге: 24566920	 Крест нательный. Медный сплав, литье. 4,4 × 2,8 × 0,6 см В-23425/279. АС-3149
	ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей» Конец XVII – начало XVIII в. Слобожанщина. Найден на поселении Казачья Пристань, с. Райгородок, Славянский р-н. Раскопки археологической экспедиции Донецкого краеведческого музея, 1998 г. Крест 4-конечный, с трапециевидными лопастями. В верхней лопасти буква «Х», в боковых – «И» и «Н», в нижней – схематичное изображение черепа. Сохранились три штифта, которыми крепились фигурка Спасителя (утрачена)	Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Сургутский краеведческий музей» Крест-тельник отлит в двусторонней форме. Восмиконечный крест на Голгофе, к кресту наклонены копье и трость с губкой, схематичное изображение головы Адама. Выпуклым рельефом выполнены комплекс надписей-аббревиатур, тонким валиком оконтурена по периметру лицевая часть изделия. Лопастни креста расширяются по направлению к оконечностям, образуя фигуру трилистника с округлыми лепестками. Верх, у оглавия, завершается округлым расширением. Фон лицевой стороны изделия имеет вид тонкой рельефной сетки, местами затертой. В верхней части креста, под оглавием, расположена надпись в два ряда: «ЦРЪ» (царь), «СВЫ» (Славы). В нижней части креста под Голгофой – четыре буквы: «М», «Л», «Р», «Б» (Место Лобное Рай Бысть). На горизонтальных оконечностях – надписи «ИС» (Иисус), «ХС» (Христос). Под оконечностью длинной горизонтальной лопасти расположены две буквы: «К» (Копье), «Г» (Трость)	Крест нательный, датируется XVII в. Четырехконечный, с удлинённой нижней лопастью, прямоугольными концами и прямыми углами в средокрестии. На лицевой стороне в центре – восьмиконечный Голгофский крест, по сторонам – копье и трость, на верхнем конце – надпись в две строки: «ЦРЪ / СЛВ» под титлами, на концах боковых лопастей – монограммы «ИС» «ХС» под титлами, на нижнем конце – буквы «м» «л» «р» «б». Все изображения и надписи рельефные. Обратная сторона гладкая. Сохранность: патинирован, потерт. Место и дата раскопок: г. Суздаль, у Цареконстантиновской и Скорбященской церквей, 1976 г. Автор раскопок: М. В. Седова. Опубликовано: Нагрудные кресты позднего Средневековья и Нового времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Владимир, 2014. 84 с.

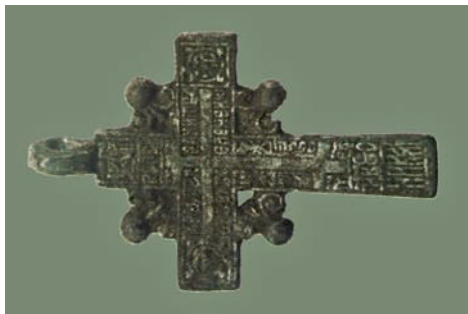
№ п/п	Находки на территории Донбасса	Находки на территории Югры	Находки на сопредельных территориях
	а	б	в
4	Крест нателный. Медный сплав, литье. 4,3 × 2,7 см КР: 110280, а 3082 	Крест нателный. Бронза 	Крест-тельник. Бронза. 4,25 × 2,65 × 0,2 см
	ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей» Конец XVII – начало XVIII в. Слобожанщина. Найден на поселении Казаля Пристань, с. Райгородок, Славянский р-н. Раскопки археологической экспедиции Донецкого краеведческого музея, 1998 г. Крест 4-конечный. Л. с. – Голгофский крест, копы и трость, буквы: «Ц С, ІС ХС, МЛ РБ», по периметру косые насечки и S-видные фигуры. О. с. – строчная надпись (не читается). Вверху ушко для подвешивания	Раскопки в пгт Берёзово, ХМАО («Северная археология-1») Опубликовано: Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Петрова Е. Н. Берёзов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования). Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. 158 с.	Крест-тельник, бронзовый, четырехконечный. Лицевая сторона изделия по периметру околнута тонким рельефным, а затем жгутовидным валиком. В центре его лицевой стороны изображен восьмиконечный крест на Голгофе. Под ним – схематично представленная глава Адама. К кресту прислонены копы и трость с губкой. В верхней части креста, под оглавием, также выпуклым рельефом, выполнена надпись, в два ряда: «ЦБ» (Царь), «СВЫ» (Славы). На левой оконечности горизонтальной лопасти находится надпись «ІС» (Иисус); на правой, симметрично, – «ХС» (Христос). Под центральной большой перекладиной восьмиконечного креста расположены буквы, которые не читаются по причине низкого качества литья. В нижней части креста, под Голгофой, – четыре буквы, в два ряда: «М Л Р Б» (Место Лобное Рай Бысть). Обратная сторона изделия предельно затерта и сглажена. По периметру крест околнута тонким прямым, а затем жгутовидным валиком. Опубликовано: Молюдин В. И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. 248 с.

№ п/п	Находки на территории Донбасса		Находки на территории Югры		Находки на сопредельных территориях	
	а		б		в	
5	 Крест нательный. Бронза		 Крест нательный. Серебро		 Крест нательный. Бронза	
	ДНР, г. Донецк. Случайная находка Частная коллекция		Раскопки памятника Мангазея, ХМАО («Северная археология – 1») Опубликовано: Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург ; Нефтеюганск : изд-во «Магеллан», 2008. 296 с.		Тобольск Опубликовано: Аношко О. М. Кресты-тельники из культурного слоя Тобольска // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст. Омск : Издательство Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. 430 с.	

№ п/п	Находки на территории Донбасса	Находки на территории Югры	Находки на сопредельных территориях
	а	б	в
6	Крест нательный. Медный сплав, литье. 4,6 × 2,8 см КП: 109677, а 2933 	Крест нательный. Бронза 	Крест-тельник. Бронза, литье. 5,3 × 0,5 × 3,2 см КП (ГИК): МИКНС ОФ 5239/52 Номер в Госкаталоге: 28454719
	ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей» Конец XVII – начало XVIII в. Слобожанщина. Найден на поселении Казачья Пристань, с. Райгородок, Славянский р-н, 1980-е гг. Крест 4-конечный, между лопастями завитки, от которых отходят лучи. Л. с. – Голтофский крест и предметы Страстей Христовых, надписи: «ЦАРЬ СЛАВЫ», буквы: «ИС ХС, НИ КА, К Т, МЛ РБ». Вверху ушко для подвешивания	Раскопки в пгт Берёзово. ХМАО («Северная археология – 1») Опубликовано: Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Петрова Е. Н. Берёзов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования). Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. 158 с.	Отдел музейных практик и технологий Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук Датируется XVIII – концом XIV в.

№ п/п	Находки на территории Донбасса		Находки на территории Югры		Находки на сопредельных территориях	
	а		б		в	
7	Крест нательный. Бронза 		Крест нательный. Бронза 		Крест-тельник. Бронза. 4,4 × 2,6 × 0,1 см 	
	Фонды СКМ		Раскопки в пгт Берёзово, ХМАО («Северная археология – 1») Опубликовано: Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Петрова Е. Н. Берёзов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования). Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск ; Нефтеюганск ; Сургут, 2022. 158 с.		Крест-тельник, бронзовый, четырехконечный. В улах креста помещены ажурные дуги, из центра которых исходят лучи в виде круглых шариков. Дуги образуют подобие круга, обрамляющего крест. Обе стороны изделия предельно затерты и сглажены. В центре лицевой стороны выпуклым рельефом изображен восьмиконечный крест, который предельно затерт. Все оконечности изделия разделены вертикальными и горизонтальными валиками на подквадратные зоны. В этих зонах содержатся буквы, которые невозможно прочесть. Обратная сторона креста по периметру околнута рельефным валиком. В центре таким же способом изображен ромб, в который вписан квадрат, содержащий буквы. Буквы не читаются. Все оконечности креста разделены вертикальными и горизонтальными валиками на подквадратные зоны. В каждой зоне находится надпись, которые невозможно прочесть. На нижней вертикальной лопасти изображена еще одна подквадратная зона, которая содержит полностью стертые буквы. Опубликовано: Молодин В. И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск : ИНФОЛИО, 2007. 248 с.	

№ п/п	Находки на территории Донбасса		Находки на территории Югры		Находки на сопредельных территориях	
	а	б	в			
8	 Крест нателный. Бронза	 Крест нателный. Бронза	 Крест-тельник. Серебро. (?) × 2,9 × 0,1 см	Крест-тельник, серебряный, четырехконечный. Нижняя лопасть обломана, поэтому об истинной пине изделия говорить сложно. В углах креста расположены ажурные дуги, из центра которых исходят лучи, имеющие наверху в виде шишечек. Дуги с лучами образуют подобие круга, обрамляющего крест. По периметру изделие оконтурено тонким рельефным валиком. Три сохранившиеся его оконечности поделены вертикальными и горизонтальными валиками на горизонтальные зоны. Под оглавием этих зон две: верхняя квадратная и нижняя прямоугольная. В центре креста выпуклым рельефом изображен восьмиконечный крест (?). Выделенные зоны и свободное пространство лицевой стороны креста покрыты надписями. Обратная сторона изделия по периметру оконтурена тонким рельефным валиком. В центре креста расположен ромб, внутри которого находится надпись. Опубликовано: Молодин В. И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск : ИНФОЛИО, 2007. 248 с.		
	Фонды МАЕСУ		Раскопки памятника Мангазея, ХМАО («Северная археология – 1») Опубликовано: Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: усадьба заполярного города. Нефтеюганск ; Екатеринбург : «Издательская группа Караван», 2017. 360 с.			

№ п/п	Находки на территории Донбасса	Находки на территории Югры	Находки на сопредельных территориях
9	а Крест нателный. Бронза	б Крест нателный. Бронза. 3,5 × 2,2 × 0,4 см КП (ГИК): СКМ КП- 17979/191 Номер в Госкаталоге: 33741771	в Нателный крест
	ДНР, г. Донецк. Случайная находка Частная коллекция	Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Сургутский краеведческий музей» Четырехконечный плоский крест с прямоугольным средокрестием и дополнительными декоративными элементами между ветвями, образующими кольцо. На отглавии ушко с округлым проемом, развернутое перпендикулярно плоскости креста. К декоративным элементам, между ветвями, припаяны четыре литых шарика	Нателный крест из погребения № 10 кладбища Верхотурского кремля Опубликовано: Попов В. А. Кресты из раскопок погребений на территории Верхотурского кремля и городских раскопок в Екатеринбург // Культура русских в археологических исследованиях: сборник научных статей: в 2 томах. Братск ; Омск : Издательский дом «Наука». Т. 1. С. 181–187.

№ п/п	Находки на территории Донбасса		Находки на территории Югры		Находки на сопредельных территориях	
	а	б	в			
10	 Крест нателный. Бронза	 Крест нателный. Серебро	 Крест нателный. Бронза		<i>Тобольск</i> Опубликовано: Аношко О. М. Кресты-тельники из культурного слоя Тобольска // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст. Омск : Издательство Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. 430 с.	
	<i>ДНР, г. Донецк. Случайная находка</i> Частная коллекция	<i>Раскопки памятника Мангазея, ХМАО («Северная археология – I»)</i> Опубликовано: Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург : Нефтеюганск : изд-во «Магеллан», 2008. 296 с.				

Примечание: Нагрудные кресты позднего Средневековья и Нового времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Владимир, 2014. 84 с. (С. 19, 28, 47); Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации; Фонды ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей»; Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Петрова Е. Н. Берёзов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования). Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск ; Нефтеюганск ; Сургут, 2022. 158 с.; Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: усадьба заповяного города. Нефтеюганск ; Екатеринбург : «Издательская группа Караван», 2017. 360 с.; Попов В. А. Кресты из раскопок погребений на территории Верхотурского кремля и городских раскопок в Екатеринбурге // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. статей: в 2 т. Братск ; Омск : Издательский дом «Наука». Т. 1. С. 181–187; Молодин В. И. Кресты-тельники Ильинского острога. Новосибирск : ИНФОЛИО, 2007. 248 с. (С. 188, 137, 203).

УДК: 902/904

DOI 10.31630/2949-3609-2026-1-124-140

О. С. Тупахина¹, И. Ю. Понкратова², Л. С. Лебедева²¹ООО «Палеопоиск», Новосибирск, Россия²ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет», Магадан, Россия

ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ «ГОРОД ГИЖИГИНСК»: ИТОГИ ПОЛЕВЫХ РАБОТ В 2024 ГОДУ

Аннотация. В 2024 г. на территории современной Магаданской области при раскопках первого города Гижигинска было установлено, что в его истории периоды заселения сменялись запустением как минимум трижды. Первый период обитания связан с функционированием Гижигинской крепости в XVIII в.; второй – с погребением шамана (XVIII в.?); третий – с остатками деревянного дома второй половины XIX – середины XX в. Полученные материалы изменили устоявшееся мнение о непрерывности функционирования поселения.

Annotation. In 2024, the first city in the modern Magadan region, Gizhiginsk was excavated. It was found that in its history, periods of settlement were replaced by desolation at least three times. The first period is associated with the functioning of the Gizhiga fortress in the XVIII century; the second is associated with the burial of a shaman (XVIII century?); the third period is associated with the remains of a wooden house in the second half of the XIX – mid XX century. The received materials have changed the established opinion about the continuity of the settlement's functioning.

Ключевые слова: Север Дальнего Востока, археологические раскопки, три культурных горизонта, культура русских, крепость, город, погребение шамана, монеты, посуда

Keywords: The north of the Far East, archaeological excavations, three cultural horizons, Russian culture, fortress, city, shaman's burial, coins, dishes

Введение. Восстановление истории Магаданской области стало возможным в связи с изучением истории первого на ее территории города Гижигинска, археологическое исследование которого было проведено в рамках проекта «Гижигинская археологическая экспедиция». Он был реализован благодаря гранту ВОО «РГО» при поддержке Правительства Магаданской области и личных средств И. Б. Донцова [Понкратова и др., 2021]. Эти исследования содействуют сохранению археологического наследия Севера Дальнего Востока России и привлекают внимание широкой российской общественности к региону – географически и исторически ключевой территории на российских дальневосточных рубежах [Алексеев, 1982; Вдовин, 1995 и др.]. Полученный в результате археологических раскопок материал позволяет конкретизировать особенности хозяйственной адаптации к условиям севера русского населения в XVII – начале XX в., выявить этапы слияния русской и аборигенной культур, а также вносит положительный вклад в популяризацию историко-культурного наследия края.

История Гижигинска начинается с установления зимовья в 1651 г. М. Стадухиным в устье р. Гижига и основанием Гижигинского острога и крепости – крупнейшего военного пункта на Северо-Востоке России в середине XVIII в. В 1783 г. Гижигинский

острог был переименован в город. В XIX – начале XX в. поселение пришло в упадок и перестало существовать [Конь, Понкратова, 2019].

Первая археологическая разведка по изучению Гижигинска была организована в 2020 г. С. В. Батаршевым (ООО «Научно-производственный центр историко-культурной экспертизы», г. Владивосток, руководитель экспедиции – И. Ю. Понкратова). Исследования проводились в приустьевой части долины р. Гижига в 13,6 км на северо-восток от современного с. Гижига. Визуально исследовался участок высокого левого берега реки на протяжении 2 км; были составлены ситуационный, топографический и инструментальный планы; выделены функционально-планировочные зоны; на основе аэрофотоснимков представлен внешний вид объекта (рис. 1 – 1–3); заложено одиннадцать шурфов (1 кв. м) и один разведочный раскоп площадью 9 кв. м. В результате установлены границы территории объекта, изучены историческая топография, структура культуросодержащих отложений, зафиксированы остатки построек и мемориальных комплексов, получен археологический материал, датируемый серединой XIX – серединой XX в. [Историческая..., 2022]. На основании полученной информации ОКН «Город Гижигинск» был включен в «Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Магаданской области»¹.

¹ Перечень выявленных объектов культурного наследия Магаданской области. URL: https://www.49gov.ru/common/upload/1/editor/file/PERECHEN_VYYAVLENNYKH_09.04.2021.pdf (дата обращения: 07.11.2021).

В 2024 г. на территории объекта проведены археологические раскопки под руководством О. С. Тупахиной (Открытый лист № РО18-00103-00/01356997) и И. Ю. Понкратовой (рис. 1, 4). Цель исследования – продолжить начатые в 2020 г. работы и уточнить время и особенности объекта. Был получен новый материал, который изменил устоявшееся мнение о непрерывности функционирования Гижигинска как поселения [Назарова, 2015; Конь, Понкратова, 2019 и др.].

Хронологические рамки исследования: XVIII – середины XX в. Нижняя граница обусловлена находкой монеты 1749 г. Верхняя – связана с монетами и посудой с клеймами середины XX в. Проводилось определение артефактов, поиск и анализ исторических и архивных материалов, связанных с ними, их интерпретация. Цель публикации – ввести в научный оборот полученные данные.

Материалы и методы исследования. ОКН «Город Гижигинск» расположен в Северо-Эвенском городском округе (Магаданская область) на левом берегу р. Гижиги в 25 км от ее впадения в Гижигинскую губу (Охотское море). Занимает поверхности средней пойменной и высокой надпойменной аллювиальных террас р. Гижиги. На территории объекта находятся три исторически сложившихся функционально-планировочных зоны: селитебная, транспортно-складская, мемориальная [Историческая..., 2022].

Полевые работы в 2024 г. были продолжены в селитебной зоне объекта на месте заложенного в 2020 г. раскопа. Общая площадь исследования составила 91 кв. м. В раскопе обнаружен 191 индивидуальный артефакт. Это предметы быта, религиозной атрибутики, фрагменты фарфоровой и фаянсовой посуды с клеймами, одежды, обуви, строительные материалы, монеты, коллекция фигурок животных из кости, детские игрушки, ритуальные предметы и др., а также массовый материал в количестве 8816 артефактов (фрагменты оконных и бутылочных стекол, кости животных, гвозди, фрагменты фарфоровой и фаянсовой посуды, кожаных изделий, ткани и т. д.). Для интерпретации находок привлекались как неопубликованные документы ГАМО², так и известные материалы: В. К. Арсеньева [1925], А. А. Прозорова [1902], Я. И. Линденау [1983], У. С. Поповой [1981], В. В. Слабуки [2010] и др. Особым источником стали данные опроса, позволившие уточнить функции некоторых артефактов³.

Результаты и обсуждение. Анализ полученных материалов свидетельствует как минимум о трех периодах заселения территории объекта (три культурных горизонта).

Комплекс первого культурного горизонта ОКН «Город Гижигинск» (XIX – начало XX в.).

При изучении первого культурного горизонта в раскопе выявлены жилищная постройка (рис. 2 – 1–6) и артефакты, характеризующие быт населения Гижигинска в XIX – начале XX в. (рис. 3).

Жилищная постройка не фиксируется на дневной поверхности и представлена остатками деревянного дома, которые условно можно разделить на фрагменты кровли, дверной коробки, стен, пола, балок перекрытия пола, двух печей, завалинок (приизб). Кроме того, выявлены хозяйственная пристройка (сени) с мусорным ящиком и помещением для скота (стойлом).

Остатки кровли представлены балками перекрытия. Их длина от 5 до 10 м и диаметр – от 15 до 18 см. Фрагменты дверной коробки в виде конструкции из трех брусьев квадратного сечения (15 × 15 см). Брус собран между собой в угловое соединение шип-паз под прямым углом, скрепленное на гвоздь. Ширина коробки – 1 м, ширина дверного проема – 0,7 м. Остатки стены – в виде прямоугольной конструкции, состоящей из двух венцов и части стены, упавшей внутрь постройки. Стена построена из бруса (11 шт.) прямоугольного сечения (20 × 15 см) длиной 70–180 см. На торцах бруса сохранились элементы углового соединения шип-паз. Остатки пола сохранились в виде пяти досок прямоугольного сечения (20 × 10 см) длиной около 120 см, соединенных между собой в шпунт. Остатки балок перекрытия пола – бревна диаметром 15–20 см, расположенные перпендикулярно относительно друг друга (рис. 2 – 1, 2, 5).

Развал печи № 1 в виде россыпи красноглиняных кирпичей и металлических элементов конструкции выявлен у южной стенки одной из комнат (рис. 2 – 3). Вероятно, печь использовалась для отопления помещения и приготовления пищи. В 2020 г. здесь был обнаружен медный котелок. По клеймам заводов-производителей на кирпичах установлено, что они изготовлены с 1906 по 1923 г. в Приморье [Историческая..., 2022. С. 29].

Остатки печи № 2 в виде глиняно-кирпичной сложной конструкции зафиксированы в углу другой комнаты (рис. 2 – 4). Печь, вероятно, также использовалась для приготовления пищи и обогрева помещения. У западной стенки печи обнаружено скопление костей животных, деревянные предметы кухонной утвари, фрагменты бутылок и посуды из фарфора и фаянса.

Жилищная постройка обнесена завалинками (приизбами) – земляными насыпями вдоль наружных стен по периметру на одном уровне с основанием окладного венца. Внутренние бревна основания венца не обработаны – с остатками сучков. Ширина восточной, южной и западной завалинок 50 см, северной – 30 см.

² Фонд Р-59. Оп. 1. Д. 22: Материалы (доклады, сведения) о работе Гижигинского фельдпункта за 1924–1934 гг.; Оп. 1. Д. 60: Материалы инспектора рыболовства о деятельности японских фирм на арендованных рыболовческих участках за 1933 г.

³ Здесь и далее: ПМА – полевые материалы авторов. Гижигинская археологическая экспедиция, 2024 г. (информант – С. Т. Конь, эвен, 1964 г. р.).

В хозяйственной пристройке (сених) находился мусорный ящик – углубленный в землю сруб из тонких бревен (рис. 2 – 6). Его длина около 3 м, ширина – 1,5 м. Между ним и стеной дома обнаружена прямоугольная конструкция размером 1 × 1,5 м из бревен среднего размера, разделенная на две равные части бревном. Дно сооружения было выстлано досками, в одной из которых проделано круглое отверстие – возможно, это туалет. Сени примыкали к жилищной постройке с востока, при этом пространство разделено на два помещения парой поперечных массивных бревен, уходящих под завалинку второй комнаты на одной линии с основанием печи. Во втором помещении располагалось стойло для лошади, т. к. на полу сохранились остатки навоза и подстилка из веток кедрового стланика. Здесь также найдены подкова, фрагменты конной упряжи.

Находки первого горизонта: монеты, предметы религиозного, хозяйственно-бытового назначения, индивидуального пользования, вооружения, охотничьего промысла и рыбной ловли, досуга, аптекарского дела и медицины, фрагменты одежды и обуви, остатки животных.

Всего в первом горизонте найдено девять монет – XIX в. (5 экз.) и XX в. (4 экз.). Одна монета (1 копейка 1909 г.) находилась за пределами постройки – под северной стеной дома. Одна монета чеканилась при Николае I, четыре – при Николае II, четыре – выпущены СССР, в том числе в 1946 г. Все монеты были со следами окисления [Сулейманлы, Тупахина, Понкротова, 2025]. Учитывая найденные ранее денежные знаки [Понкротова, Сулейманлы, Батаршев, 2023], можно утверждать, что деньги в Гижигинске использовались регулярно, особенно в периоды правления Николая II и СССР.

Предметы хозяйственно-бытового назначения представлены посудой из фарфора и фаянса, металлическими чайниками, мисками, тазами, ведрами, мясорубками, деталями от самоваров, ножницами, ножами и пр. При анализе посуды выделены ее кухонная, столовая, декоративная (для украшения помещений), тарная функции.

Анализ клейм на фарфоровых и фаянсовых изделиях позволил определить места производства посуды. Это Россия, Франция, Англия, Япония. Коллекция посуды российского производства представлена фрагментами изделий с клеймами Волховской фарфорово-фаянсовой фабрики «Коминтерн» (клеймо 1927–1930 гг.) (рис. 3 – 1), Дмитровской фабрики «Т-ва М. С. Кузнецова Д. Ф.» (клеймо 1892–1917 гг.), Дмитровского фарфорового завода (Вербилки) послереволюционного периода

(клеймо 1927–1937 гг.), фабрик М. С. Кузнецова в Твери (клеймо 1870–1887 гг.), «Товарищество Перевалов, Щелкунова и Метелевых и К^о» (1900–1913 гг.), «Товарищество М. С. Кузнецова в Будах» (1894–1917 гг.) (рис. 3 – 2) и др.

Найдены фрагменты кувшина для французского бренди, производимого Полем Бардине (конец XIX – начало XX в.) (рис. 3 – 3, 4). Емкости для этого напитка делались двуцветными: 2/3 сосуда окрашивались в кирпичный цвет, 1/3 часть окрашивалась в белый цвет⁴. Связь с английским производителем подтверждает и найденный фрагмент фарфоровой тарелки изделия фирмы «Brown-Westhead Moore & Co» (клеймо 1862–1904 гг.) (рис. 3 – 5).

Примечательна посуда производства Японии (рис. 3 – 6–9). На фрагментах изделий – изображения и орнамент в японском стиле: девушки в национальной японской одежде на фоне гор, пагод, деревьев, мостов и пр. (рис. 3 – 6). Изготовлены изделия из «тонкого фарфора в технике яичная скорлупа», которая была освоена в 1830–1840 гг. мастерами Хирадо [Каневская, 2004. С. 25–26]. Частично восстановлены фрагменты блюда и тарелок с двойной каймой синего цвета по краю, произведенных компанией Мацумура около 1920-х гг. На доньшке блюда зеленой краской нанесено клеймо, на котором изображены корона с крестом и подпирающие ее с двух сторон мифологические животные – Тэнгу (Небесные собаки). Венчает клеймо надпись «THE IRONSTONE CHINA», что предполагает изготовление изделия из глины по специальной технологии, запатентованной братьями Мейсон в Англии в 1813 г. В нижней части клейма расположена надпись, указывающая название компании и место производства изделия: «MATSUMURA & CO. MADE IN JAPAN» (рис. 3 – 7). На фрагменте доньшка другой емкости из фарфора сохранилась часть клейма с надписью «Chikaramachi» и фрагментом короны зеленого цвета. Маркировку «Chikaramachi, Made In Japan» ставили на фарфоре в филиале фабрики Норитаки (Noritake) в Чикарамачи в период 1928–1946 гг. Найдены и фрагменты произведенных в Японии в конце XIX – начале XX в. цветочных горшков (рис. 3 – 8, 9). Их изготовили около 1880–1910 гг. в г. Сэто [Иванов, Понкротова, Тупахина, 2025].

Обнаружен и определен фрагмент стакана из фарфора как держатель для кистей. Толщина стенки стакана – 0,7 см, дна – 1,1 см. Внешняя сторона украшена растительным (цветы, листья) и геометрическим орнаментом синего цвета. Подобные стаканы изготавливали в Японии (пос. Арита, провинция Хидзэн) в конце XVIII – начале XIX в.⁵.

⁴ Bardinet. WTC. URL: <https://wtc.ru/Brand/Bardinet> (дата обращения: 05.02.2025).

⁵ Brush holder with Dutchmen, Japan, Arita ware, late 18-th to early 19-th century, underglaze blue on porcelain (Östasiatiska museet, Stockholm – DSC09171.JPG). URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Brush_holder_with_Dutchmen,_Japan,_Arita_ware,_late_18th_to_early_19th_century,_underglaze_blue_on_porcelain_-_%C3%96stasiatiska_museet,_Stock (дата обращения: 05.02.2025).

К предметам религиозного назначения отнесены фрагменты оклада иконы (рис. 3 – 10). Ее основу, вероятно, составляла деревянная доска. Подобные иконы имели место в Гижигинске в XIX – начале XX в. [Религиозная..., 2023]. Возможно, икона была выброшена за ненадобностью в начале XX в. в период СССР.

Предметы вооружения и охотничьего промысла представлены оружием гильзами и патронами, произведенными на предприятиях России (Тульский, Кольчугинский оружейные заводы) и других стран (Remington, Winchester Repeating Arms Co, США), кусочками самородной серы, которой чернили оружие для предохранения от коррозии или использовали вместе с углем и селитрой в составе пороха [Шиллинг, 1940]. Для рыбной ловли использовались найденные металлический крючок, грузила из кости, деревянные наплава (поплавки). Впервые в раскопе обнаружен поплавок из стекла (кухтыль). Известно, что кухтыли начали производить в середине XIX в.; широкое распространение они получили в начале XX в. [Wood, 1967]. В основном их находят на морском побережье. Данная находка связана с деятельностью в Гижигинске японской рыболовной компании в начале XX в. [Слабука, 2010]. Предметами охоты могли быть кит, нерпа, олень, чьи остатки (череп, рога, нижние челюсти, зубы, фаланги лап) найдены в слое. Кроме того, здесь обнаружены череп, зубы и кости собак, цепи для привязи животных.

Как предметы индивидуального пользования определены пластмассовые зубная щетка и гребни, курительные мундштуки из рога и дерева, флаконы из-под духов и крышки к ним.

Среди предметов аптекарского дела и медицины – стеклянные флаконы с надписями «SERUM DW», поршень шприца (рис. 3 – 11–14), ампулы и их фрагменты, остатки презервативов. В одной из ампул сохранилось лекарство желтого цвета (новокаин). Найдены предметы развивающего досуга – фрагменты карандашей, мелков, кукол из резины (рис. 3 – 16–17) и фарфора (фрагменты).

Комплекс швейной фурнитуры представлен основной (ножницы (рис. 3 – 15), катушки для ниток, игольник), отделочной (пуговицы и пряжки) и декоративной (бусины и бисер) категориями [Ватолина, Понкратова, Тупахина, 2025]. Здесь же в большом количестве обнаружены фрагменты одежды и обуви (мужской, женской, детской) – следы починок, мелкие обрезки. Одежда и обувь у гижигинцев ценились – при необходимости ремонтировались [Антонова, 2023]. Найдены парфюмерные флаконы (рис. 3 – 18), крышки и пробки к ним. В основном это отечественная продукция, которая производилась на фабрике «Новая заря» в Москве.

Комплекс второго культурного горизонта ОКН «Город Гижигинск» (ритуальный объект, XVIII в.?) связан с обнаруженным под полом вышеописанной постройки погребением шамана и обрядовой площадкой (рис. 4).

Конструкция погребения выявлена в виде четырехугольной обкладки из сохранившихся прямоугольно затесанных бревен длиной около 2 м (рис. 4 – 1). В верхней части заполнения обкладки зафиксирована относящаяся к верхнему строению галечная забутовка. Ниже – в слое строительной щепы с темно-коричневым суглинком – найдены атрибуты погребального обряда в виде деревянных вотивных предметов вооружения (меч, стрела) (рис. 4 – 2, 3), ручек от шаманских погремушек, металлической диадемы (фрагмента головного убора) и кожаного ремешка к ней, камня ярко-красного цвета, камня с остатками тканевого мешочка, фигурки птички из дерева (рис. 4 – 5), бусины, фрагментов ребер кита с отверстиями, фарфоровой чашечки и пр. Предметы лежали на подложке из сухой травы и веток кедрового стланика.

С погребением связана расположенная рядом обрядовая (очажная) площадка, на которой в большом количестве находились обгоревшие кости животных и морских млекопитающих – оленя, нерпы, кита, собаки, возможно, лисицы. Найдены кости (ребра, грудина и пр.), зубы, волосы, принадлежавшие предположительно человеку, фрагменты одежды из ровдуги, антропоморфное изображение из дерева (рис. 4 – 4), металлическая бляха-нашивка, деревянные дощечки с вырезанными на них крестами (рис. 4 – 6), многочисленные заостренные палочки с обожженными кончиками («спички»?), завернутые в черную тряпку мелкие камешки, миниатюрные зооморфные фигурки из кости (рис. 4 – 7, 8) и пр. В 2020 г. здесь же была найдена фигурка человека и фрагменты бивня мамонта [Историческая..., 2022].

Возможно, найденные при раскопках ОКН «Город Гижигинск» фигурки изготовлены коряками, уникальность косторезного изобразительного искусства которых отмечал В. И. Иохельсон, изучая их культуру в окрестностях Гижигинска [Иохельсон, 1997. С. 148–158]. Не исключаем сакральное значение фигурок, как у чукчей [Богораз, 1939. С. 17, 48]. Фигурки могли быть произведены на месте их обнаружения – в культурном слое найдено сырье со следами обработки (фрагменты бивня мамонта и рог оленя). Известно, что около Гижигинска находится естественное скопление костей и бивней мамонта («кладбище») [ПМА]. Исследователи отмечали, что «находки частей мамонта здесь не редки» [Прозоров, 1902. С. 162]. Также есть сведения, что вплоть до середины XX в. пожилые эвены пользовались культовыми изображениями антропоморфного и зооморфного характера [Титорева, 2016] – их пришивали на шаманский кафтан, пояса вместе с металлическими подвесками [Титорева, 2016. С. 5]. Шапка эвеного шамана Н. П. Хабровского состояла из двух частей, в том числе обруча, «надеваемого вокруг головы и крестообразно расположенных на макушке двух полосок, прикреплявшихся четырьмя лучами к обручу» [Попова, 1981. С. 247].

Предполагаем, что ритуальный комплекс с погребением связан с традицией захоронения шаманов у эвенов – одного из тунгусо-маньчжурских народов и населяющих сегодня Северо-Эвенский район Магаданской области [Линденау, 1983. С. 69]. Шаманов хоронили в отдаленных, скрытых от людей местах, «далеких от кочевых троп», «на возвышенных местах» [Попова, 1981. С. 252; Титорева, 2016. С. 6]. Таким местом является высокая, относительно большая терраса на берегу р. Гижига, к тому времени, вероятно, покинутая людьми Гижигинской крепости XVIII в.

Комплекс третьего культурного горизонта XVIII в. При изучении третьего культурного горизонта выявлены остатки двух построек, а также монета 1749 г. и артефакты, аналоги которым находим в комплексах XVIII в. русских городов (рис. 5).

Постройка № 1 представляет собой юго-западный угол строения, состоящий из двух бревен с подпрямоугольным сечением и глубокими соединительными пазами. Длина бревна основания, ориентированного по линии север – юг, – около 5 м, видимая часть бревна, ориентированного по линии запад – восток, – около 3 м. В нескольких местах конструкция снизу подпирается короткими брусками или кольями. В центре постройки отмечен фрагмент из пригнанных друг к другу досок, ориентированных по направлению север – юг, с поперечной перекладиной. Конструкция, вероятнее всего, представляет собой остатки пола. Остатки постройки находились в замороженном состоянии, поэтому дальнейшее изучение отложено до следующего полевого сезона.

Постройка № 2 – в виде трех бревен окладного венца с завалинками, расположенными с севера, юга и востока. Размеры видимой части постройки – 1,5 × 4 м. На восточной стенке, ближе к северо-восточному углу, зафиксирована прямоугольная конструкция из бревен размерами 1 × 2 м, вытянутая длинной стороной по линии запад – восток. Вероятнее всего, это фрагменты дверного проема (рис. 5 – 1). Остатки постройки также находятся в криолитоземе.

Основным датирующим материалом третьего горизонта стала медная монета «Денга 1749» (номинал ½ копейки 1749 г.), изготовленная на Екатеринбургском монетном дворе во время правления Елизаветы I (1741–1761 гг.). Диаметр монеты – 25 мм, вес – 8,19 г. На аверсе монеты изображен герб Российской империи первой половины XVIII в. Монета этого типа чеканилась в 1730–1754 гг. и была одной из самых массовых в империи того времени⁶.

В слое обнаружены предметы из дерева – игрушки (топорик (рис. 5 – 2), санки). Подобные предметы находят при раскопках Мангазеи – первого русского заполярного города Сибири [Визгалов, Пархимович, 2008 и др.].

Еще один предмет связан с периодом образования третьего культурного горизонта – помадная баночка (6,6 × 5,4 × 4 см) (рис. 5 – 3). Она найдена в мусорном ящике дома XIX – начала XX в., но могла попасть туда из нижележащего слоя XVIII в. Известно, что помадницы часто встречаются в городском культурном слое конца XVII – XVIII в.⁷

Одной из уникальных находок в слое стал фрагмент слайда с изображением человека на коне (рис. 5 – 4). Размер изделия: 5,6 × 6 × 0,3 см. На покрытом черной краской стекле изображен скачущий на белом коне по дороге всадник в красной рубаше и синих штанах. Эта находка свидетельствует об использовании гижигинцами «Волшебного фонаря» – относительно простого, но эффективного проекционного устройства, которое позволяло существенно увеличивать изображения на экране. В оптических мастерских Англии, Франции и Германии собирали и продавали «волшебные фонари» начиная с конца XVII в. Источником света в первых фонарях служили масляные лампы, изображения для проекции рисовали на стекле витражными красками [Животовский, 1874].

Собраны ружейные кремни, большая часть из которых также найдена в мусорном ящике, и приурочены к деревянной бочке. Для российского европейского степного пограничья в XVII–XVIII вв. такие модели были характерны [Колесник, Гусач, 2018]. Скорее всего, привезенные из Европы кремни были выброшены за ненадобностью в связи с появлением усовершенствованного оружия. Отсутствие следов износа на предметах, найденных в 2000 г. и изученных трасологическим методом (аналитик – Е. Ю. Гиря, ИИМК, г. Санкт-Петербург) подтверждают это.

Кроме того, здесь найдены отличающиеся от вышележащего слоя фрагменты фаянсовой посуды с орнаментом, деревянные, фаянсовые изделия, металлические ножи и пр.

В целом изучение третьего культурного горизонта подтверждает данные о функционировании Гижигинской крепости в XVIII в. [Вдовин, 1995; Шаховской, 1818, 1822 и др.].

Заключение. Таким образом, в результате полевых исследований в 2024 г. установлено, что в исто-

⁶ Медная монета Елизаветы Петровны 1741–1757 гг. URL : <https://moneta-russia.ru/imperiya/elizaveta/mednaya-moneta-elizavety.php> (дата обращения: 02.04.2025).

⁷ Гусева Т. В. Про милых дам. URL : <https://opentextnn.ru/history/archeology/find/guseva-t-v-pro-milyh-dam/> (дата обращения: 05.03.2025).

рии первого города на территории Магаданской области – Гижигинска были периоды заселения территории, которые сменялись ее запустением как минимум трижды.

Первый период связан с функционированием Гижигинской крепости в XVIII в., о которой до 2024 г. имелись только письменные свидетельства. Впервые были получены артефакты XVIII в. (медная монета 1749 г., предметы из дерева, стекла, фаянса и пр.), аналоги которым есть и на Русском Севере. Они подтверждают письменные источники и свидетельствуют, что Север Дальнего Востока также был включен в сферу активного присоединения и освоения территорий Российской империи при Елизавете Петровне.

Второй период связан с обнаруженным над содержащим остатки крепости слоем погребения шамана (XVIII в.?.) Учитывая специфику шаманских погребений вдали от жилых мест, можно утверждать, что к моменту захоронения крепость была заброшена.

Третий период по сохранности деревянной конструкции, находкам монет, клеймам на посуде определяется второй половиной XIX – серединой XX в. Во время бытования дома в нем находились фельдшерский пункт, аптека, школа, офис японской рыболовной компании⁸ [Понкраторова, Лебедева, Батаршев, 2023]. Находка монеты 1946 г. свидетельствует, что Гижигинск как поселение функционировал минимум до этого времени.

Используемая в этот период посуда производилась как на российских фабриках и заводах, так и за рубежом. Наличие посуды японского производства связано с деятельностью рыбопромышленников из Японии, у которых в Гижигинске в 1920–1930-е гг. находился офис⁹ [Арсеньев, 1925; Слабука, 2010]. Вероятно, изделия привозили как на продажу, так и для создания комфортных условий для проживания, что предположительно было связано с особенностями традиционной культуры японцев, находившихся в Гижигинске. Этот факт свидетельствует об активных торговых отношениях между местным населением, российскими и иностранными предпринимателями, функционировании японской рыболовной концессии и пр. Разнообразные функции посуды подтверждают достаточно высокий уровень и статус населения Гижигинска.

В целом новые данные меняют устоявшееся мнение о непрерывности функционирования поселения, дополняют сведения о культуре и быте местного населения, международных контактах. Впервые полученные вещественные источники из культурного горизонта, связанного с Гижигинским острогом и крепостью, подтверждают данные о расположении крепости именно в исследуемом месте – на левом берегу р. Гижига [Историческая..., 2022. С. 31]. Продолжение археологических исследований перспективно.

Благодарности

В 2024 г. полевые исследования проводились в рамках научной темы ФГБОУ ВО «СВГУ» «История города Гижигинска (XVII – начало XX в.)» (ФГАНУ ЦИТиС № гос. регистрации 121070600101-1) при поддержке Правительства Магаданской области и лично губернатора Магаданской области С. К. Носова и М. С. Бродкина, члена Попечительского совета МОО «РГО» И. Б. Донцова, председателя МОО «РГО» А. В. Нестеровича.

Литература и источники

Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. М. : Наука, 1982. 288 с.

Антонова А. А. Обувь и одежда из коллекции ОКН «Город Гижигинск» (раскопки 2020 г.) // Материалы LXIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. С. 141–143.

Арсеньев В. К. Гижигинский промысловый район. Очерк физико-географический и статистико-экономический // Экономическая жизнь Дальнего Востока, 1925. № 5, 6. 37 с.

Богораз В. Г. Чукчи. Ч. II. Религия. Л. : Изд-во Главсевморпути, 1939. 196 с.

Ватолина А. Е., Понкраторова И. Ю., Тупахина О. С. Швейные принадлежности гижигинцев (по данным археологической коллекции ОАН «Город Гижигинск») // Тихоокеанская археология: проблемы теории и практики. Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2025. С. 42–46.

⁸ ГАМО: Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 22: Материалы (доклады, сведения) о работе Гижигинского фельдпункта за 1924–1934 гг.; Оп. 1. Д. 60: Материалы инспектора рыболовства о деятельности японских фирм на арендованных рыболовческих участках за 1933 г.

⁹ ГАМО: Оп. 1. Д. 60: Материалы инспектора рыболовства о деятельности японских фирм на арендованных рыболовческих участках за 1933 г.

Вдовин И. С. Гижига – город-крепость на Северо-Востоке России // Памятники, памятные места истории и культуры Северо-Востока России. Магадан : Магадан. кн. изд-во, 1995. С. 78–82.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования. Екатеринбург ; Нефтеюганск : «Магеллан», 2008. 296 с.

ГАМО (Государственный архив Магаданской области). Фонд Р-59. Оп. 1. Д. 22: Материалы (доклады, сведения) о работе Гижигинского фельдпункта за 1924–1934 гг.

ГАМО (Государственный архив Магаданской области). Фонд Р-59. Оп. 1. Д. 60: Материалы инспектора рыболовства о деятельности японских фирм на арендованных рыболовецких участках за 1933 г.

Животовский Н. П. Волшебный фонарь, его описание и употребление. СПб. : Н. Фену и К°, 1874. 57 с.

Иванов А. А., Понкраторова И. Ю., Тупахина О. С. Японская посуда из археологической коллекции ОАН «Город Гижигинск» // Тихоокеанская археология: проблемы теории и практики. Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2025. С. 92–96.

Историческая археология Севера: город Гижигинск / С. В. Батаршев, И. Ю. Понкраторова, Н. А. Дорофеева [и др.] // Северо-Восточный гуманитарный вестник, 2022. № 1 (38). С. 23–34.

Иохельсон В. И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб. : Наука, 1997. 237 с.

Каневская Н. А. Традиционный японский фарфор. По материалам коллекции Государственного музея Востока. М. : ГМИНВ, 2004. 74 с.

Колесник А. В., Гусач И. Р. Ружейные и кресальные кремни из крепости Лютик (XVII–XVIII вв.) на Нижнем Дону // Поволжская археология, 2018. № 4. С. 98–116.

Конь У. С., Понкраторова И. Ю. История города Гижигинска (1650-е – 1920-е гг.) // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2019. С. 237–239.

Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этногр. материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан : кн. изд-во, 1983. 176 с.

Назарова Я. В. Особенности появления и развития городов Охотского побережья России на примере Гижиги (XVII – первая четверть XX в.) // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2015. С. 455–468.

Понкраторова И. Ю. Роль Северо-Восточного государственного университета в реализации проекта «Гижигинская археологическая экспедиция» (2019–2020 гг.) // Университеты России в диалоге со временем. М. : Знание-М, 2021. С. 98–108.

Понкраторова И. Ю., Батаршев С. В., Дорофеева Н. А. Русские горизонты «Территории»: история и археология Гижигинска // Культура русских в археологических исследованиях : археология Севера России. Омск ; Сургут : Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2021. С. 64–69.

Понкраторова И. Ю., Лебедева Л. С., Батаршев С. В. Эпидемии и заболевания на северо-востоке России в исторической ретроспективе: Гижигинск в XIX – начале XX века // Труды Ин-та истории, археологии и этнографии ДВО РАН, 2023. Т. 40. С. 106–129.

Понкраторова И. Ю., Сулейманлы Р. Т., Батаршев С. В. Нумизматическая коллекция объекта культурного наследия Магаданской области «Город Гижигинск» // Вестник Северо-Восточного государственного университета, 2023. Вып. 39. С. 5–15.

Попова У. Г. Пережитки шаманизма у эвенов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам II половины XIX – начала XX в.). Л. : Наука, 1981. С. 233–252.

Прозоров А. А. Экономический обзор Охотско-Камчатского края. СПб. : «Труд», 1902. 388 с.

Религиозная символическая атрибутика Русского Севера в системе культурных ценностей гижигинцев (XIX – начало XX в.) / И. Ю. Понкраторова, О. П. Федирко, С. В. Батаршев [и др.] // Народы и религии Евразии, 2023. Т. 28. № 2. С. 104–123.

Слабука В. В. Публикуется впервые...: сборник очерков истории органов государственной безопасности Камчатки. Владивосток : Русский Остров, 2010. 357 с.

Сулейманлы Р. Т. Оглы, Тупахина О. С., Понкраторова И. Ю. Нумизматическая коллекция ОАН «Город Гижигинск» (по данным полевых работ в 2024 г.) // Тихоокеанская археология: проблемы теории и практики. Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2025. С. 241–247.

Титорева Г. Т. Шаманские верования эвенов Приохотья // Религиоведение: научно-теоретический журнал, 2016. № 2. С. 3–12.

Шаховской А. О начале построения Гижигинской крепости // Вестник Европы. М., 1818. Ч. 102. С. 280–285.

Шаховской А. Известия о Гижигинской крепости // Северный архив. СПб., 1822. Ч. IV. С. 283–312.

Шиллинг Н. А. Курс дымных порохов. М. : ОБОРОНГИЗ, 1940. 280 с.

Wood A. L. Beachcombing for Japanese Glass Floats. Oregon: Mort Binford & Mort Publishing, 1967. 221 p.

Сведения об авторах:

Тупахина Ольга Сергеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник ООО «Палеопоиск», ул. Демакова, д. 23/5, оф. 330, г. Новосибирск, 630128.

SPIN-код: 2466-3672

E-mail: olga-tupakhina@yandex.ru

Понкратова Ирина Юрьевна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научного отдела, профессор ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет», ул. Портовая, 13, г. Магадан, 685000.

SPIN-код: 6324-7078

E-mail: ponkratova1@yandex.ru

Лебедева Любовь Сергеевна – аспирант ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет», ул. Портовая, 13, г. Магадан, 685000.

SPIN-код: 9127-2061

E-mail: lebedeva.lubov.magadan@yandex.ru

O. S. Tupakhina¹, I. Y. Ponkratova², L. S. Lebedeva²

¹ООО «Paleopoisk», Novosibirsk, Russia

² Northeastern State University, Magadan, Russia

CULTURAL HERITAGE SITE «GIZHIGINSK CITY»: RESULTS OF FIELD WORK IN 2024

Summary

In 2024, excavations of the cultural heritage site «City of Gizhiginsk» were carried out in the Severo-Evensky district of the Magadan region. The purpose of the research is to continue the work started in 2020 to clarify the time and features of the facility. The artifacts were identified, as well as the search and analysis of historical and archival materials related to them, and their interpretation. The purpose of the publication is to introduce the data obtained into scientific circulation. Historical descriptions, archival documents, reference materials, and personal observations were used to interpret the finds. This allowed us to assume the place of origin and the circumstances of the appearance of the artifacts found in Gizhiginsk.

An area of 91 m² was studied. About 9,000 artifacts were found, including household items, religious paraphernalia, fragments of dishes, clothing, shoes, coins, etc. Three cultural horizons have been identified. In the first horizon, the remains of a wooden house with two living rooms, a room for livestock, and a place for storing household waste have been investigated. The materials date from the second half of the 19th – the middle of the 20th centuries. A ritual complex with the burial of a shaman (18th century?) has been discovered in the second horizon. Fragments of 18th-century buildings have been found in the third horizon. A copper coin from 1749 and other artifacts were found here, which have analogues in the Russian north. They were found for the first time in Gizhiginsk and indicate that the North of the Far East was included in the sphere of active annexation and development of the territories of the Russian Empire during the era of Elizabeth.

The data obtained shows that periods of settlement of the territory were replaced by its desolation at least three times in the history of Gizhiginsk. New materials have changed the established opinion about the continuity of the settlement's functioning, information about the culture and way of life of the local population, and international contacts has been supplemented.

Acknowledgements

In 2024, field research was conducted within the framework of the scientific topic of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Northeastern State University» – «History of the city of Gizhiginsk (XVII – early XX centuries)» (Federal State Autonomous Scientific Institution «Center for Information Technologies and Systems», state registration number 121070600101-1) with the support of the Government of the Magadan Region and personally the governor of the Magadan region, S.K. Nosov and M.S. Brodtkin, member of the Board of Trustees of the Magadan Regional Branch of the Russian Geographical Society – I.B. Dontsov, Chairman of Magadan Regional Branch of the Russian Geographical Society» by A.V. Nesterovich.

References

- Alekseev A. I.** Osvoenie russkimi lyud'mi Dal'nego Vostoka i Russkoy Ameriki do kontsa XIX veka [Russian Russians settled in the Far East and Russian America before the end of the 19th century]. Moscow : Nauka, 1982, 288 p. (In Russ.).
- Antonova A. A.** Obuv' i odezhda iz kollektsii OKN «Gorod Gizhiginsk» (raskopki 2020 g.) [Shoes and clothes from the collection of the Cultural Heritage Object «Gizhiginsk City» (excavations in 2020)] // Materialy LXIII Rossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh [Proceedings of the LXIII Russian (with international participation) Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scientists]. Novosibirsk : IAET SB RAS Publ., 2023, pp. 141–143. (In Russ.).
- Arsen'ev V. K.** Gizhiginskii promyslovyy rayon. Ocherk fiziko-geograficheskoy i statistiko-ekonomicheskoy [Gizhiginsk commercial district. Physical-geographical and statistical-economic essay]. Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka [The economic life of the Far East], 1925, No. 5, 6, 37 p. (In Russ.).
- Bogoraz V. G.** Chukchi. Ch. II. Religiya [Chukchi. Part II. Religion]. Leningrad : Glavsevmorputi press., 1939, 196 p. (In Russ.).
- Ivanov A. A., Ponkratova I. Y., Tupakhina O. S.** Yaponskaya posuda iz arkheologicheskoy kollektsii OAN «Gorod Gizhiginsk» [Japanese tableware from the archaeological collection of the Archaeological Heritage Site «City of Gizhiginsk»] // Tikhookeanskaya arkheologiya: problemy teorii i praktiki [Pacific Archaeology: problems of theory and practice]. Vladivostok : Far Eastern Federal Univ. Press., 2025, pp. 92–96. (In Russ.).
- Istoricheskaya arkheologiya Severa: gorod Gizhiginsk [Historical archeology of the North: Gizhiginsk city] / S. V. Batarshhev, I. Yu. Ponkratova, N. A. Dorofeeva [and etc.] // Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik [Northeastern Humanitarian Bulletin], 2022, No. 1 (38), pp. 23–34. (In Russ.).
- Iokhel'son V. I.** Koryaki. Material'naya kul'tura i sotsial'naya organizatsiya [The Koryaks. Material culture and social organization]. St. Petersburg : Nauka, 1997, 237 p. (In Russ.).
- GAMO (Gosudarstvennyy arhiv Magadanskoj oblasti [The State Archive of the Magadan region]). Fond R-59. Op. 1. D. 22: Materialy (doklady, svedeniya) o rabote Gizhiginskogo fel'dpunkta za 1924–1934 gg. [Materials (reports, information) on the work of the Gizhiga field hospital for 1924–1934]. (In Russ.).
- GAMO (Gosudarstvennyy arhiv Magadanskoj oblasti [The State Archive of the Magadan region]). Fond R-59. Op. 1. D. 60: Materialy inspektora rybolovstva o dejatel'nosti yaponskih firm na arendovannyh ryboloveckih uchastkah za 1933 g. [Materials of the Fisheries Inspector on the activities of Japanese firms in leased fishing areas for 1933]. (In Russ.).
- Kanevskaya N. A.** Traditsionnyy yaponskiy farfor. Po materialam kollektsii Gosudarstvennogo muzeya Vostoka [Traditional Japanese porcelain. By on the materials of the collection of the State Museum of Oriental Art]. Moscow : The State Museum of Oriental Art, 2004, 74 p. (In Russ.).
- Kolesnik A. V., Gusach I. R.** Ruzheynye i kresal'nye kremni iz kreposti Lyutik (XVII–XVIII vv.) na Nizhnem Donu [Rifle and steel flints from the fortress of Lyutik (XVII–XVIII centuries) on the Lower Don] // Povolzhskaya arkheologiya [Volga River Region Archeology], 2018, No. 4, pp. 98–116. (In Russ.).
- Kon' U. S., Ponkratova I. Y.** Istoriya goroda Gizhiginska (1650-e – 1920-e gg.) [The History of Gizhiginsk City (1650–1920)] // Materialy LIX Rossiyskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh [Proceedings of the LIX Russian Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scientists]. Blagoveshchensk : Blagoveshchensk State Pedagogical Univ. Press., 2019, pp. 237–239. (In Russ.).
- Lindenau Y. I.** Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka): Istoriko-etnogr. materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka [Description of the peoples of Siberia (the first half of the XVIII century): Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the Northeast]. Magadan : Magadan book press., 1983. 176 p. (In Russ.).
- Nazarova Y. V.** Osobennosti poyavleniya i razvitiya gorodov Okhotskogo poberezh'ya Rossii na primere Gizhigi (XVII – pervaya chetvert' XX vv.) [Features of the appearance and development of cities of the Okhotsk coast of Russia on the example of Gizhiga (XVII – first quarter of XX centuries)] // Vladivostok – tochka vozvrashcheniya: proshloe i nastoyashchee russkoy emigratsii [Vladivostok is a point of return: the past and present of Russian emigration]. Vladivostok : Far Eastern Federal Univ. Press., 2015, pp. 455–468. (In Russ.).
- Ponkratova I. Y.** Rol' Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta v realizatsii proekta «Gizhiginskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya» (2019–2020 gg.) [The role of Northeastern State University in the implementation of the Gizhiga Archaeological Expedition project (2019–2020)] // Universitety Rossii v dialoge so Vremenem [Russian Universities in dialogue with the Times]. Moscow : Znanie-M, 2021, pp. 98–108. (In Russ.).
- Ponkratova I. Yu., Batarshhev S. V., Dorofeeva N. A.** Russkie gorizonty «Territorii»: istoriya i arkheologiya Gizhiginska [Russian horizons «Territories»: history and archeology of Gizhiginsk] // Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: arkheologiya Severa Rossii [Culture of Russians in archaeological research: archeology of the North of Russia]. Omsk ; Surgut : Institut arkheologii Severa Press., 2021, pp. 64–69. (In Russ.).

Ponkratova I. Yu., Lebedeva L. S., Batarshev S. V. Epidemii i zabolevaniya na severo-vostoke Rossii v istoricheskoy retrospektive: Gizhiginsk v XIX – nachale XX v. [Epidemics and diseases in the North-East of Russia in historical retrospect: Gizhiginsk in the 19th – early 20th centuries] // Trudy In-ta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN [Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences], 2023, No. 40, pp. 106–129. (In Russ.).

Ponkratova I. Y., Suleymanly R. T., Batarshev S. V. Numizmaticheskaya kollektsiya ob»ekta kul'turnogo naslediya Magadanskoy oblasti «Gorod Gizhiginsk» [Numismatic collection of the Cultural Heritage Site of the Magadan region «Gizhiginsk City»] // Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Northeastern State University], 2023, No. 39, pp. 5–15. (In Russ.).

Popova U. G. Perezhitki shamanizma u evenov [Remnants of shamanism among the Evens] // Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri (po materialam II poloviny XIX – nachala XX vv.) [Problems of the history of the social consciousness of the aborigines of Siberia (based on the materials of the second half of XIX and early XX centuries)]. Leningrad : Nauka, 1981, pp. 233–252. (In Russ.).

Prozorov A. A. Ekonomicheskiy obzor Okhotsko-Kamchatskogo kraia [Economic overview of the Okhotsk-Kamchatka Territory]. St. Petersburg : «Trud», 1902, 388 p. (In Russ.).

Religioznaya simvolicheskaya atributika russkogo Severa v sisteme kul'turnykh tsennostey gizhigintsev (XIX – nachalo XX vv.) [Religious symbolic attributes of the Russian North in the system of cultural values of the Gizhigin people (XIX – early XX centuries)] / I. Y. Ponkratova, O. P. Fedirko, S. V. Batarshev [ets.] // Narody i religii Evrazii [Peoples and religions of Eurasia], 2023, 28, No. 2, pp. 104–123. (In Russ.).

Slabuka V. V. Publikuetsya vpervye...: sbornik ocherkov istorii organov gosudarstvennoy bezopasnosti Kamchatki [Published for the first time...: collection of essays on the history of Kamchatka state security agencies]. Vladivostok : Russkiy Ostrov, 2010, 357 p. (In Russ.).

Suleymanly R. T. O., Tupakhina O. S., Ponkratova I. Y. Numizmaticheskaya kollektsiya OAN «Gorod Gizhiginsk» (po dannym polevykh rabot v 2024 g.) [Numismatic collection of the Archaeological Heritage Site «Gizhiginsk City» (according to fieldwork data in 2024)] // Tikhookeanskaya arkheologiya: problemy teorii i praktiki [Pacific Archaeology: problems of theory and practice]. Vladivostok : Far Eastern Federal Univ. Press., 2025, pp. 241–247. (In Russ.).

Shakhovskoy A. A. O nachale postroeniya Gizhiginskoy kreposti [About the beginning of the construction of the Gizhiga fortress] // Vestnik Evropy [Bulletin of Europe], 1818. Moscow, Ch. 102, No. 24, pp. 280–285. (In Russ.).

Shakhovskoy A. A. Izvestiya o Gizhiginskoy kreposti [News about the Gizhiga fortress] // Severnyy arkhiv [The Northern Archive]. St. Petersburg, 1822, Ch. IV, pp. 283–312. (In Russ.).

Shilling N. A. Kurs dymnykh porokhov [A course of smoky powders]. Moscow : OBORONGIZ, 1940, 280 p. (In Russ.).

Titoreva G. T. Shamanskii verovaniya evenov Priokhot'ya [Shamanic beliefs of the Evens of Priokhotye] // Religiovedenie: nauchno-teoreticheskiy zhurnal [Religious Studies: a scientific and theoretical journal], 2016. No. 2, pp. 3–12. (In Russ.).

Vatolina A. E., Ponkratova I. Y., Tupakhina O. S. Shveynye prinadlezhnosti gizhigintsev (po dannym arkheologicheskoy kollektsii OAN «Gorod Gizhiginsk») [Sewing accessories of the Gizhigin people (according to the archaeological collection of the Archaeological Heritage Site «City of Gizhiginsk»)] // Tikhookeanskaya arkheologiya: problemy teorii i praktiki [Pacific Archaeology: problems of theory and practice]. Vladivostok : Far Eastern Federal Univ. Press., 2025, pp. 42–46. (In Russ.).

Vdovin I. S. Gizhiga – gorod-krepost' na Severo-Vostoke Rossii [Gizhiga is a fortress city in Northeastern Russia] // Pamyatniki, pamyatnye mesta istorii i kul'tury Severo-Vostoka Rossii [Monuments, memorials of the history and culture of the North-East of Russia]. Magadan : Magadan. kn. izd-vo, 1995, pp. 78–82. (In Russ.).

Vizgalov G. P., Parkhimovich S. G. Mangazeya: novye arkheologicheskie issledovaniya [Mangazeya: new archaeological research]. Ekaterinburg ; Nefteyugansk : «Magellan», 2008, 296 p. (In Russ.).

Zhivotovskiy N. P. Volshebnyy fonar', ego opisanie i upotreblenie [The magic lantern, its description and usage]. St. Petersburg : N. Fenu i K°, 1874, 57 p. (In Russ.).

Wood A. L. Beachcombing for Japanese Glass Floats. Oregon: Mort Binford & Mort Publishing, 1967, 221 p.

Information about the authors:

Tupakhina Olga S. – candidate of Historical Sciences, research officer, Limited Liability Company «Paleopoisk», Demakova str., 23/5, office 330, Novosibirsk, 630128.

E-mail: olga-tupakhina@yandex.ru

Ponkratova Irina Y. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading researcher of the Scientific Department, Professor of the Northeastern State University, 13 Portovaya St., Magadan, 685000.

E-mail: ponkratova1@yandex.ru

Lebedeva Lyubov S. – postgraduate student at the Northeastern State University, 13 Portovaya St., Magadan, 685000.

E-mail: lebedeva.lubov.magadan@yandex.ru

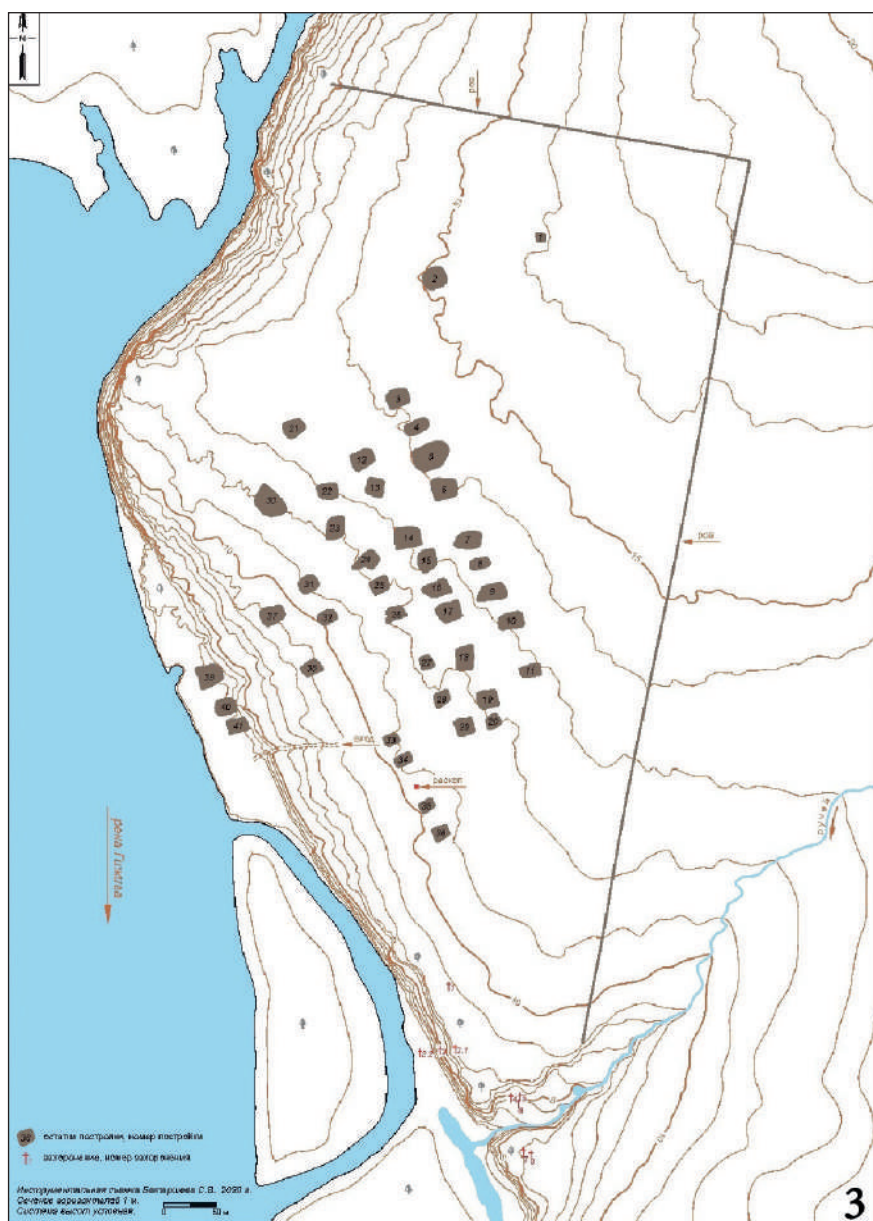

Рис. 1. Месторасположение ОКН «Город Гижигинск»: 1 – карта расположения; 2 – территория объекта (вид с юго-запада, снимок 2020 г.); 3 – топографический план (составлен по результатам работ 2020 г.) (по: [Понкратова, Батаршев, Дорофеева, 2021. С. 64, рис. 1, 1–3]); 4 – процесс работ, 2024 г.

Fig. 1. Location of the cultural heritage site «Gizhiginsk City»: 1 – location map; 2 – site area (view from the southwest, photo 2020); 3 – topographic plan (compiled based on the results of work in 2020) (according to: [Ponkratova, Batarshv, Dorofeeva, 2021. P. 64. Fig. 1, 1–3]); 4 – the work process, 2024

Рис. 2. Остатки строений ОКН «Город Гижигинск» на уровне первого культурного горизонта: 1 – в секторе 1; 2 – в секторе 2; 3 – печь № 1; 4 – печь № 2; 5 – комната № 1; 6 – мусорный ящик (фото с юга)

Fig. 2. The remains of the buildings of the cultural heritage site «Gizhiginsk City»: at level 1 of the cultural horizon: 1 – in sector 1; 2 – in sector 2; 3 – furnace No. 1; 4 – furnace No. 2; 5 – room No. 1; 6 – trash can (view from the south)

Рис. 3. Находки ОКН «Город Гижигинск» в культурном горизонте 1: 1 – фрагмент фарфоровой тарелки с клеймом завода «И. Е. Кузнецов на Волхове»; 2 – фрагмент фаянсовой посуды с клеймом «Товарищество М. С. Кузнецова в Будах»; 3, 4 – фрагменты фаянсовой емкости с клеймом бренди фирмы Поля Бардине во Франции; 5 – фрагмент фарфоровой тарелки с клеймом фирмы «Brown-Westhead. Moore & Co»; 6–9 – фрагменты фарфоровых изделий производства Японии; 10 – фрагменты иконы; 11 – поршень медицинского шприца; 12–14 – аптекарские флаконы; 15 – ножницы; 16, 17 – фрагменты кукол из резины; 18 – парфюмерный флакон

Fig. 3. Cultural Heritage Site «Gizhiginsk City» in the cultural horizon 1: 1 – a fragment of a porcelain plate with the stamp of the I.E. Kuznetsov on Volkhov factory; 2 – a fragment of earthenware tableware with the stamp of the M. S. Kuznetsov Partnership in Budy; 3, 4 – fragments of an earthenware container with the stamp of Paul Bardinet brandy in France, 5 – a fragment of a porcelain plate with the stamp of the Brown-Westhead company. Moore & Co; 6–9 – fragments of porcelain products made in Japan; 10 – fragments of icons; 11 – plunger of a medical syringe; 12–14 – pharmacy vials; 15 – scissors; 16, 17 – fragments of dolls made of rubber; 18 – perfume bottle

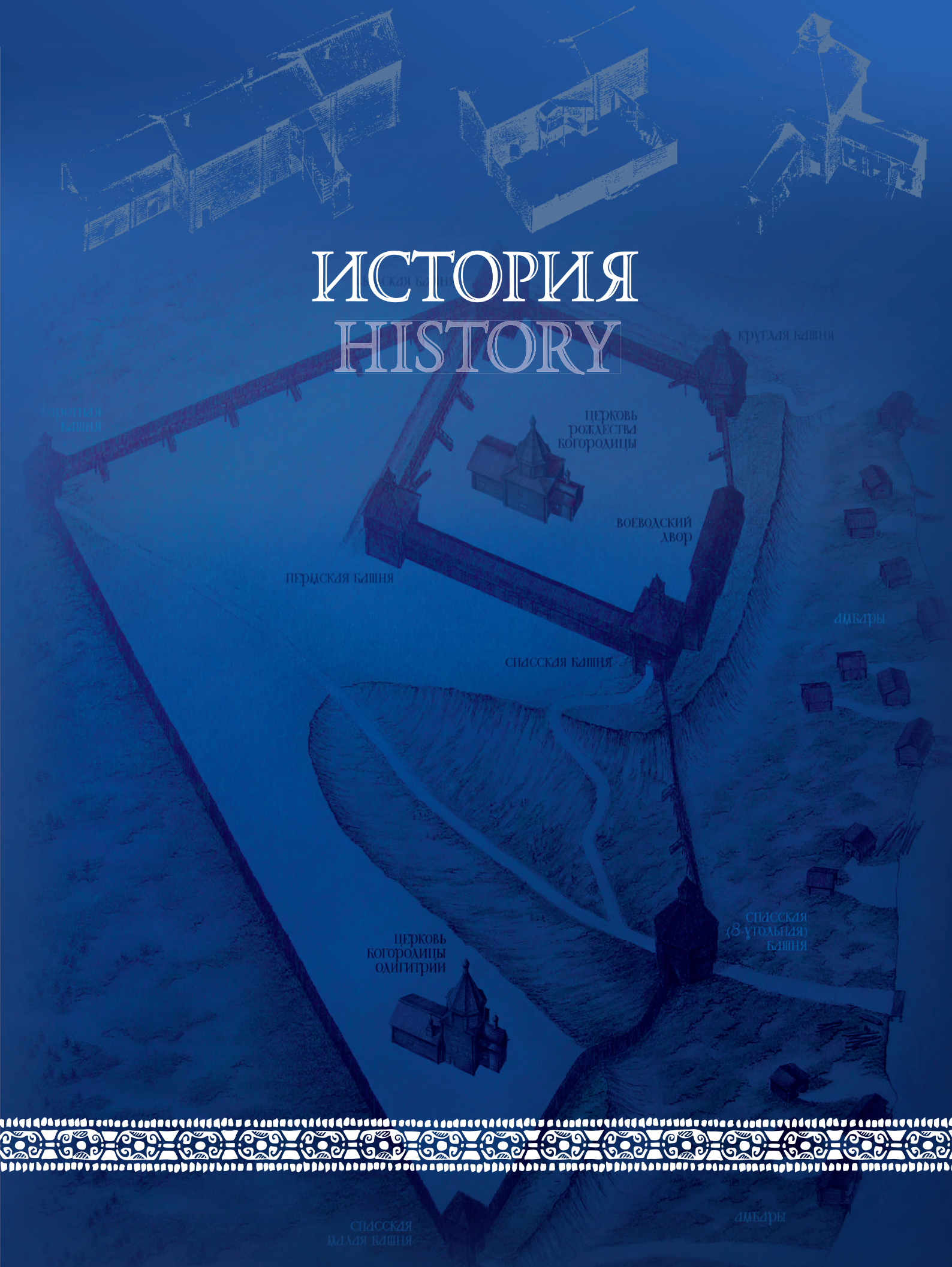
Рис. 4. Находки ОКН «Город Гижигинск» в культурном горизонте 2: 1 – погребение шамана (вид с юга); 2 – меч; 3 – стрела; 4 – антропоморфное изображение; 5 – птичка; 6 – дощечка с нарезным крестом; 7 – фигурка бобра; 8 – фигурка песца (2–6 – из дерева; 7, 8 – из кости)

Fig. 4. Cultural Heritage Site «Gizhiginsk City» in the cultural horizon 2: 1 – burial of a shaman (view from the south); 2 – sword; 3 – arrow; 4 – anthropomorphic image; 5 – bird; 6 – the tablet with a rifled cross; 7 – beaver figurine; 8 – arctic fox figurine (2–6 – from wood, 7, 8 – made of bone)

Рис. 5. Находки ОКН «Город Гижигинск» в культурном горизонте 3: 1 – деталь постройки XVIII в. (дверь (?)) (вид с севера); 2 – деревянный топорик; 3 – помадная банка; 4 – фрагмент слайда «Волшебного фонаря»

Fig. 5. Finds of Cultural Heritage Site «Gizhiginsk City» in the cultural horizon 3: 1 – detail of the XVIII century building (door (?)) (view from the north); 2 – wooden hatchet; 3 – lipstick jar; 4 – fragment of the slide «Magic lantern»

УДК 94(571)

DOI 10.31630/2949-3609-2026-1-142-157

А. В. Вербовский¹¹ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей», Донецк, Россия

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ ОБОРОННЫХ СООРУЖЕНИЙ ГОРОДА БЕРЁЗОВА

Аннотация. В данной статье описывается опыт создания графических реконструкций деревянных оборонных укреплений города Берёзова, возведенных в конце XVI – XVII в. В графических работах показаны изменения в облике оборонных сооружений Берёзова с момента возведения Берёзовского кремля в 1593 г. до конфигурации городских и острожных укреплений после 1642 г. Рисунки-реконструкции создавались как на основе сведений из исторических нарративных и визуальных источников, так и данных, полученных в ходе археологических экспедиций.

Annotation. This article describes the experience of creating graphic reconstructions of wooden defensive fortifications of the city of Berezov, erected at the end of the XVI–XVII centuries. The graphic works show changes in the appearance of Berezov's defensive structures from the moment the Berezovsky Kremlin was erected in 1593 to the configuration of the city and defensive fortifications after 1642. The reconstruction drawings were created based on information from historical narrative and visual sources, as well as data obtained during archaeological expeditions.

Ключевые слова: Берёзовский деревянный кремль, оборонное зодчество Сибири, деревянные фортификационные сооружения, острог, графическая реконструкция

Keywords: Berezovsky wooden Kremlin, defense architecture of Siberia, wooden fortifications, fort, graphic reconstruction

Графическая реконструкция в исторических изысканиях является вспомогательным инструментарием, позволяющим наглядно представить научному сообществу и широкому кругу читателей объемную информацию, полученную в результате археологических изысканий, изучения исторических документов и этнографических материалов.

Цель публикации: представить результаты работы по созданию графических реконструкций оборонных сооружений г. Берёзова.

Географические рамки статьи охватывают территорию ХМАО, г. Берёзов, а хронологические – XVI–XVII вв.

В качестве источников для исследования взяты материалы археологических исследований НПО «Северная археология – 1».

В научных работах В. И. Кочадамова, А. Т. Шашкова, Е. В. Вершинина, А. Ю. Майничевой, Г. П. Визгалова, С. Г. Пархимовича, Е. Н. Петровой особое внимание уделялось застройке Берёзова в период XVI–XVII вв. [Кочадамов, 1977. С. 105–111; Шашков, 1998. С. 250–253; Вершинин, 2018. С. 95–108; Майничева, 2010. С. 405–409; Визгалов, Пархимович, Петрова, 2022; Петрова, 2024. С. 10–157].

Главная особенность работы по созданию графических изображений Берёзова – это возможность получения новых сведений об объекте исследований, которые предоставляют археологические работы, не один год проводимые на территории исто-

рической застройки города. Каждый новый сезон археологических экспедиций НПО «Северная археология – 1» предоставляет специалистам внести уточнения в представления о том, как выглядели кремль и острог Берёзова в конце XVI – XVII в. Предыдущие работы по созданию подобных реконструкций создавались на исторических материалах, к которым получение дополнительной информации в обозримом будущем маловероятно.

Например, рисунок-реконструкция Торской крепости создавался преимущественно на основе письменных источников и историографических работ [Багалей, 1887. С. 49; Давыденко, Зоря, 2017. С. 116–150], так как результаты археологических работ не выявили остатков оборонных сооружений. Единственное свидетельство наличия построек на месте раскопок – это остатки деревянных полов. Также получение дополнительных сведений об устройстве укреплений Торской крепости затруднено современной застройкой и (в большей степени) политической ситуацией. Визуальные источники эпохи (чертежи и рисунки того времени) тоже дают не слишком подробную информацию о данной крепости [Вербовский, 2025. С. 61].

А в случае создания изображения оборонных сооружений и внутренних построек Илимского острога главным носителем информации является именно визуальный источник: план Илимского острога, созданный в 1703 г. [Кочадамов, 1977. С. 45]. Понимание

того, как выглядел Илимский острог, упрощают уже существующие графические реконструкции, представленные в монографиях Н. П. Крадина «Русское деревянное оборонное зодчество» [Крадин, 1988. С. 109] и В. И. Кочедамова «Первые русские города Сибири» [Кочедамов, 1977. С. 46].

Одной из задач археологических изысканий на территории города Берёзова, проводимых «Северной археологией – 1», является определение исторически достоверных конструктивных особенностей и внешнего вида оборонных сооружений Берёзовского кремля и острога, в том числе и в виде графических реконструкций.

В ходе работы была поставлена задача по созданию рисунков-реконструкций внешнего вида деревянных укреплений города, возводимых на нескольких этапах его бытования.

Необходимо отметить, что данная работа над графической реконструкцией деревянных укреплений Берёзова начата далеко не на пустом месте. За несколько лет плодотворной работы по визуальному воссозданию облика Берёзова в XVI–XVII вв. художником А. С. Кухтериным было создано большое количество графических и живописных произведений, художественные и исторические достоинства которых не подлежат сомнению [Визгалов, 2022]. В связи с этим необходимо было предложить свои графические решения, которые соответствовали бы требованиям к иллюстративному материалу, создаваемому для научных публикаций, которые предъявляют к ним исследователи НПО «Северная археология – 1». Поэтому весь ряд графических реконструкций выполнен не в привычном для живописцев и графиков ракурсе с высоты человеческого роста, а «с высоты птичьего полета» (вместо вида на город Берёзов с другого берега реки, применявшийся до этого в живописных и графических работах художником А. С. Кухтериним), что позволяет на одном листе показать все элементы городских и острожных оборонных укреплений Берёзова. Помимо этого, ракурс выполненных рисунков соответствует привычному для научных работников виду, когда географический север находится в верхней части листа.

Основой данной работы по созданию иллюстративного материала являлись не собственные научные изыскания автора (что, разумеется, не избавляло от необходимости изучения исторической информации и материалов предыдущих археологических экспедиций), а результат профессиональной деятельности группы археологов НПО «Северная археология – 1» и архитектора Е. Н. Петровой, сформировавших внушительный корпус научной информации по конструктивным особенностям и расположению башен, рубленых и острожных стен Берёзова, а также их привязки к географиче-

ской карте города [Визгалов, 2022; Петрова, 2024. С. 10–157].

За время работы были созданы четыре графические реконструкции укреплений города, соответствующие разным временным отрезкам бытования деревянных укреплений Берёзова.

На первом этапе запечатлен момент основания города в 1593 г. При постройке первых оборонных укреплений был возведен кремль с четырьмя башнями и рублеными стенами. Описание конструктивных характеристик стен и башен этого периода можно найти в работе «Берёзов: оборонительное и гражданское зодчество конца XVI – середины XVIII века (по данным комплексного исследования)» [Петрова, 2024. С. 10–157].

На основании тщательного изучения результатов археологических материалов и исторических источников архитектором Е. Н. Петровой созданы чертежи башен и стен, рубленых городнями. Они дают возможность создания подробной графической реконструкции Берёзовского кремля.

Таким образом, первый Берёзовский кремль имел рубленые стены и четыре башни: Круглую (шестиугольную), Московскую проезжую, Пермскую и Вымскую (рис. 1). Одной из особенностей городских укреплений Берёзова являлся воеводский двор, встроенный в восточную стену кремля. Графическая реконструкция воеводского двора уже принималась исследователями истории городских укреплений Берёзова. Основой для графического изображения воеводского двора послужили не только работы А. С. Кухтерина [Визгалов, 2022. С. 40] и чертежи Е. Н. Петровой, но и графическая реконструкция этого строения, созданная исследователем А. Ю. Майничевой и опубликованная в работе «Реконструкция Берёзовского острога 1636 года» [Майничева, 2010. С. 405–409].

На втором этапе реконструкции внесены дополнения в описание городских укреплений, сделанных по описи Павла Хмелевского на 1636 год, когда к существующим городским укреплениям с южной стороны был пристроен острог с тремя башнями. Спасская восьмиугольная башня располагалась в восточной части острога, ворота которой выходили к реке. Спасская малая башня стала на тот момент самой южной точкой оборонных сооружений, а Воротная башня венчала западную оконечность острожной стены.

Появление острога было не единственным изменением в конфигурации оборонных сооружений Берёзова, произошедшем ко времени приезда в город П. Хмелевского. Рубленые стены кремля, пришедшие к этому времени в негодность, были заменены на острожные, что отражено на втором листе графической реконструкции. Помимо этого, Круглая башня была перенесена западнее первоначального своего

местоположения, поскольку высокий берег, на котором она стояла, осыпался в реку (рис. 2).

Третий лист графической реконструкции показывает увеличение размеров острога. От Спасской малой башни вдоль берега прямым углом была выстроена стена длиной 194 м (рис. 3), которая упиралась в Глухую четырехугольную башню, ставшую новой южной точкой острога. От Глухой башни на запад протянулась острожная стена до Лесной проезжей башни, которая, в свою очередь, была соединена с Воротной башней.

Четвертый этап описывает появление новых оборонных городских укреплений Берёзова, построенных после большого пожара 1642 г., когда сгорели и кремль, и острог. Были возведены новые стены («острог мал и низок, и в остроге теснота большая» [Миллер, 1999. С. 572] и башни. На северо-востоке вместо Круглой башни была поставлена новая наугольная башня. В той части городских укреплений, где раньше находилась Вымская башня, возвели «Глухую башню от поля». Юго-западный угол городской стены, ранее завершавшийся Пермской башней, теперь просто примыкал к стене острога. В центр южной стены была перенесена Спасская башня, к которой примыкала караульная изба. В западной стене были сделаны ворота. За городскими стенами построена церковь Ильи Пророка (рис. 4).

Дополнительно к перечисленным графическим работам были прорисованы отдельные изображения четырех башен Берёзовского кремля, пяти башен острога, фрагментов срубных конструкций городской стены, рисунки воеводского двора, двух усадеб. Рисунки-реконструкции отдельных башен кремля и острога исследователями создавались и ранее. В книге «Берёзов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков» приводятся рисунки, сделанные историком А. Ю. Майничей [Визгалов, 2022. С. 23].

Рисунок-реконструкция воеводского двора выполнен с учетом предыдущих реконструкций, созданных А. Ю. Майничей и А. С. Кухтериним (рис. 5).

Каждое археологическое обследование «Городища Берёзовского» привносит что-нибудь новое в научную информацию о фортификационных особенностях кремля и острога и, соответственно, влечет за собой необходимость внесения корректив в графические реконструкции. Поэтому было принято решение создать отдельные изображения всех башен Берёзовского кремля (рис. 6), башен острога (рис. 7), а также рубленых городских стен (рис. 8).

Помимо реконструкций оборонных укреплений города, созданы графические изображения усадеб на основе информации, полученной в результате археологических экспедиций [Визгалов, 2024. С. 335–343]. Составленные Е. Н. Петровой планы и фасады усадеб № 3 (рис. 9) и № 7 (рис. 10) Берёзова дают ис-

черпывающую информацию для воплощения внешнего вида этих построек в любом ракурсе [Визгалов, 2022].

Созданные в результате работы графические реконструкции дают подробное представление о том, как выглядели оборонные и, частично, жилые сооружения Берёзова в описываемый период. Многолетние археологические исследования позволили внести ряд уточнений и дополнений к тем сведениям, которые можно получить из исторических источников.

При этом важно отметить, что дискуссионных вопросов остается достаточно много. Одним из них является вопрос о примыкании восточной городской стены к Московской проезжей башне. В предложенной нами реконструкции решен вопрос о возможности беспрепятственного проезда в ворота башни, которому не мешают городни кремлевской стены. Но подобное фортификационное решение создавало бы «слепую зону» для ведения огня. Поэтому ведение пищального огня с Круглой и Пермской башен между башней и городской стеной было маловероятно с точки зрения русского оборонного зодчества.

Таким образом, в результате проделанной работы создан ряд графических изображений практически всех известных оборонных сооружений Берёзова на основе актуальной на сегодняшний день информации.

Нет сомнений в том, что археологические исследования, которые могут проводиться на этом историческом памятнике в будущем, добавят новую информацию о расположении и конструктивных особенностях укреплений и внутренней застройке Берёзова. В этом случае представленный графический материал может быть в короткие сроки переработан с учетом новых данных. В этом заключается безусловное преимущество графических реконструкций перед более масштабными и трудоемкими видами вспомогательных музейных материалов: макетов, 3D-визуализаций, аутентичных копий в натуральную величину.

Иными словами, перспективы дальнейшей работы над совершенствованием наших представлений о внешнем облике и конструктивных особенностях сооружений Берёзова главным образом зависят от проведения дальнейших археологических работ на территории этого уникального исторического памятника русского оборонного зодчества Западной Сибири.

Результаты работы по созданию графических реконструкций оборонных сооружений представлены в виде рисунков-реконструкций оборонных сооружений Берёзова – как общих планов кремля и острога, так и отдельных архитектурных элементов: башен, крепостных стен, встроенного в городскую стену воеводского двора.

Отдельной темой дальнейшей работы по визуализации строений Берёзова может стать реконструкция воеводского двора на основе работ ряда исследователей по изучению воеводских дворов XVI–XVII вв. Археологические работы вряд ли смогут добавить что-либо к пониманию того, как выглядел дом воевод Берёзова, поскольку крутой берег, на котором он был возведен, обрушился в реку.

Новые данные о расположении оборонных сооружений и внутренних построек Берёзовского кремля и острога, которые могут быть получены в результате последующих археологических экспедиций, могут внести коррективы в уже имеющуюся информацию и, следовательно, послужат основой для внесения изменений и дополнений в созданные графические реконструкции.

Литература и источники

Багалеи Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства / Багалеи Д. И. М. : Тип. университета, 1887. XVI; 614 с.

Вербовский А. В. Деревянное оборонное зодчество Подонцовья: создание графических реконструкций и их применение в музейной экспозиции // Научный сборник Государственного музея «Смоленская крепость» : материалы IV Междунар науч.-практ. конф. «Музеефикация фортификационных сооружений: проблемы и пути их решения». Смоленск : ФГБУК «Государственный музей «Смоленская крепость»; Свиток, 2025. С. 57–64.

Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. Екатеринбург : Демидовский институт, 2018. 504 с.

Визгалов Г. П. Развитие планировочной структуры города Берёзова по картографическим и изобразительным источникам XVII–XIX веков / Г. П. Визгалов, Е. В. Вершинин, К. К. Ермакова // Северные древности: археология, этнография, история, 2022. № 3. С. 58–83. – DOI 10.31630/2949-3609-2022-3-58-83. – EDN VYHVGK.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Петрова Е. Н. Берёзов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск ; Нефтеюганск ; Сургут, 2022. 158 с.

Визгалов Г. П. Усадьбы русских городов на Севере Западной Сибири в XVII веке по археологическим материалам // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. : в 2 томах. Братск ; Омск : Издательский дом «Наука», 2024. Т.1. С.335–343.

Давыденко В. В., Зоря А. Н. К исторической топографии крепости Тор XVIII века (исторические и археологические реалии) // Святогорский альманах 2017. Сборник научных трудов. КУ «Государственный историко-архитектурный заповедник в г. Святогорск». Харьков : Федорково, 2017. С. 116–150.

Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. М. : Искусство, 1988. 192 с.

Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М. : Стройиздат, 1977. 190 с.

Майничева А. Ю. Реконструкция Берёзовского острога 1636 года / А. Ю. Майничева // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий, 2010. Т. 16. С. 405–409. EDN OXDYDH.

Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. Т. II. Приложения. С. 572. (№ 414).

Петрова Е. Н. Берёзов: оборонительное и гражданское зодчество конца XVI – середины XVIII века (по данным комплексного исследования) / Е. Н. Петрова, Г. П. Визгалов, Д. А. Плеханов // Северные древности: археология, этнография, история, 2024. № 4(12). С. 10–157. DOI 10.31630/2949-3609-2024-4-10-157. EDN MRUONR.

Шашков А. Т. К истории основания Берёзова и Пелыма // Культурное наследие российской провинции: История и современность. К 400-летию г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998. С. 250–253.

Сведения об авторе:

Вербовский Андрей Валерьевич – старший научный сотрудник, ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей», 283086 Донецкая Народная Республика г. Донецк, ул. Челюскинцев, 189а.

E-mail: verbovskiyy@ro.ru

A. V. Verbovskiy¹

¹State budgetary institution Donetsk People's Republic «Donetsk Republican Museum of Local Lore», Donetsk, Russia

THE EXPERIENCE OF CREATING GRAPHIC RECONSTRUCTIONS OF DEFENSE STRUCTURES OF THE CITY OF BEREZOV

Summary

Graphic reconstruction in historical research is an auxiliary tool that makes it possible to visually present to the scientific community and a wide range of readers high-tech information obtained as a result of archaeological research, the study of historical documents and ethnographic materials.

The geographical scope of the article covers the territory of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug, Berezov, and the chronological XVI-XVII centuries.

The purpose of the publication is to present the results of work on the creation of graphic reconstructions of defense structures in Berezov.

The following scientists paid attention to the development of Berezov during this period: V. I. Kochedamov, A. T. Shashkov, E. V. Vershinin, A. Yu. Mainicheva, G. P. Vizgalov, S.G. Parkhimovich, E. N. Petrova.

The drawings of fortifications created on the basis of a thorough study of the results of archaeological materials and historical sources by architect E.N. Petrova make it possible to create a detailed graphic reconstruction of the Berezovsky Kremlin. The method of graphical reconstruction allows you to get a decorated product.

The results of the work on the creation of graphic reconstructions of the defense structures of Berezov are presented in the form of drawings-reconstructions of the defense structures of the city of Berezov, both the general plans of the Kremlin and the fort, as well as individual architectural elements: towers, fortress walls built into the city wall of the wooden voivod's house.

Thus, as a result of the work done, a number of graphic images of almost all known defense structures of Berezov have been created, based on current information.

References

Bagalej D. I. Ocherki iz istorii kolonizatsii stepnoj okrainy Moskovskogo gosudarstva [Essays from the history of colonization of the steppe outskirts of the Moscow state] / Bagalej D. I. M. : Tip. universiteta, 1887. HVI; 614 s.

Davydenko V. V., Zorya A. N. K istoricheskoy topografii kreposti Tor XVIII veka (istoricheskie i arheologicheskie realii) [On the historical topography of the 18th century Tor Fortress (historical and archaeological realities)] / V. V. Davydenko, A. N. Zorya // Svyatogorskiy al'manah 2017. Sbornik nauchnykh trudov. KU «Gosudarstvennyy istoriko-arhitekturnyy zapovednik v g. Svyatogorsk». Har'kov : Fedorkovo, 2017. S. 116–150.

Kochedamov V. I. Pervye russkie goroda Sibiri [The first Russian cities of Siberia] / Kochedamov V. I. M. : Stroizdat, 1977. 190 s.

Kradin N. P. Russkoe derevyannoe oboronnoe zodchestvo [Russian wooden defense architecture] / Kradin N. P. M. : Iskusstvo, 1988. 192 s.

Mainicheva, A. Y. Rekonstrukciya Beryozovskogo ostroga 1636 goda / A. YU. Mainicheva [Reconstruction of the Berezovsky prison in 1636] / A.Y. Mainicheva // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij, 2010. T. 16. S. 405–409. EDN OXDYDH.

Miller G. F. Istoriya Sibiri [The history of Siberia] / Miller G. F. M., 1999. T. II. Prilozheniya. S. 572. (№ 414).

Petrova E. N. Beryozov: oboronitel'noe i grazhdanskoe zodchestvo konca XVI – serediny XVIII veka (po dannym kompleksnogo issledovaniya) [Berezov: defensive and civil architecture of the late XVI – mid XVIII century (according to a comprehensive study)] / E. N. Petrova, G. P. Vizgalov, D. A. Plekhanov // Severnye drevnosti: arheologiya, etnografiya, istoriya, 2024. № 4(12). S. 10–157. DOI 10.31630/2949-3609-2024-4-10-157. EDN MRUONR.

Shashkov A. T. K istorii osnovaniya Beryozova i Pelyma [On the history of the founding of Berezov and Pelym] / Shashkov A. T. // Kul'turnoe nasledie rossijskoj provincii: Istoriya i sovremennost'. K 400-letiyu g. Verhotur'ya. Ekaterinburg, 1998. S. 250–253.

Vizgalov G. P. Razvitie planirovochnoj struktury goroda Beryozova po kartograficheskim i izobrazitel'nym istochnikam XVII–XIX vekov [The development of the planning structure of the city of Berezov according to cartographic and pictorial sources of the XVII–XIX centuries] / G. P. Vizgalov, E. V. Vershinin, K. K. Ermakova //

Severnye drevnosti: arheologiya, etnografiya, istoriya, 2022. № 3. S. 58–83. DOI 10.31630/2949-3609-2022-3-58–83. – EDN VYHVGK.

Vizgalov G. P., Parkhimovich S. G., Petrova E. N. Beryozov: pervyj russkij gorod Yugry XVI–XVIII vekov (kratkie rezul'taty kompleksnogo arheologicheskogo issledovaniya) [Berezov: the first Russian city of Yugra of the XVI–XVIII centuries (brief results of a comprehensive archaeological study)] // Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug v zerkale proshlogo. Vyp. 20. Hanty-Mansijsk ; Nefteyugansk ; Surgut, 2022. 158 s.

Vizgalov G. P. Usad'by russkih gorodov na Severe Zapadnoj Sibiri v XVII veke po arheologicheskim materialam [Estates of Russian cities in the north of Western Siberia in the 17th century according to archaeological materials.: in 2 volumes]. // Kul'tura russkih v arheologicheskikh issledovaniyah : sb. nauch. st. : v 2 tomah. Bratsk ; Omsk : Izdatel'skij dom «Nauka», 2024. T.1. S.335-343.

Verbovsky A. V. Derevyannoe oboronnoe zodchestvo Podoncov'ya: sozdanie graficheskikh rekonstrukcij i ih primenenie v muzejnoj ekspozicii [Wooden defense architecture of the Donets region: the creation of graphic reconstructions and their use in museum exhibitions] // Nauchnyj sbornik Gosudarstvennogo muzeya «Smolenskaya krepost'» : materialy IV Mezhdunar nauch.–prakt. konf. «Muzeefikaciya fortifikacionnyh sooruzhenij: problemy i puti ih resheniya». Smolensk : FGBUK «Gosudarstvennyj muzej «Smolenskaya krepost'»; Svitok, 2025. S. 57–64.

Vershinin E. V. Russkaya kolonizaciya Severo-Zapadnoj Sibiri v konce XVI – XVII vv. [Russian colonization of Northwestern Siberia in the late 16th–17th centuries]. Yekaterinburg : Demidovsky Institute, 2018. 504 p.

Information about the author:

Andrey V. Verbovskiy – the senior researcher of the museum, State budgetary institution Donetsk People's Republic «Donetsk Republican Museum of Local Lore»; Donetsk, Donetsk People's Republic.

E-mail: verbovskiyy@ro.ru

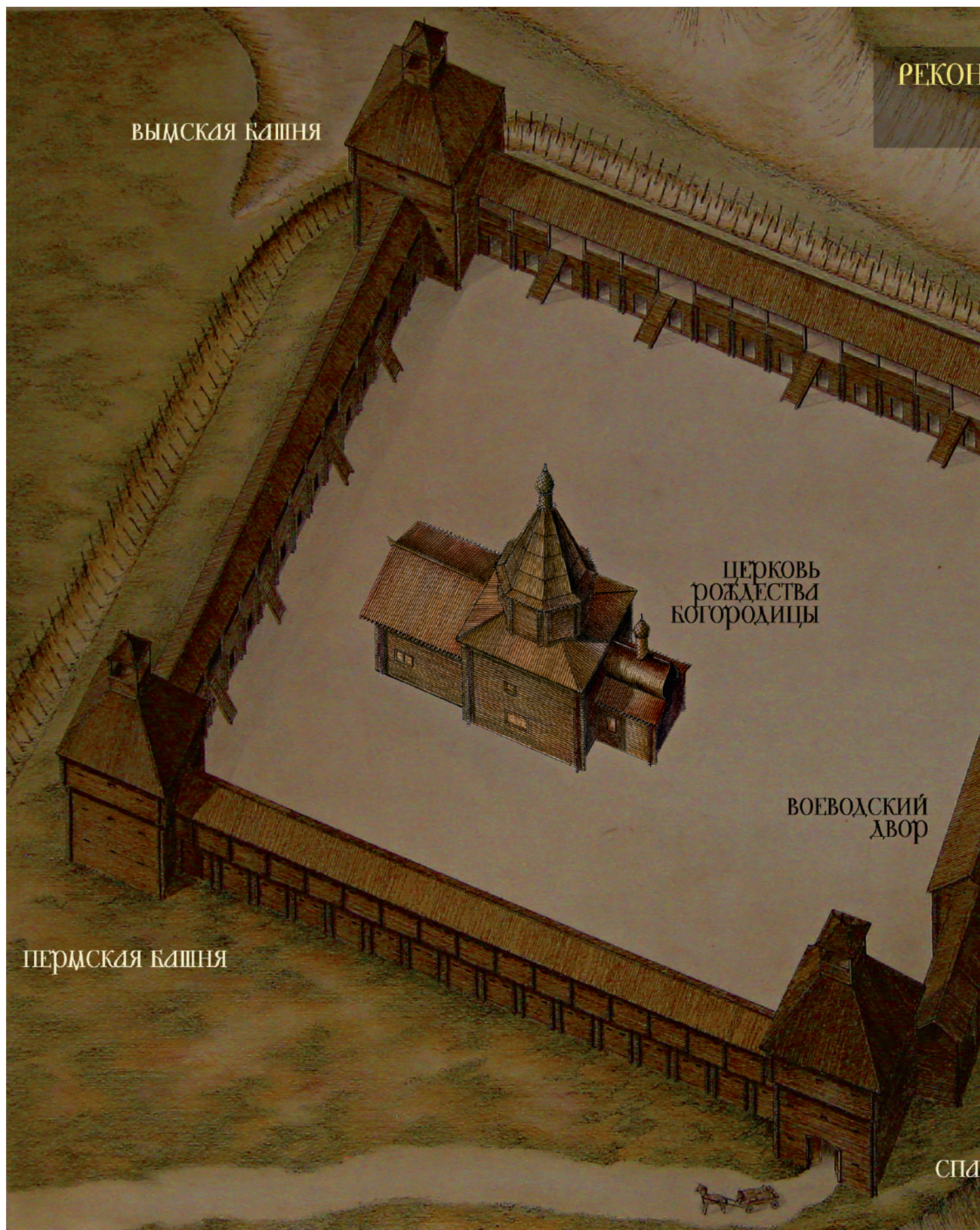

Рис. 1. Реконструкция городских укреплений Берёзова на момент начала строительства (1593 г.)
Fig. 1. Reconstruction of the Berezov city fortifications at the time of construction (1593)

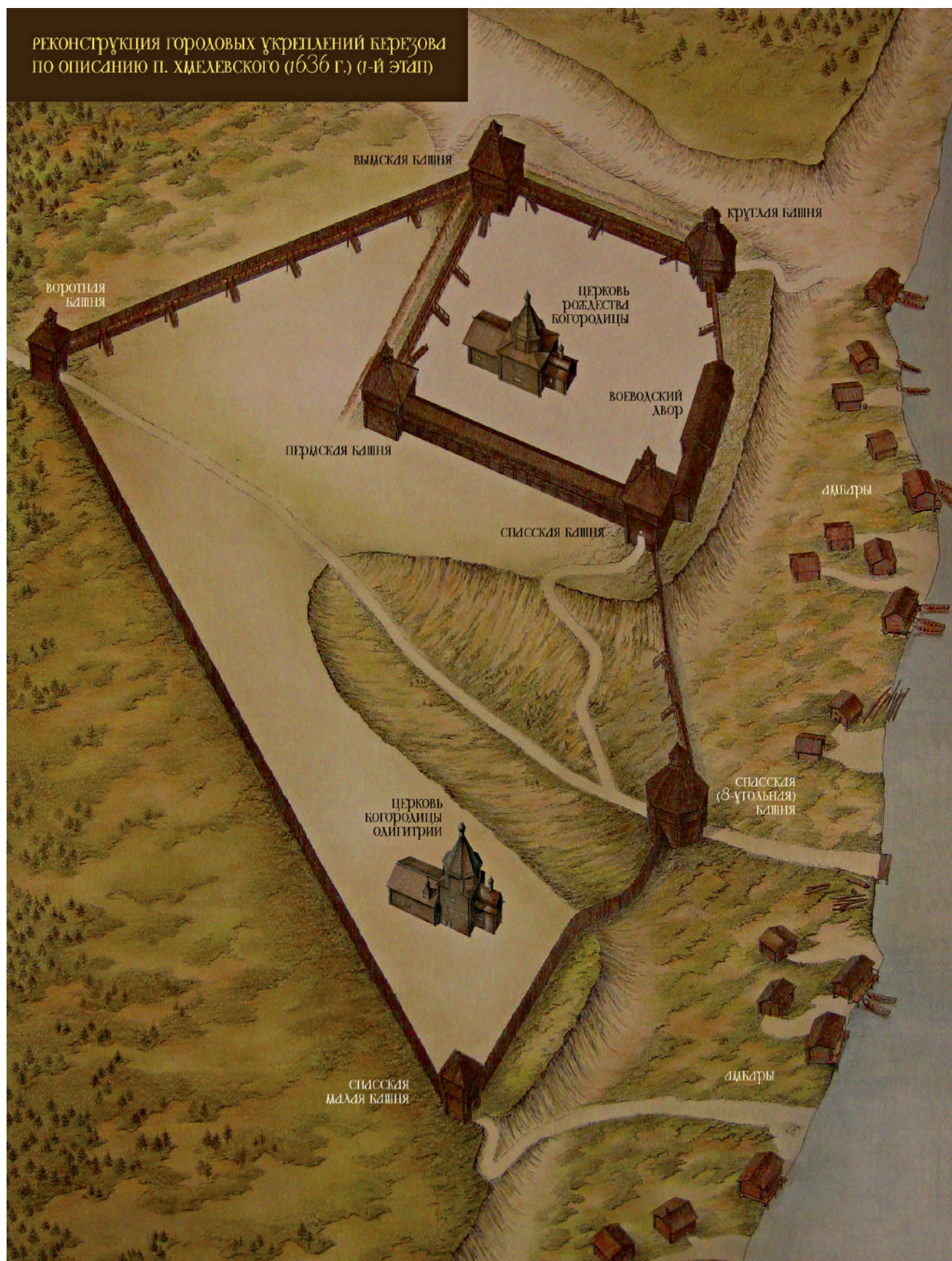

Рис. 2. Реконструкция городских укреплений Берёзова по описанию П. Хмелевского П. (1636 г.) (1-й этап)

Fig. 2. Reconstruction of the Berezov city fortifications according to the description of P. Khmelevskiy (1636) (1st stage)

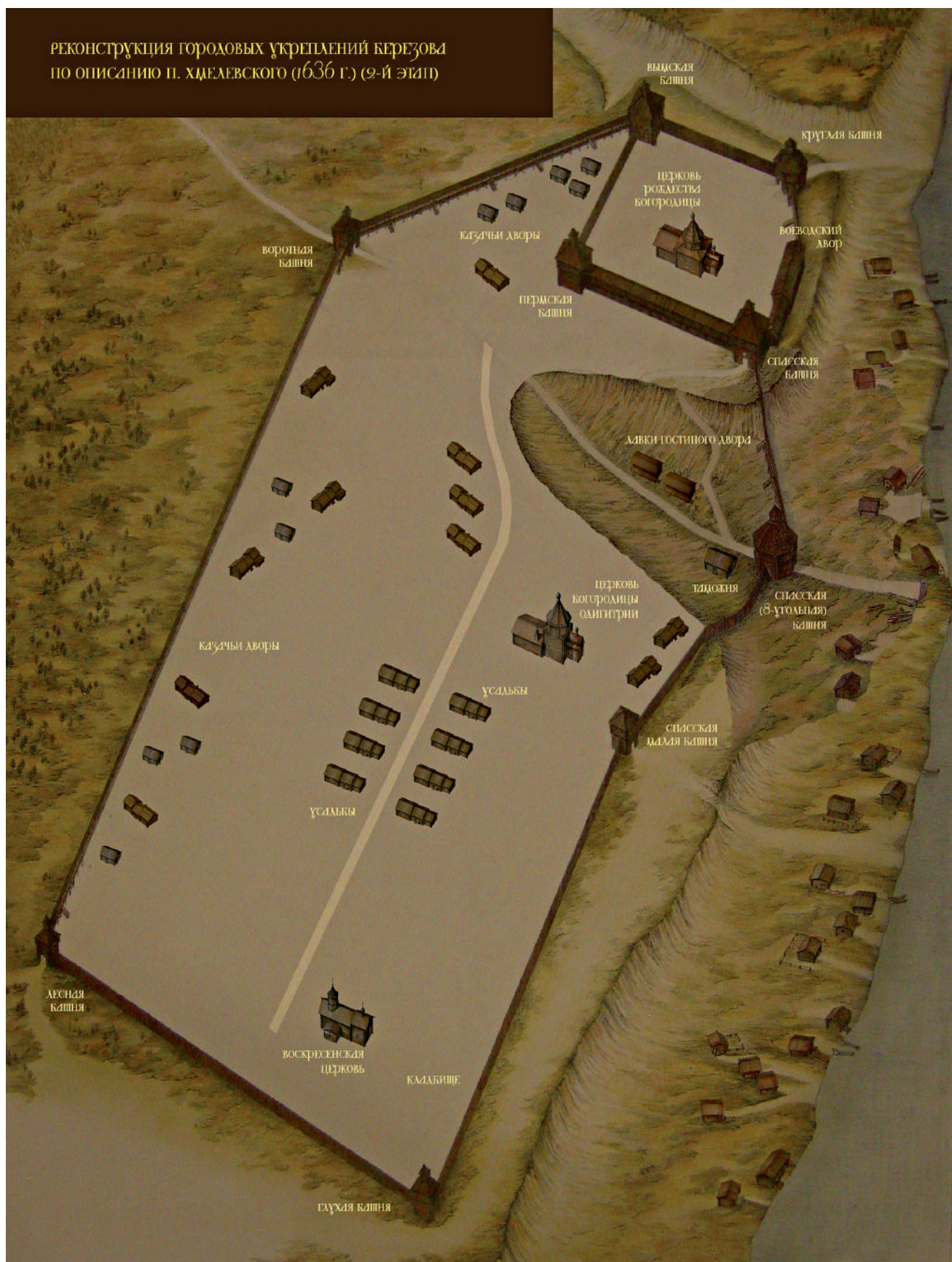

Рис. 3. Реконструкция городовых укреплений Берёзова по описанию Хмелевского П. (1636 г.) (2-й этап)

Fig. 3. Reconstruction of the Berezov city fortifications according to the description of Khmelevskiy P. (1636) (2nd stage)

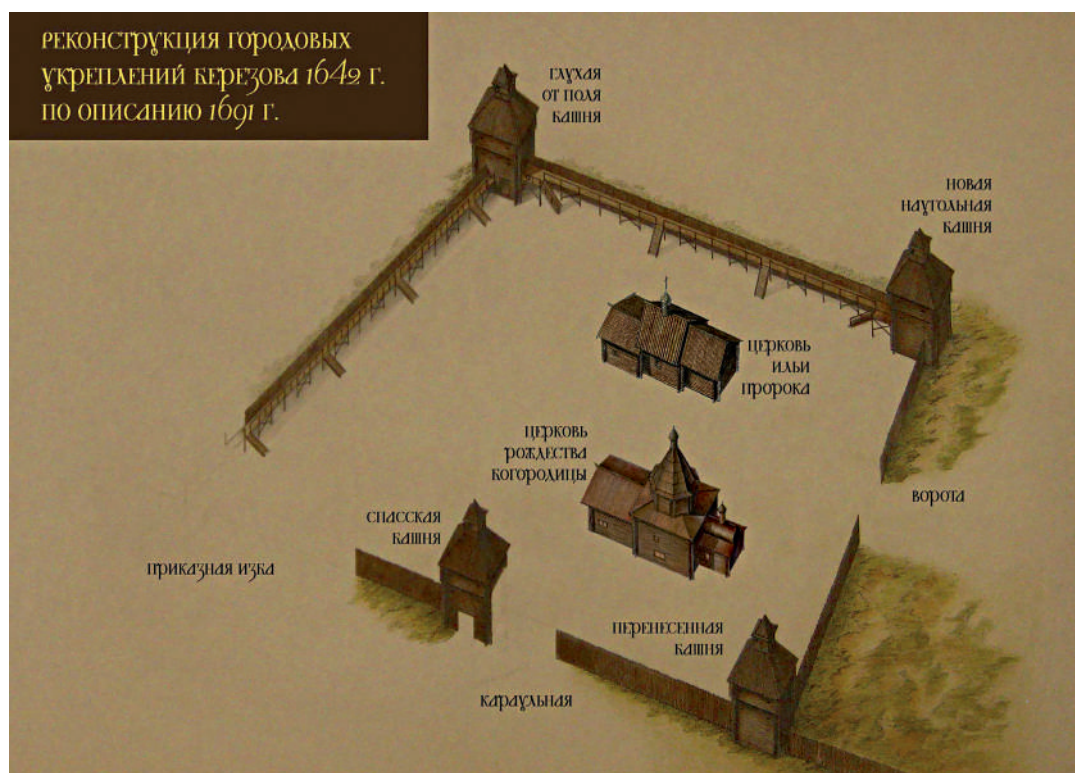

Рис. 4. Реконструкция городских укреплений Берёзова после 1642 г. по описанию 1691 г.

Fig. 4. Reconstruction of the Berezov city fortifications after 1642 according to the description of 1691

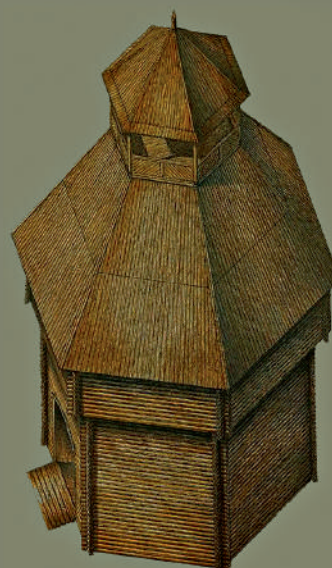
Рис. 5. Реконструкция воеводского двора Берёзова

Fig. 5. Reconstruction of Berezov's wooden voivod's house

РЕКОНСТРУКЦИЯ БАШЕН БЕРЕЗОВСКОГО КРЕМЛЯ

ВЫМСКАЯ
БАШНЯ

КРУГЛАЯ
БАШНЯ

ПЕРМСКАЯ
БАШНЯ

СПАССКАЯ
ПРОЕЗДНАЯ
БАШНЯ

Рис. 6. Реконструкция башен Берёзовского кремля
Fig. 6. Reconstruction of the towers of the Berezovsky Kremlin

РЕКОНСТРУКЦИЯ БАШЕН БЕРЕЗОВСКОГО ОСТРОГА

Рис. 7. Реконструкция башен Берёзовского острога
Fig. 7. Reconstruction of the towers Berezovsky fort

Рис. 8. Реконструкция рубленых стен Берёзовского кремля
Fig. 8. Reconstruction of the rublenyh walls of the Berezovsky Kremlin

Рис. 9. Берёзов. Реконструкция усадьбы № 3

Fig. 9. Berezov. Reconstruction of manor house No. 3

Рис. 10. Берёзов. Реконструкция усадьбы № 7
Fig. 10. Berezov. Reconstruction of manor house No. 7

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АНО	– Автономное некоммерческое объединение
АНО ИАС	– Автономная некоммерческая организация «Институт археологии Севера»
БУ ВО ХМАО-Югры	– Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
СурГУ	– Сургутский государственный университет»
ВЦИК	– Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГБУТО «ГА в г. Тобольске»	– Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ГБУТО ГАТО	– Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области»
ИАН	– Императорская академия наук
ИКиН	– историко-культурное наследие
ИЭА РАН	– Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
ИЭРиЖ УРО РАН	– Институт экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
МБУК СКМ	– Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Сургутский краеведческий музей»
НИИ	– научно-исследовательский институт
НИР	– научно-исследовательская работа
НОЦ ИГОиС	– Научно-образовательный центр Института гуманитарного образования и спорта
НПО	– научно-производственное объединение
НПО «СА-1»	– Научно-производственное объединение «Северная археология – 1»
НПЦ	– научно-производственный центр
ОАО	– Открытое акционерное общество
ОКН	– объект культурного наследия
ООО	– Общество с ограниченной ответственностью
ООО «НАЦ «АВ КОМ – НАСЛЕДИЕ»	– Общество с ограниченной ответственностью «Научно-аналитический центр «АВ КОМ – НАСЛЕДИЕ»
ОПИ ИА РАН	– Отдел полевых исследований Института археологии Российской академии наук
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
СО РАН	– Сибирское отделение Российской академии наук
СПбФ АРАН	– Санкт-Петербургский филиал государственного бюджетного учреждения науки Архива Российской академии наук
ТПП	– Территориально-производственное предприятие
УРО РАН	– Уральское отделение Российской академии наук
ФГАОУ ВО НИ ТГУ	– Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
ФГБОУ ВО РГПУ	– Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена»
ФГБУ ВО УрГПУ	– Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Уральский государственный педагогический университет»
ФГБУ РАН (АН)	– Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская академия наук»
ФГБУН ИАЭТ СО РАН	– Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ФГБУН ФИЦ ТюмНЦ СО РАН	– Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
ФКУ РГАДА	– Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив древних актов»
ХМАО	– Ханты-Мансийский автономный округ
ЯНАО	– Ямало-Ненецкий автономный округ
ГЛОНАСС	– Глобальная навигационная спутниковая система
МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова гора»	– Муниципальное автономное учреждение Сургутского района «Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора»
ФГБУ ВО УрГУ	– Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Уральский государственный университет»
НГДУ	– нефтегазодобывающее управление
БИБИФ	– Библиотечный информационный историко-культурный фонд
пгт	– поселок городского типа
РНФ	– Российский научный фонд
МК	– музейный комплекс
НКО	– некоммерческая организация
ЦКП СурГУ	– Центр коллективного пользования Сургутского государственного университета
ГБУ ДНР	– Государственное бюджетное учреждение Донецкой Народной Республики
ООО НЦ «Топос»	– ООО Научный центр «Топос»
ГАМО	– Государственный архив Магаданской области
МОО «РГО»	– Магаданское областное отделение «Русское географическое общество»
ПМА	– полевые материалы авторов
ФГБОУ ВО «СВГУ»	– Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный государственный университет»

ABBREVIATION LIST

- ANO – Autonomous non-commercial organization
 ANO IAS – Autonomous non-commercial organization “Institute of Archeology of the North”
 BU HE KhMAO-Yugra Surgut – Budgetary Institution of Higher Education of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra State University “Surgut State University”
 VTsIK – All-Russian Central Executive Committee
 SBITO “GA in Tobolsk” – State Budgetary Institution of the Tyumen Region “State Archive in Tobolsk”
 SBITO GATO – State Budgetary Institution of the Tyumen Region “State Archive of the Tyumen Region”
 IAN – Imperial Academy of Sciences
 ICH – Historical and cultural heritage
 IEA RAS – Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences
 IERIZH UB RAS – Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
 MAE – Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
 MBUK SKM – Municipal budgetary institution of culture “Surgut Museum of Local Lore”
 RI – Research institute
 R & D – Research work
 REC IGOIS – Scientific and Educational Center of the Institute for Humanitarian Education and Sports
 SPA – Scientific and production association
 SPA “SA-1” – Scientific and Production Association “Northern Archeology – 1”
 SPC – Research and production center
 OJSC – Open Joint Stock Company
 CHS – Cultural heritage site
 LLC – Limited Liability Company
 NAC “AV COM – HERITAGE” – Limited Liability Company “Scientific and Analytical Center “AV COM – HERITAGE”
 OPI IA RAS – Field Research Department of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences
 PSRL – Full collection of Russian Chronicles
 SB RAS – Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 SPbF ARAN – St. Petersburg branch of the state budgetary institution of science of the Archive of the Russian Academy of Sciences
 TPP – Territorial production enterprise
 UB RAS – Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
 FSAEI HE NR TSU – Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “National Research Tomsk State University”
 FSBEI HE RSPU – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen”
 FSBI HE USPU – Federal State Budgetary Institution of Higher Education “Ural State Pedagogical University”
 FSBI RAS (AN) – Federal State Budgetary Institution “Russian Academy of Sciences”
 FSBSI IAET SB RAS – Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 FSBSI TyumNC SB RAS – Federal State Budgetary Institution of Science Federal Research Center Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 FKU RGADA – Federal Government Institution “Russian State Archive of Ancient Acts”
 KhMAO – Khanty-Mansi Autonomous Okrug
 YaNAO – Yamalo-Nenets Autonomous Okrug
 GLONASS – Global navigation satellite system
 MAI SD “HCRPC” – Municipal Autonomous Institution of the Surgut District “Historical and Cultural Research and “Barsova Gora” Production Center “Barsova Gora”
 FSBI of HE USU – Federal State Budgetary Institution of Higher Education “Ural State University”
 OGPA – oil and gas production administration
 LIHCF – Library Information Historical and Cultural Foundation
 UTS – Urban-type settlement
 RSF – Russian Science Foundation
 MC – museum complex
 NPO – non-profit organization
 CCU of SurSU – Center for Collective Use of Surgut State University
 GAMO – State Archives of the Magadan Region
 FMA – field materials of the authors
 MOO “RGO” – Magadan Regional Branch of the “Russian Geographical Society”
 FGBOU VO “SVSU” – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “North-Eastern State University”

СЕВЕРНЫЕ ДРЕВНОСТИ: АРХЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 1 (17) 2026

Актуальные вопросы сохранения
историко-культурного наследия Югры и сопредельных территорий
(материалы региональной научно-практической конференции, г. Сургут 15-18.04.2025 г.)

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»
ANO "INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE NORTH"

ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ – 1»
LLC "SCIENTIFIC PRODUCTION ASSOCIATION "NORTHERN ARCHAEOLOGY – 1"

БУ ВО ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
SURGUT STATE UNIVERSITY

Приглашаем ученых, молодых исследователей, преподавателей и студентов присоединиться к авторскому коллективу журнала «Северные древности: археология, этнография, история» и подать заявку на публикацию, прислав ее на электронный адрес: archeonord.journal@yandex.ru.
Все подробности на сайте издателя <http://www.nordarcheo.ru/>

Издатель

АНО «Институт археологии Севера» 628306 РФ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нефтеюганск,
Промышленная зона Пионерная, ул. Набережная, стр. 16, офис 202

Адрес редакции:

628306, РФ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нефтеюганск,
Промышленная зона Пионерная, ул. Набережная, стр. 16, офис 202

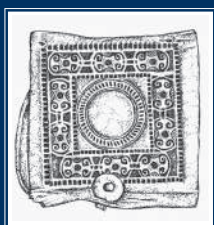
Формат 60*90/8. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0.

Тираж 100 экз. Журнал распространяется бесплатно. Заказ № 2640140. Дата выхода в свет 14.04.2026 г.
Отпечатано в типографии ООО «Типография Форт Диалог».
620085, г. Екатеринбург, ул. Монтерская, 3/81А.

ISSN 2949-3609

9 772949 360002 >

NORTHERN ANTIQUITIES:

ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY, HISTORY

